
Владимир Мединский
О жестокости русской истории и
народном долготерпении
Мифы о России

Владимир Мединский

О жестокости русской истории и народном долготерпении

Мифы о России

Москва
2010

УДК 17
ББК 87.7
М 42

Мединский В. Р.

М 42 О жестокости русской истории и народном долготерпении. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 240 с. (Мифы о России)

ISBN 978-5-373-03701-3

«Всем известно», что российская история – самая кровавая и жестокая. Представление о низкой цене человеческой жизни в России так укоренилось в нашем сознании, что уже и возражать трудно. Сказать, что это чепуха, – так просто никто не поверит на слово.

Поэтому рассмотрим нашу «страшную» и «кровавую» историю в разные ее периоды и проследим, имеет ли отношение к истине столь мрачный исторический миф. И, конечно же, сравним – только правильно, с учетом временного фактора, – положение дел в России с положением дел в Европе.

Так же поступим и с мифом о народном долготерпении. Мол, русский народ долготерпелив и «вынесет всё». Мол, долготерпение и упование на власть – исконно русская черта. «Вот приедет барин, барин нас рассудит...» Ну и накажет, конечно, строго! Тут возвращаемся к мифу о жестокости. ☺

Читайте, думайте, спорьте.

УДК 17
ББК 87.7

ISBN 978-5-373-03701-3

СОДЕРЖАНИЕ

Миф о жестокости

Дешева кровь на червонных полях.
И никто не будет выкупать ее. Никто.

Михаил Булгаков
«Белая гвардия»

«Всем известно», что российская история – самая кровавая и жестокая. *«Русская земля – страшная, Питер...»* – говорит Франц Лефорт молодому Петру в романе Алексея Толстого «Петр I»[1].

В романе действительно много жестоких сцен: пытки стрельцов, закопанная в землю женщина-мужеубийца, страшные публичные казни. Не раз и не два получается так, что Россия – это и есть жестокость, мир насилия и легкого, чуть ли не веселого кровопролития. А уголок Запада в Москве, слобода Кукуй – это другое дело. *«Хохот, веселые лица, кубки сдвинутые... шумство»*[2].

В общем, добрые они и хорошие, иностранные слуги Петра, намного приятнее русских.

Представление о жестокости русской истории и природной жестокости нашего собрата-соплеменника, о низкой цене человеческой жизни в России так укоренились в нашем сознании, что уже и возражать трудно. Сказать, что это чепуха, – так мне просто никто не поверит на слово.

Поэтому я рассмотрю нашу «страшную» и «кровавую» историю в разные ее периоды и прослежу, имеет ли отношение к истине столь мрачный исторический миф. И конечно же сравню – только правильно, с учетом временного фактора, – положение дел в России с положением дел в Европе.

---

[1] *Толстой А. Н.* Петр I. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. М., 1960.

[2] Там же.

Глава 1

У истоков цивилизаций

На меже всегда валяются черепа.

Адыгейская поговорка

Разное начало

Примерно в одно и то же время формируется Европа и Русь.

XI–XII века считаются в Европе временем осознания, идентификации себя Европой. Карл Великий в 800-х годах даже попытался восстановить Западную Римскую империю. Политическая и интеллектуальная элита осознают себя, конечно, не прямыми продолжателями традиций Рима, а скорее их наследниками.

Теоретически европейская цивилизация возникала из двух одинаково важных источников: из наследия Великого Рима и из наследия германских племен, завоевавших империю.

Наследие Рима... До сих пор оно покоряет умы и радует сердца. Наследие Рима – это великолепные дороги, водопроводы-акведуки и монументальные сооружения. Это идея гражданского общества, в котором каждый гражданин имеет неотъемлемые права. Это идея строгих, но разумных законов, равных для всех.

Римляне сказали, как отрезали: «Закон строг – но это закон». Хорошо сказано. Однако им же принадлежит и авторство следующего высказывания: «Что позволено Юпитеру, не позволено быку».

Наследие Рима – это сам латинский язык, гораздо более сложный, чем тогдашние германские, более пригодный для выражения сложных понятий. Язык, на века ставший языком международного общения, преподавания в университетах, язык религии, литературы и науки. Наследие Рима – это, собственно, христианство, религия великая и мудрая, где бы она «технически» ни зародилась.

А еще наследие Рима – это рабовладельческий строй. Строй, при котором в Рим, в Италию, на имперские земли со всего тогдашнего мира ввозили рабов. Некоторым из них везло: они становились декламаторами, педагогами, личной прислугой, поварами, чтецами. Такой раб, оставаясь живой мыслящей вещью, жил сравнительно комфортно и мог достигнуть приличного для того времени возраста – лет 50 и даже 60.

Но это – судьба отдельных, привилегированных рабов. Римляне разделяли «раба из дома» и «раба с виллы». Раб с загородного поместья, виллы, жил недолго, в среднем от пяти до семи лет. Существовало много способов следить за говорящими орудиями, заставлять их работать, наказывать, поощрять. Чтобы выжать из раба как можно больше[1]. После этого добрый хозяин выгонял изможденного раба, а более жадный и строгий скармливал собакам. В Риме в устье Тибра был такой островок, на который полагалось свозить заболевших и состарившихся рабов. Если раб ухитрялся выжить и сбежать с островка – получал свободу.

[1] *Катон Марк Порций.* О земледелии. М.–Л., 1954.

Нравы изменялись, потому что Рим все меньше воевал, раб становился дороже и ценнее. Христианство меняло нравы. Согласно легенде, в 409 году некий монах выбежал на арену цирка, где должны были сражаться гладиаторы. Он поднял крест и закричал, что дети Бога не должны убивать себя на потеху другим Божьим детям. С этого года гладиаторские бои были в Риме запрещены[1].

Но оставались традиции вести хозяйство руками рабов. Умение «разбираться в людях», то есть выделить самых беспощадных, поставить их в погонялы-надсмотрщики, а также понять, какой из рабов может быть опасен, оставалось таким же важным навыком для хозяина, как умение определить время сева или выжать хороший сок винограда.

Опасных или сильных рабов заковывали. Порой сажали в специальные тюрьмы, где сидящие в подвале скованные люди вращали жернова или выполняли другую физически тяжелую, примитивную работу. С широкими деревянными ошейниками, чтобы нельзя было сунуть в рот пригоршню ими же размолотой муки.

Рабство омертвляло производство. Оно определяло низкую производительность труда и невысокое качество товара: раб работал плохо. Рабу обычно можно было дать только самые примитивные орудия и поручить самые простые виды работы. Рабство заставляло считать любой физический труд, всякое материальное производство уделом низших, занятием презренных.

Некоторые ученые XX века с недоумением говорили, что древние римские инженеры вполне могли бы создать паровую машину или ветряную мельницу. Мог-

---

[1] *Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1997.

ли бы! Но не видели в том никакого смысла, да и направлена была их мысль в совершенно другую сторону. Достойным делом римлянам виделась в основном военная и государственная служба, лишь отчасти – медицина, литература, религия...

Когда грек Архимед придумал машину для горных разработок, его подняли на смех: *«Лучше придумай машину, которая заменит труд надсмотрщика. Эти бедняги целый день жарятся на солнце и чешут ленивым рабам хребты. Придумай машину, которая порола бы ленивых рабов, и ты сделаешь великое открытие, Архимед»*.

Рабство давало опыт обогащения, достигаемого за счет нечеловеческого отношения к человеку. Этот опыт и римлян, и германцев, завоевавших их земли, – тоже часть наследия Великого Рима.

И опыт насилия, истребления, продажи в рабство, ограбления. И опыт жестокой расправы с пленными и непокорными.

Многие из школьных учебников знают о триумфе – торжественном шествии через Вечный город победителей-римлян, проносивших награбленное, проводивших стада и пленных через Триумфальную арку. Красивый торжественный обычай. А что делали с вождями побежденных? Об этом не пишут в учебниках, а жаль. Обычно вождей после триумфа замуровывали живыми.

Югурта, вождь племени из Северной Африки, зло пошутил в свой последний час: *«И холодные же бани у вас, римляне!»* Шутка понравилась, ее передавали с веселым смехом. Югурта умирал, «похороненный» заживо в стене здания.

Самого известного из вождей галльского сопротивления – Верцингеторикса Юлий Цезарь (славившийся, кстати, на фоне римлян-современников сво-

им великодушием) привез в клетке как дикое животное и держал в ней несколько лет, пока пленник наконец не дождался удачного для Цезаря политического момента для проведения в Риме триумфа.

Верцингеторикс во время триумфа шел прикованный к колеснице Цезаря. По заведенному протоколу мероприятия в конце, на сладкое, полагалось казнить пленных вражеских царей и вождей. Это было своего рода жертвоприношение римским богам. Отсидев в ожидании такого замечательного события много лет в клетке, Верцингеторикс был казнен Цезарем без всякого милосердия.

Этот урок «цивилизованного» отношения к пленным отразился на психологии «варваров» – племен готов, франков, бургундов, лангобардов... Эти дикие племена и сами были еще более жестоки и бесчеловечны, как и все первобытные люди.

Дикое племя истребляет другое племя, чтобы захватить его землю, убивает всех подряд, включая беременных женщин и младенцев в люльке, – да и не считает первобытный человек иноплеменников такими же людьми, как он сам. И на всякой меже обязательно валяются черепа.

Дикое племя грабит иноплеменников, весело захватывает их имущество, накладывает дань и очень радуется, что жить можно чужим трудом.

Дикари знали рабство, но патриархальное. Рабство, при котором раб живет в одном доме с хозяином, ест с ним за одним столом: такой личный и не свободный батрак.

А цивилизованные римляне подсказали дикарям еще одну прекрасную идею – превращать пленных в «рабов с виллы» и использовать их по полной программе.

Что говорит историческая память?

Практически в один исторический период возникли народные эпосы: германский – «Песнь о Нибелунгах», испанский – «Песнь о моем Сиде», франкская «Песнь о Роланде», скандинавские саги.

Войны, борьба с врагами – основные сюжетные линии сказаний, созданных разными народами в период раннего Средневековья. В них в полной мере отражена идеология и психология народов Европы того времени.

В «Песне о Нибелунгах» воинственные дружинники варварской эпохи проявляют поистине варварскую жестокость. Благородство, презрение к смерти и опасностям сочетается с дикостью воина-зверя. Спокойно описывается, как рыцари на поле брани утоляют жажду кровью убитых врагов. Кровь льется рекой, практически в каждом четверостишии перед читателем предстают картины кровавых битв и поединков. Не только мужчины, но и женщины участвуют в кровопролитных побоищах, не щадя никого: ни старого, ни малого.

В сказаниях детально описывается, каким оружием сражались, как именно убивали врагов, что снимали с трупов врагов, что захватывали в лагере поверженных.

Нападайте дерзко, грабьте проворно...
Не брезгуйте там ни добром, ни казною...

«Песнь о Сиде»

Война – доблесть для героев.

И как же они чудовищно, неправдоподобно жестоки...

...На Ортлиба обрушил жестокий Хаген меч,
И голова ребенка, слетев со слабых плеч,

Кримхильде на колени упала тяжело,
И тут кровопролитие у витязей пошло...
«Песнь о Нибелунгах»

Вот они, традиции племенной первобытной войны.

Как говорится, «почувствуйте разницу» с былинами. Конечно, Илья Муромец и его боевые товарищи, рубясь с «погаными», особым гуманизмом тоже не отличались – a la guerre, comme a la guerre[1], но сносить голову ребенку или «грабить проворно» – в былинах подобного не замечалось...

Еще один интересный штрих. Всем известно, что такое рыцарское отношение к женщине. Но опять-таки обратимся к первоисточникам:

И разом затрещали все кости у нее,
И деве обуздать пришлось тщеславие свое...
«Песнь о Нибелунгах»

Такая вот галантность...

Конечно, если внимательно читать германские сказания, то примеры настоящего благородства и действительно рыцарского отношения к женщине тоже можно найти.

Но и эти слова из песни не выкинешь.

Рыцарство, поклонение прекрасной даме – еще одна тема эпоса. Она присутствует и в «Песне о Роланде», и в цикле о короле Артуре. Но параллельно с этим присутствует описание насилия как по отношению к женщине-крестьянке, так и физическое наказание жен.

---

[1] На войне как на войне *(фр.)*. *(Прим. ред.)*

Герои былин не целуют дамам ручки и не таскают за собой по половецким степям надушенную перчатку любимой. Да и вообще в былинах нет любовных сцен, наш эпос более целомудренный, что ли, более сдержанный. Но и сцен насилия нет. Нет и сцен наносимых женщинам побоев.

Древний фольклор и политика XX века

Я освобождаю вас от химеры по имени «совесть и мораль».

Адольф Гитлер

Древние герои «Песни о Нибелунгах» весьма своеобразно отразились в идеологии XX века. Когда немецким нацистам понадобилось избавиться от морали и этики христианства («от химеры, именуемой "совесть"») и в то же время не оставить народ без идеологической опоры, в сжатые сроки, на скорую руку была создана новая мифология, основой которой послужил древний германский эпос.

Герои эпоса идеализировались и воспевались (вспомните эпические музыкальные произведения Вагнера).

Новым образцам оружия давались названия, заимствованные из древних источников. Обыгрывалась благородная символика, начиная от мифологии «высшей расы» и кончая народными преданиями об оборотнях-вервольфах (люди-оборотни, по ночам превращающиеся в волков). Вервольфы, гитлеровские отряды добровольцев-диверсантов, действовали в тылу наступавших войск союзников.

В отличие от наших партизан-любителей[1] это были, скажем, – спортсмены-профессионалы.

Разумеется, древние герои совершенно не виноваты в том, как их использовал колченогий Геббельс и его сотрудники. Но каков уж фольклор, такие оказались и «вариации на тему».

А на Руси?

> Нет класса людей на свете более добродушного и миролюбивого, чем русское крестьянство.
>
> Уоллес Макензи,
> *английский ученый XX в.*

А на Руси было не так. Мы брали опыт цивилизации и христианства в Восточной Римской империи, Византии.

Эта империя, во-первых, была меньше поражена раковой опухолью рабства, в частности, поэтому она устояла во время нашествий варваров.

Во-вторых, мы брали опыт империи позже – и это принципиально! Много воды утекло из Дуная, Рейна и Тибра с VI по X век – рабовладельческий строй за это время ослаб, а христианство, наоборот, укрепилось.

В-третьих, Русь строилась не на территории бывшего Рима, а на совсем иных землях.

---

[1] Были, конечно, и инструкторы НКВД из спецуправления по организации партизанского движения, но основная, до 90 %, масса – гражданские лица. От бывших партработников (помните, «Подпольный обком действует»?) до ушедших в лес колхозников – Герасимов Куриных нового времени.

В-четвертых, у нас земли больше... Если племя разрослось в числе, ему есть куда расселяться. Не нужно ни с кем воевать. Не нужно «завоевывать Родину». Нет нужды кого-то резать или прогонять.

Рабство у нас просто экономически невыгодно. Это из Италии бежать некуда, и армия восставших рабов Спартака судорожно металась, не зная, куда ей деваться. На Руси рабу всегда есть куда бежать. Да и сам тип хозяйства требует самостоятельности, активности, предприимчивости, свободы выбора.

Пафос западных эпосов — это пафос захвата и передела. Пафос былин — это пафос защиты и освоения.

О княгине Ольге

От Древней Руси дошел только один документ, в котором есть сюжеты, похожие на западные.

Это летописное сказание о княгине Ольге. О ее мести племени древлян, убивших мужа Ольги, князя Игоря.

В этом сказании есть все, что «полагается»: послов древлян жгут в бане, хоронят живыми, столицу древлян Искоростень сжигают дотла, а племя режут, пока есть к тому хоть малейшая возможность.

Но есть тут сразу три любопытных детали.

Деталь первая: такое сказание у нас только одно. Оно стоит особняком и совершенно нетипично для Руси.

Деталь вторая: Эльга-Ольга, варяжская княгиня Руси, принесла традиции своей земли. И описание ее мести очень похоже на аналогичные описания из скандинавских саг.

Деталь третья: не народный певец-былинник, а «профессионал»-летописец откровенно восхищается

зверством Ольги, ее жестокостью, коварством, упорством в пролитии крови. Есть в этом даже некое мужское удовольствие при виде качеств Ольги как верной жены: отомстила за мужа и осталась одна-одинешенька до конца своих дней, даже византийскому императору Константину, просившему ее руки, отказала! Есть тут и демонстрация могущества, жестокости утвердившейся в Киеве монархии.

Но в народной памяти ни Ольга, ни ее месть не сохранились. Древнерусское государство высоко оценило Ольгу, церковь сделала ее Святой Равноапостольной Ольгой. А русский народ сохранил свое мнение на этот счет. Ни в одной из былин нет ничего о княгине Ольге и ее мести.

Совсем другое отношение к историческому материалу.

О чем повествуют былины?

> Убивайте всех, на том свете
> Господь узнает своих!
>
> Амальрих Арно,
> *Папский легат после взятия альбигойской крепости Безьер,*
> *1209 г.*

Русские былины создавались и пелись, именно пелись, с XII по XVIII век[1]. Русский народный эпос служит для народа неписаной, традиционной летописью, переданной из поколения в поколение в течение столетий.

[1] Былины: Сборник. Л., 1986.

По былинам богатыри в минуту опасности встают на защиту Русской земли. Все «дружинушки хоробрые». Князь киевский призывает на защиту Русской земли богатырей, то есть – народ! Богатыри – не феодальное сословие, не потомственные воины. Это не японские самураи и не европейские рыцари.

Илья Муромец – простолюдин. Алеша Попович... По фамилии ясно, из кого он происходит.

Богатыри не занимаются самообогащением и не обогащают князя. Нет в былинах ни одного описания грабежа или даже перечисления взятой добычи.

Вот Илья схватил вражеского воина за ноги, махнул – улица, отмахнулся – переулочек. Пафос битвы с врагом, смертельно опасной работы по защите родной земли. И ни единого описания, сколько заработали богатыри, какие шлемы, мечи и кольчуги сняли с убитых врагов, сколько коней угнали, какие богатства получили.

Русскому эпосу все это не интересно. У богатырей особая роль – роль истинных защитников Русской земли.

В западноевропейском эпосе читатель не найдет богатырей из народа, потому что эпос облекает в богатырские формы основные действующие силы истории, а на Западе в течение Средних веков такой действующей силой являлся не народ, а служилое сословие профессиональных потомственных воинов.

Русский богатырь человечнее и гуманнее западного рыцаря, свободнее духом и добрее.

Богатыри – не сторожа, не вассалы, не слуги и не телохранители князя, в былинах всячески подчеркивается их независимость. И былинное чисто поле – это не что иное, как эпический символ свободы.

В. Васнецов «Богатыри». 1898 г.
В народном эпосе русский богатырь – идеальный воин. Как правило, незнатного происхождения, но ведет себя исключительно по-рыцарски

И описание боя другое. Известно более ста былинных сюжетов, но ни в одном нет ужасающих кровавых сцен, а тем более рек крови и насилия. Даже образ врага в былинах собирательный: это или «силушка татарская», или Змей Горыныч, или Тугарин Змей.

Не описывается, как врагу раздрабливают череп или грудную клетку. Никто не сдирает кожу, не отрезает уши и носы и не пьет человеческой крови.

Напротив же – посмотрите на описание религиозных «крестовых походов»!

В средневековом европейском эпосе и более позднего времени, XII–XV веков, цель крестовых походов – кто не убит в бою, тот окрещен. Рыцарь готов вешать, жечь и резать нещадно. Это его цель, и религиозная рознь легко заменяет более древнюю, племенную.

В русском эпосе тема религиозной войны полностью отсутствует – так же как отсутствуют темы рели-

гиозной или расовой непримиримости, вражды. Главная задача – защита Русской земли, а не обогащение или, тем более, разбой.

О смерти фольклорных героев

Все герои европейских народных преданий гибнут. Гибнет король Артур. Гибнет герой англосаксонского эпоса Беовульф. Гибнет, несмотря на неуязвимость, герой германского эпоса Зигфрид, гибнут все рыцари-нибелунги. В борьбе с маврами гибнет главный герой французского эпоса Роланд. Гибнут все герои скандинавских саг. «Песнь о Нибелунгах», «Песнь о Роланде» – это песни о гибели героев.

Русские же богатыри непобедимы. Главному герою русского народного эпоса Илье Муромцу – «смерть в бою не писана». Заметим – в бою! Илья Муромец умирает, найдя подобающий ему гроб. Как отыскал для него сделанный гроб по размеру, значит, и умирать пора. Над его могилой – сам возникает курган. Родная земля сама находит ему место упокоения и отмечает могилу.

Потому что богатыри – это сам народ. Свободный, независимый, благородный!

Только Алеша Попович, последний из богатырей, погибает на Калке в первой битве русских с монголами. Погибает не просто как герой – в его смерти есть некий глубокий исторический смысл. После него нет на Руси богатырей – их время кончилось.

В отношении к насилию и жестокости проявляется принципиальная разница между двумя мирами и двумя типами мышления – европейским, механистическим, стремящимся к жесткой упорядоченности, и ин-

туитивистским, пластичным, не терпящим насилия и «правильности», мира русского.

Вывод напрашивается сам: характер нашего народа более мягок, менее жесток, менее склонен к насилию и кровопролитию, чем характер народов Европы. Не потому, что народы Европы плохие или порочные, – просто таковы были исходные исторические условия.

Глава 2

Средние века

Века были так себе, средние.

Эмиль Кроткий

Начнем с термина

Средневековье. Средние века. Между чем и чем они средние? В эпоху Возрождения, века с XIV, стали считать: была раньше высокая древняя культура... Древняя – это на латыни будет «античная». Культура Древней Греции и Древнего Рима. Потом варвары завоевали Западную Римскую империю, начались Темные, Средние века. Длились они до тех пор, пока не началось Возрождение древней, античной культуры.

Так в самом слове лежит представление о том, что раньше было хорошо, потом сделалось очень плохо, а в конце опять становится лучше и лучше.

Такое мнение имеет под собой основания. После падения Западной Римской империи с VI по XII–XIII века шла беспощадная война всех против всех.

Разумеется, если мы не будем опираться на теорию Носовского – Фоменко о том, что никакого этого времени ВООБЩЕ НЕ БЫЛО, а в истории просто потеряли 1000 (тысячу!) лет.

Т. е. крестовые походы на Западе и расцвет Киевской Руси на востоке начались сразу после распятия Христа.

Запустела земля, урожайность упала с 10–15 центнеров с гектара до 3–5 центнеров, леса даже в Италии наступали на поля и сады. Население Италии сократилось в 4–5 раз, Южной Франции – в 3–4 раза, Северной Франции – раза в два.

Хозяйство опять стало натуральным, виноградники появились в Британии и на Рейне... А в Италии стали выращивать хлеб, хотя там он растет хуже, чем на севере. Привезти товар стало невозможным, приходилось все производить на месте.

Вечная война требовала воинов, а не ученых. Упал уровень общей культуры, грамотности, образованности.

После этих страшных времен даже феодальная иерархия и жестокая власть феодалов казалась спасением от анархии и общего безумия. К XI–XII векам Европа начала превращаться в тот конгломерат народов и стран, который мы видим и сегодня.

Но сразу отмечу, на Руси не было ничего подобного.

История Руси протекала не на старых землях бывшей Римской империи. На Руси были разные группы зависимых людей, и ученые все спорят, какие именно повинности несли, в каких отношениях к хозяину находились закупы, смерды, рядовичи, холопы, рабичичи, обельные холопы. Но в любом случае, даже обельные, то есть полные холопы, не были рабами.

Мало того, что мы не знали рабства и его последствий для экономики, общественных отношений и психологии. Не было и страшного периода падения культуры, развала и упадка. Периода, в самом названии которого – оправдание крови и жестокости.

Термин как оправдание

Средневековье... Столь страшное определение относится ко всей европейской эпохе, тем самым обезличивая и снимая ответственность за жестокость и кровавость с конкретных европейских правителей того времени.

Действительно, чего вы хотите от безвременья, эпохи упадка и распада? Разве виновен Карл Великий, приказавший зарезать в Венсеннском лесу 4,5 тысячи пленных саксов? Или Джон Безземельный, пытавший банкиров, вымогая у них деньги? Французские феодалы не виновны в том, что замордовали собственных крестьян до потери инстинкта самосохранения и вынудили их подняться на страшную Жакерию. И не крестьяне виноваты в том, что разрывали они на части детей и сжигали живьем всякого рыцаря и всякого горожанина, попавшегося на их пути... Тут личная ответственность как бы стирается, потому что «эпоха была такая». Это не мы! Это Средневековье!

Сначала в понятие Средние, или Темные, века входило время с VI по XI век. Потом верхняя планка плавно двинулась вверх... Средневековьем стали официально считать сначала время до XIII века... до XIV... до XV... А в сознании обывателей, далеких от исторической науки, даже XVI век, Реформация тоже относятся к Средневековью.

И тогда все события этого времени тоже как бы обезличиваются, стираются. Вроде никто уже не виноват в конкретных событиях. Ведь государственный деятель и военачальник выступают не сами по себе, а как «жители Средневековья». Время было такое! Люди ни при чем!

Существуют огромные по значимости события, даже целые периоды истории, о которых все вроде слышали, но практически не задумываются о том, что же за ними реально стояло. Скажем, война гвельфов и гибеллинов в Италии – война сторонников светской власти Папы и сторонников власти германского императора.

Гвельфы и гибеллины резали друг друга три столетия. О чудовищной жестокости этой войны почти не помнят. Какие еще гвельфы-эльфы? Какие феи? Какие гоблины? – спросит любой студент-историк. А если что-то и было неприглядное, то что тут можно поделать? Средневековье!

Инквизиция? Жгут «ведьм»? Бароны грабят на больших дорогах? Любой вооруженный режет кого попало? Крестовые походы?

Так ведь Средние века...

В сознании просвещенного человека возникают характеристики многих негативных ЯВЛЕНИЙ, но не имена личностей, персонально ответственных за злодеяния, инквизицию или междоусобные войны.

Первое издание этой книги вызвало бурю откликов в СМИ и интернете, за что я очень признателен всем читателям и критикам. Была и масса критических замечаний: наш народ историю любит и всегда рад в мелочах заметить какую-то неточность. Большинство из них я постарался учесть во втором издании. Еще раз всем спасибо. Однако некоторые критические замечания все же вызывали недоумение. Например, один горе-литератор на полном серьезе обвинил автора и научного редактора в «полном незнании истории» на основании того, что «в отличие от того, что написано (в книге), инквизиция никого никогда не казнила, а только осуждала в ереси и передавала после того светским властям». Вот истинно глубокая мысль

подлинного знатока истории, черт побери! (Прости Господи, но при упоминании столь замечательного института Святой Римской католической церкви, как инквизиция, и сатану помянуть не грех). Что ж, вероятно, Торквемада сам раскаленными щипцами ногти еретикам не рвал, факел к костру не подносил. Для этого тогда и были нужны «светские» исполнители... Но продолжим гениальную мысль нашего критика: а что, разве виновен Сталин в репрессиях? Или виновны его соратники? Нет! Что вы! Они же – политики! В 1937 г., оказывается, виноваты солдатики из расстрельных команд и еще те, кто лично в «тройках» приговоры подписывал! Такое вот мышление, увы, у некоторых критиков – не лучших представителей нашей интеллигенции...

Светлым пятном в средневековой истории являются города. Города представляли собой противовес крепостничеству, защиту и для бедных, и для беглых, которые по закону становились свободными, прожив около года в черте города. В городах зарождалось местное самоуправление, хотя правильнее, наверное, говорить о возрождении древнегреческого, древнеримского местного самоуправления по типу городов-полисов.

Однако города также ассоциируются с явлениями, о которых современные европейцы предпочитают не вспоминать. В частности, как самоуправляющаяся коммуна город имел право на смертную казнь.

В каждом городе был палач, с которым город заключал «трудовой договор». Палача уважали, но сторонились. Жил он вместе с прочими горожанами, но всегда в отдельном домике и несколько особняком. Кстати, для палача всегда было большой проблемой выдать свою дочь замуж. При отсутствии сыновей правопреемником палача, наследником его профес-

сии должен был непременно становиться его зять – муж дочери. Ну а хотелось этого, как мы понимаем, не всем.

Виселицы или места для эшафотов – там, где имело место отсечение головы – обычно находились не в самом центре города. Нет, не на главной площади происходили казни, а поближе к городским воротам. Однако всегда обязательно в черте городских стен, потому что именно этой чертой и определялось право города выносить и приводить в исполнение смертные приговоры.

Места казней отодвигали подальше от центра еще и потому, что согласно древнему средневековому обыкновению трупы казненных преступников, как правило, по нескольку дней, а то и недель не убирались. Они накапливались, подванивали и еще становились предметом нездорового интереса по ночам.

Дело в том, что некоторые части тела казненных использовались в колдовских обрядах, а посему были ценным сырьем для лекарственных надобностей. Палец повешенного помогал безнадежно влюбленным девушкам обрести своего любимого.

А если под виселицей вырастало небольшое растение мандрагора – корень его напоминает маленького человечка,– считалось почему-то, что оно вырастает из спермы казненного, которая изливается в последние минуты жизни повешенного. Корень мандрагоры был предметом вожделения всех окрестных колдунов и знатоков черной магии, ибо верили, что с его помощью можно творить чудеса. Из-за большого содержания психоактивных алкалоидов – попросту наркотиков – эти корешки действительно трудно признать безвредными.

Идеология самооправдания

Без жестокости нет праздника – так говорит древнейшая, наиболее продолжительная история человека.

Фридрих Ницше,
немецкий философ и поэт XIX в.

В Средневековье политическая идеология существовала в религиозно-этической форме и развивалась усилиями богословов. Христианская мораль влияла на общественные отношения, она же и оправдала кровавые события того времени.

Фома Аквинский – философ XIII века, одна из основных фигур всей средневековой философии и науки. Фома обосновывает и оправдывает европейскую жестокость. Он полагает, что во избежание смуты надо подчиняться предписаниям, поскольку сохранение общежития основано на господстве и подчинении. Не исключено также, что произвольные действия правителя – зло, ниспосланное подданным за грехи, в любом случае сопротивление – грех[1].

Жестокость у западноевропейцев удивительным образом сочеталась с псевдонабожностью. Ярчайшие эпизоды подобных коллизий дают крестовые походы. Приведу лишь один из них – знаменитый штурм Иерусалима в 1099 году.

Крестоносцы взяли город штурмом, после чего и было образовано знаменитое по голливудским фильмам «Царство небесное» (см. одноименный киноблок-

[1] *Фома Аквинский.* «О правлении государей» // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI –XVII вв.). Л., 1990.

бастер, кажется, выпущенный в начале 2000-х гг.), т. е. королевство Иерусалимское. После того как Готфрид Бульонский вместе с братом Болдуином и рыцарско-бандитским сбродом со всей Европы ворвались в Иерусалим, резня была учинена ужасная. Во имя Господа пощады не давали никому. Ни женщинам, ни старикам, ни младенцам.

О евреев, попрятавшихся в храме, крестоносцы мечи марать не стали и попросту их сожгли вместе с синагогой. Мусульмане пытались найти спасение в мечети, однако конец был такой же. Как вспоминает хронист, кровь в этой мечети доходила до колена рыцаря, сидящего на коне.

Время от времени, правда, когда «рука бойцов колоть» уставала, рыцари делали перерыв для проникновенной молитвы и обращения к Господу. После чего, набравшись сил, перекусив и выпив, принимались за продолжение бойни. Считается, что после штурма, за сутки с небольшим в Иерусалиме было вырезано все население, а это около 70 тысяч человек. За какой-то один день.

Ничего подобного нет на Руси. У нас те же века – с VII по XIII – это не «средние века» упадка и катастрофы. Это не «час быка», а утро. Россия в период европейского «темного средневековья», в целом переживает культурный рост и обретение прочной государственности. Моральной основой российского государства становятся христианские ценности. Россия, конечно, как любое государство, переживала свои периоды смут и бунтов. Но эти события у нас никогда не обезличены, а наоборот – практически всегда имеют ярлык персонификации.

Мироощущение россиян окрашено в гораздо более радужные тона – уже хорошо. Напрочь отсутствует

мотив самооправдания, списывания грубости и жестокости на эпоху.

Современный европеец легко повторяет за Фомой Аквинским: «А иначе было бы еще хуже!» И все в порядке. Ни малейшего чувства неловкости за жестокость и грубость предков.

Но тот же самый современный европеец убежден: русское Средневековье и вообще вся русская история – на редкость кровавые и злые! Как иллюстрация, например, – книга Джеймса Хедли Биллингтона с чудесным названием: «Икона и топор»[1]. Это исследование написано одним из ведущих мировых специалистов по русской культуре, выпускником Принстонского университета, доктором в Принстоне и Оксфорде. Биллингтон хорошо знает русский язык, прошел стажировку в МГУ, читал лекции в Ленинградском университете.

Он уже был широко известен и уважаем в академических кругах к 1966 году, когда книга «The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture»[2] сделала его знаменитым, непререкаемым авторитетом, экспертом буквально по всем сторонам русской общественной мысли, культуры и истории.

С 1987 года Биллингтон стал директором Библиотеки Конгресса США. По значимости в Америке это такой же почетный пост, как сенаторский. Но сенаторов все время избирают и переизбирают, а Биллингтон остается.

Несомненно, эта книга написана не врагом нашей страны. В ней чувствуется искренняя любовь и уваже-

---

[1] *Биллингтон Д. Х.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М.: Рудомино, 2001.

[2] Икона и Топор. Интерпретация истории русской культуры *(англ.). (Прим. ред.)*

ние к русскому народу и его истории. Тем удивительнее: автор всерьез считает, что в истории Руси естественным образом соединяются периоды поклонения и свержения авторитетов. Потому она такая и кровавая, страшная и жестокая, русская история: поставим мы на пьедестал кого-то, а потом свергаем и истребляем вчерашнего кумира со всеми чадами и домочадцами. А Европа?! Ну, в Европе конечно же ничего подобного не было!..

Вот так современный Запад, оправдывая свою кровавость и жестокость, с удивительным упорством поддерживает миф о кровавости и жестокости русского народа.

Стереотип «русской кровавости»

> В ночь перед Пасхой Великий Князь сам обходит тюрьмы и целует сидящих там обвиняемых. Это же делают царские принцессы со всем двором, и тоже ночью.
>
> Иржи Давид,
> *член иезуитской миссии в Москве в 1684–89 гг.*

О, эта страшная и кровавая история огромной, загадочной и мрачной страны... Мы и сами почти поверили страшным сказкам о Руси IX–XVII веков.

Спросите у любого мало-мальски сведущего европейца, да и россиянина, какие ассоциации вызывают у него слова «Русское Средневековье», – и получите в ответ полный джентльменский набор «баек из склепа»: плаха, залитая кровью, дыба в пыточном застенке, вороны над Лобным местом, опричники, похо-

жие на персонажей современных «ужастиков», и тому подобные прелести. Было все это в нашей истории? Разумеется, было, чего уж тут отрицать. Вопрос – в каких количествах.

Нас так затюкали всякими horror story о нашей жестокости, что даже экскурсоводы на Красной площади, сам слышал, рассказывают: вот, мол, Лобное место служило для пыток и казней. А выражение «орать на всю Ивановскую» восходит к крику публично пытаемых и запарываемых кнутом. А это неправда.

Самому приходилось работать в студенческие годы в БММТ «Спутник» экскурсоводом по Москве для иностранцев. Поверьте, знаю, о чем говорю.

Лобное место нужно было для возглашения указов государей. До перестройки Красной площади в XVI веке указы Великого князя возглашались на Ивановской площади в Кремле. Выходил дьяк в малиновом кафтане, синих штанах, светло-коричневых сапогах, оранжевой шапке, с чернильницей и тубусом с гусиными перьями на боку, с окладистой бородой... и кричал, «орал во всю Ивановскую» указ Государя и Великого князя...

А вы так привыкли считать предков садистами, что поверили?! Ведь верят же, что стекала алая кровь Пугачева со товарищи, четвертованного прямо на белоснежном пьедестале Лобного места на Красной площади. Да и Красной она называется, потому что заливали ее веками кровью невинно убиенных...

Такие вот сказочки.

Лобное место и виселица

Из дюжины изуверов, оказывается: один дурак, один помешанный и десять лицемеров.

Кретьен Мальзерб,
жертва Великой французской революции, королевский министр

А как обстояло дело с кровушкой и пыточной аппаратурой в просвещенных Европах? Неужели както иначе? Действительно, иначе, но не так, как думается среднему европейцу и отечественному интеллигенту, а пострашнее будет, чем у нас.

На площадях ВСЕХ европейских городов непременно красовалась виселица. И не всегда пустовала.

Пытки были совершенно обычным, нормальным способом вести следствие еще в Ренессансных XV–XVI веках. Пыточные инструменты заказывали самым обычным ремесленникам, и они добросовестно выполняли заказ, продавая членам муниципалитета готовые изделия.

Бытовые нравы... По законам практически всех стран Европы жена и дети рассматривались как СОБСТВЕННОСТЬ главы семьи. Не случайно же в английском языке само слово women (женщина) есть прямое производное от men (мужчина). А слово «men» означает одновременно и «мужчина», и «человек». Само обращение к замужней женщине предполагает прямо в языке некую принадлежность мужу. Вовсе не «миссис такая-то», как переводим мы, согласно нормам русского языка. А «миссис такого-то».

Кстати, католицизм, точно так же, как и протестантизм, довольно специфически трактовал отноше-

ния между мужчиной и женщиной. Это дело рассматривалось как исключительно греховное, но поскольку иного способа деторождения на тот момент изобретено еще не было, то – так уж и быть – европейские церкви готовы были терпеть то, что для продолжения рода время от времени люди все-таки должны впадать в грех.

Однако предусматривалась масса ограничений, которые не только с точки зрения японца, китайца, не говоря уж об индийце – про Камасутру и храмы любви в Индии здесь говорить не будем, – но даже с точки зрения мусульманина и православного того времени выглядели, конечно, перебором. Например, по церковным нормам зачинать детей и вообще заниматься любовью супруги могли только ночью. Днем это двойной грех, и если зачать ребенка днем, то непременно родится какая-то монстра.

Очень сурово регламентировались дни, когда нельзя предаваться плотским утехам. Естественно, речь шла о всем периоде беременности, а в этом состоянии молодая женщина того времени находилась большую часть времени. Все посты. Также после родов обязательно требовалось покаяние: родив ребенка, женщина в течение нескольких недель – до трех месяцев – должна была ежедневно молиться, дополнительно поститься и каяться в совершенном грехе.

В результате, по подсчетам некоторых медиевистов, общий срок воздержания француженки или немки в Средневековье составлял около 300 дней в году.

Правда, в такой строгости в области сексуальных отношений имелись и свои плюсы. В отличие от свободных нравов Древней Греции и Рима и неоднозначном, скажем так, отношении к гомосексуальной практике на Востоке, Европа причисляла гомосек-

суализм к страшным грехам. Предполагалось, что это удел еретика, сарацина, еврея и еще почему-то прокаженного. Только они могли пасть до отношений между мужчинами. Ну а если вы не входите в одну из этих четырех категорий, а вас заметили в гомосексуальных отношениях, то значит, в одну из них вы в ближайшее время войдете. Как шутили в СССР, «сегодня носит "Адидас", а завтра Родину продаст». Все это, впрочем, никак не мешало развратным практикам в самом сердце католицизма, в Риме. Истории про семейство Борджиа и забавы некоторых пап, я думаю, все читали.

Избиения жен и детей были делом совершенно обычным. В XVI–XVII веках священники стали подымать свой голос против бытовой жестокости, но их мало слушали.

Драки, избиения, поножовщина были настолько обыденным явлением, что это сильно отразилось на обычаях. Взять хотя бы описанную Марком Твеном «чашу любви». Пили из нее по очереди двое. Оба держали чашу за рукояти, один из них снимал салфетку, а другой – крышку. Зачем такие сложности? А затем, что *«в старые времена, когда нравы были суровы и грубы, мудрая предосторожность требовала, чтобы у обоих участников пира, пьющих из чаши любви, были заняты обе руки. Иначе могло случиться, что в то время, пока он изъясняется другому в чувствах любви и преданности, тот пырнет его ножом»*[1].

Представителей феодального сословия пытались ввести в какие-то рамки... Но и эти рамки были таковы, что отдавали какой-то прямо космической жутью.

---

[1] *Твен М.* Принц и нищий. Кишинев, 1972.

Многие ли знают, что во время рыцарского турнира победитель имел право убить (!) побежденного? Даже того, кто признал свое поражение и сдался? Даже истекающего кровью, лежащего без сознания раненого?[1] Таких милых романтических деталей вы не найдете ни в одном слащавом голливудском и даже европейском кинофильме про всяких там благородных Айвенго и Роландов.

Сей акт убийства так и назывался – «удар милосердия». Было даже оружие, специально предназначенное для того, чтобы добить беспомощного человека. Оно называется стилет. Стилет – это длинный трехгранный или многогранный стержень на рукояти. У него нет лезвия, он не годится как замена кинжала, даже как ножа. Стилетом можно только заколоть.

В Европе считалось «правильным» и «благородным» вогнать раненому стилет или между пластинами панциря на груди, в сердце, или в глазницу, чтобы пробив глаз, стилет прошел бы прямо в мозг.

Про это просто не говорят. И не знают. Зато сейчас спросите любого европейца, как он представляет рыцарские поединки. Вам обязательно скажут, что это был такой благородный «средневековый вид спорта», и еще добавят что-то про «маленький белый платочек» и победы во имя прекрасных дам.

На фоне этого бытового, повседневного зверства уже не удивляют ни крестовые походы, ни инквизиция, ни обыденная жестокость войн.

И костры с еретиками, и методы обращения язычников в христианство – все считалось целесообразным и правильным.

---

[1] *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.

«Александр Невский» – любимый фильм моего сына, но там есть кадры, которые я всегда ставлю на промотку,– это сцена ритуального сожжения крестоносцами грудных младенцев в Пскове. Большинством летописцев подтверждается, что это было. Я тоже полагаю, что дыма без огня нет. Это вполне в духе крестоносцев того времени, ничего из ряда вон выходящего. Например, спустя сотни лет потомки тех крестоносцев, цивилизованные американцы, платили за скальп с головы воевавшего против них индейца, такую же точно цену, как и ... за хвост убитого волка. Дело в том, что волки причиняли большой вред животноводству бледнолицых колонизаторов Америки, волков организованно уничтожали, при этом голова индейца и хвост волка оценивались в одну сумму – несколько десятков центов. Что же мешало прапрадедам сих носителей англосаксонской культуры бросить каких-то младенцев-язычников в костер? В их представлении, что жители Господина Великого Пскова, что краснорожие дьяволы – все одно, это не люди.

Кстати, насчет язычников и еретиков – в России обращение с теми и другими было не в пример мягче, чем в Европе, по крайней мере народу жгли на порядки меньше (хотя, в отличие от Европы, дров было поболе – энергетическая сверхдержава как-никак).

Россия, в отличие от Европы, не знала религиозных войн. По сравнению с тем, что творилось в Германии, Нидерландах, Франции в XVI–XVII столетиях, все раздоры между никонианами и староверами, а также гонения на стригольников, нестяжателей и прочих сектантов представляются просто какими-то разборками малышей в песочнице.

В 1618–48 годах католики и протестанты резали друг друга в совершенно чудовищных масштабах даже по меркам мировых войн XX века. В Германии за время Тридцатилетней войны было уничтожено около соро-

Казнь Пугачева. Гравюра. Фрагмент. XVIII в.
Народ безмолвствовал

ка (!) процентов населения, дело дошло до того, что в Ганновере власти официально разрешили торговлю мясом людей, умерших от голода, а в некоторых областях (христианской!) Германии было разрешено многоженство для восполнения людских потерь[1].

В России не было ничего подобного, и слава богу.

И специального оружия, чтобы добивать поверженного противника, тоже не было.

И виселица не была непременным «украшением» средневекового русского города.

Но вот что интересно! Ни один русский ученый не написал пока книги «Мадонна и виселица», за что бы его сделали директором Российской государственной библиотеки и членом Академии наук.

А Биллингтон подобную книгу написал и главой Библиотеки Конгресса США стал.

---

[1] История Европы в 8 т. Т. 3. От Средневековья к Новому времени. М., 1968.

Глава 3

Короли добрые и злые

Все друг друга предают, травят, режут... В общем, идет обычная придворная жизнь.

Е. Шварц
«Обыкновенное чудо»

XVI–XVII века уже трудно отнести к Средневековью. В это время рождаются централизованные государства, в Европе появляется больше порядка и законности. Это касается и Руси, и Европы: укреплять государственность, присоединяя к центру страны независимые княжества чисто гуманными методами трудновато.

Русские цари Иван III, Василий III, Иван IV вошли в историю как объединители Руси. Власть их сделалась несравненно большей, чем власть любого из великих князей прежних веков.

Там, где политический абсолютизм, там и персонификация государства в личности монарха. Культ личности монарха. Абсолютизация его вкусов, мнений и привычек.

Во Франции придворные моды прямо зависели от того, что изволит носить король. Людовик XIV молод, строен и с удовольствием носит обтягивающие камзолы, тесноватые рубашки, короткие штаны, обтягива-

ющие поджарые ягодицы. Такие же одежды немедленно перенимает весь двор.

Пожилой король Людовик XIV жалуется на несварение желудка и усталость, он ходит в длинных бесформенных куртках и штанах, прикрывающих колени. Двор опять обезьянничает и подражает королю, невзирая на то, кому что идет.

От личности такого короля зависит многое, слишком многое. Из-за подозрительности, жестокости, плохого воспитания одного человека могут пролиться реки крови.

Грозный царь

О грозности и жестокости Ивана IV судят главным образом на примере опричнины. Логично? Да, вполне.

Да, XVI век в России отмечен репрессиями Ивана Грозного. В течение 7 лет в Московском государстве пылал «пожар лютости». За 7 лет опричнины жертвами этого смутного времени стали, по разным подсчетам, от 5 до 7 тысяч человек[1].

Опричнина вошла в историю как мрачный, страшный период. Так и воспринимают ее сегодня россияне. На Западе же порой пытаются представить ее как обычнейшее в России дело, нормальное явление. На гравюрах Гюстава Доре царь с ангельской улыбкой созерцает гроздья повешенных и, радостно смеясь, втискивает в животы людям зубцы своей короны.

Биллингтон объясняет: Иван Грозный являет самую суть своего общества. Русские любят и уважают силу.

---

[1] *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. Л., 1969. *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

Их история кровава, но это нормально: так они устроены, в отличие от англосаксов.

Но представлять опричнину как обычный способ правления русских царей – по меньшей степени странно. С тем же успехом можно представлять себе типичного французского короля в виде Карла IX, стоящего с мушкетом у окна и посматривающего, кого бы из пробегающих мимо парижан подстрелить. Или считать Генриха VIII выразителем сокровенных чувств английского народа – особенно когда он подписывает смертный приговор не дюжине врагов, а своей вчерашней жене или любовнице.

Опричник.
Среди опричников, как ни странно, было немало иностранцев

Но сознание и Биллингтона, и большинства западных людей устроено странно: ни Карла IX, ни Генриха VIII они типичным явлением вовсе не считают. А вот Ивана IV – считают! И что еще более удивительно, с ними почти согласно большинство россиян.

Опричнина как символ жестокости вошла в нашу историю. Кроме этого Ивана Грозного обвиняют и в жестоком обращении со своими женами. Жестокость имела место быть. Нехорошо...

Но обращают на себя внимание сразу два обстоятельства.

Первое: заточая жен в монастыри, грозный царь не лишал их жизни. Тогда как Генрих VIII (1491–1547 гг.), например, английский король, который родился на 39 лет раньше Ивана IV (1530–84 гг.) и также был многоженцем, избавлялся от надоевших законных спутниц жизни проверенным способом – казнью.

Прожив 25 лет с Екатериной Арагонской, Генрих, не добившись согласия папы, женился на Анне Болейн. Однако спустя несколько лет Болейн, не подарившая королю наследника престола, по инициативе мужа была осуждена парламентом за супружескую неверность и казнена.

Второе: у Ивана Грозного были причины «опаляться» на бояр. В возрасте трех лет он оказался фактически заброшен и никому не нужен. Ребенка забывали покормить, сменить ему рубашку, грубо отпихивали, кричали на него. На всю жизнь запомнил будущий Грозный, как в постели его отца развалился, не сняв сапоги, очередной временщик. Дорого заплатило боярство за эти неснятые сапоги...

Жизнь Ивана и история России могла повернуться по-другому, если бы не трагический финал первого, 17-летнего счастливого брака с красавицей Анастасией Романовой. Всю жизнь Иван был уверен: его первую и любимую жену отравили. Долгое время историки дружно считали это убеждение проявлением душевной болезни. Якобы подозрителен был царь сверх всякой меры, видел крамолу и там, где ее в помине не было.

Вот только такой факт... Когда в 1960-х годах была вскрыта царская гробница, специалисты бюро судебно-медицинской экспертизы обнаружили в костях царицы и в ее прекрасно сохранившейся темно-ру-

сой косе следы ртути, превышающие норму в несколько десятков раз. Загрязненными даже оказались обрывки савана на дне саркофага. В Средние века именно соли ртути были главным методом устранения врагов при европейских дворах, знаменитых своими интригами. Русский двор не стал исключением. Как свидетельствует легенда, слух об отравлении первой жены Ивана Грозного боярами сразу пополз по Москве...

Отравление любимой жены впервые (!) толкнуло Ивана IV на расправу с боярами-заговорщиками.

Будь на месте Грозного любой король любой европейской страны, его оправдали бы непременно. Еще сочинили бы чувствительные романы, поставили пьесы, сняли бы кинофильмы. В них Иван Грозный выступал бы несчастным человеком, которому жестокие и черствые люди сломали судьбу, сделали его мстителем за себя и за любимую женщину. Европейскому монарху сто раз простили бы эти 7 тысяч жертв.

Но раз идет речь о русском царе – нельзя. Он не несчастный человек и его судьба – не предлог поговорить о том, что допустимо и недопустимо в обращении с ребенком, о том, как преступление порождает новое преступление. Нет! Русский царь, виновник 7 тысяч убитых – страшный преступник! Что бы с ним ни происходило, какие бы поступки ни совершались по отношению к нему, – он не жертва.

Он негодяй, изувер, урод, Чикатило XVI века. А его правление – яркое свидетельство исконной кровавой жестокости русской истории.

Сравним?

Каждый государь желал бы прослыть милосердным, ■ не жестоким, однако следует остерегаться злоупотребить милосердием.

Никколо Макиавелли,
итальянский политик XVI в.

Не хочу оправдывать жестокость. Тем более что многих приближенных Ивана Грозного казнили явно безо всякой вины.

Но, можно подумать, гуманиста Томаса Мора, первого ■ истории «коммуниста»-утописта, казнили за страшные преступления? Горожанин, как сказали бы у нас, мещанин, Томас Мор сделал блестящую карьеру: за 12 лет от секретаря королевской канцелярии дошел до поста лорда-канцлера Англии. Известность государственного деятеля дополняла слава писателя: само понятие «социальная утопия» восходит к названию книги Томаса Мора «Утопия».

Г. Гольбейн «Томас Мор».
Лорда-канцлера Британии наши старые школьные учебники зачислили в первые коммунисты

Но не уберегся Томас Мор. Король стал создавать особую англиканскую церковь, главой которой ставил не Папу Римского, а самого британского монарха. Томас Мор не соглашался

с таким решением, – по его мнению, глава государства не должен одновременно быть и главой церкви.

По личному приказу короля, Томаса Мора судили за государственную измену. В 1535 году его приговорили к жесточайшей казни: *«Влачить по земле через все лондонское Сити и Тайберн, там повесить его так, чтобы он замучился до полусмерти, снять с петли, пока он еще не умер, отрезать половые органы, вспороть живот, вырвать и сжечь внутренности. Затем четвертовать его и прибить по одной четверти его тела над четырьмя воротами Сити, а голову выставить на Лондонском мосту»*.

«Милостивый» король заменил мучительную казнь лорда-канцлера (!) только отсечением головы.

Но никто не называет Генриха VIII «кровавым» ■ даже «грозным». Все в порядке вещей. Так, мелкий эпизод из государственной жизни.

При Иване Грозном порой казнили дворовых людей, даже крестьян «опальных» бояр. Мол, знали об измене и не донесли.

Но, во-первых, при Генрихе VIII тоже порой казнили слуг «государственных преступников». Только в учебниках и в популярных книжках про это не пишут.

Генрих VIII Тюдор.
Судя по рыцарским латам Генриха VIII, выставленным в королевском музее Лондона, он был необычно крупным для своего времени мужчиной. Пониже Петра I, конечно. Зато покоренастее

А во-вторых, по законам именно Генриха VIII, ▪ результате так называемых «огораживаний», ▪ Англии появились толпы нищих и бродяг. Общинные земли – пастбища и леса, – стали представлять немалую ценность. На них разводили овец, чтобы продавать их шерсть для производства сукна. А разорившиеся крестьяне в одночасье сделались люмпенами без всяких средств к существованию.

Изгнание крестьян с земли было санкционировано самым на тот момент «демократическим парламентом». Король тоже выступил на стороне землевладельцев. «Овцы сожрали людей», – писал об огораживаниях Томас Мор.

Лишенные жилищ и средств к существованию крестьяне считались бродягами – безнравственными людьми, которые не желают работать. В законах Генриха VIII сказано предельно ясно: *«Милостыню соизволяем собирать только старым и убогим нищим, остальные же, к труду пригодные бродяги, подлежат бичеванию, с принесением клятвенного обязательства возвращения на родину и занятия трудом, пойманный во второй раз бродяга подлежит бичеванию с отрезанием уха, пойманный в третий раз – казнится как преступник».*

Пожалуй, даже русский царь Иоанн Васильевич посчитал бы это «перебором».

В итоге по законам Генриха VIII только за «бродяжничество» было повешено 72 тысячи насильственно согнанных с земли крестьян. Это почти $^4/_5$ населения тогдашнего 100-тысячного Лондона![1]

На фоне этой армии покойников семь тысяч на Руси – малая толика. Но ▪ это не все...

[1] R. Holinshed's Chronicles of England, Scotland and France, v. III. London, 1809.

В 1558–1603 годах в Англии правила королева Елизавета. Это, наверное, самая популярная среди английских королев за всю историю монархии. При ней Англия лихо грабила испанские владения в Америке, ее флот стал одним из самых сильных в мире. Когда Испания в 1588 году направила к берегам Англии Непобедимую армаду, британские моряки не позволили высадить десант. Они рассеяли корабли Испании в море, метким артиллерийским огнем топили их или отгоняли от берега.

Неизвестный художник «Королева Елизавети Английская».
В жизни была не столь симпатична, как Кейт Бланшетт в голливудском «Золотом веке»

О гибели Непобедимой армады пишут и говорят. Это – важная страница в истории Британии, вошедшая во все учебники. В учебниках пишут и о том, как королева поддерживала Фрэнсиса Дрейка в его экспедициях к Америке, покровительствовала Шекспиру...

И если верить оскароносному голливудскому фильму про «Влюбленного Шекспира», у королевы даже была с гением-драматургом самая романтическая история. Ох, все могут короли... но только не жениться по любви...

Но в учебниках «почему-то» не называют числа «еретиков», истребленных в годы правления Елизаве-

ты. Дело в том, что католики почему-то не хотели подчиняться английскому монарху как главе церкви. Не хотели и многие протестанты. Многие из них вынуждены были уезжать из Англии в Америку.

Кто сейчас помнит, как создавались первые колонии в Северной Америке, первые штаты? И что такое вообще «штат»? Штаты (State – Staat) – это государство на английском, голландском и немецком языках.

Слово «диссидент» уже немного знакомо – инакомыслящий. Протестантов, которые не признавали идеи англиканства, не считали короля вправе быть главой церкви, называли диссидентами и ставили перед ними простой выбор: бежать за море или быть казненными.

13 разных протестантских конфессий создали каждая свое государство – штат. Так начались заморские колонии, будущее ядро Соединенных Штатов Америки.

Как свидетельствует энциклопедический словарь Гранта, за годы правления Елизаветы в Англии было казнено 89 тысяч (!) человек. Королева казнила больше людей, чем вся католическая инквизиция за три столетия!

Сколько людей изгнали за океан, сказать трудно. Историки называют цифры от 100 до 300 тысяч.

Елизавета – современница Ивана Грозного, на ней, по легенде, он даже одно время подумывал жениться.

Вот это, кстати, в отличие от легенды про Шекспира – чистая правда. В России мало знали тогда о далекой Англии, но Грозный, видимо, был неплохим «международным стратегом» и предчувствовал, какие глобальные выгоды может

сулить ему династический брак с английской короной. Однако времена Ярослава Мудрого, когда подобное предложение британская правительница сочла бы за большую честь, увы, прошли. Теперь репутация русского государства в глазах «просвещенной Европы» была основательно подмочена. Собственно, про Русь почти ничего так и не знали, но один положительный миф XI–XII вв. о златотоглавом «Киев-граде», коему по богатству не уступает лишь Константинополь, сменился другим – отрицательным: о дикой «Tartarii», стуже и жестокости московитских варваров. В общем, Елизавета тактично отклонила предложение Ивана Грозного. Мол, сама я не против, да и вы, мужчина, по словам моих послов, видный, в полном расцвете сил, но вот Парламент здесь у меня никак не одобрит сей брак.

Иван IV более года ждавший ответа, конечно, взбесился до крайности. Это чем же он не угодил? Кривой али косой?! Да за меня – любая баба, только мигни! И отписал ей необыкновенно едкое письмо: мол, «думал, барыня, что как-никак царице англицкой руку и сердце предлагаю, коя есть истинная государыня в своем заморском отечестве. Ай, ошибся. Не по адресу, дурень, обратился. Видать, не государыня она никакая, коль ей какие-то мясники да пивники толстозадые в каком-то парламенте смеют указывать, что ее величеству делать. Мало того, вмешиваются нахально в августейшую личную жизнь. Позор какой! Так что, извиняйте, ошибка вышла с адресатом. Миль пардон, оферта отменяется».

Так и не вышло у царя Ивана сосватать королеву Англии Елизавету. А жаль. Интересное развитие получила бы тогда мировая история.

Однако как-то не срослось. И Елизавета, чтобы сгладить конфликт, предложила Ивану Грозному в жены свою племянницу, Марию Гастингс. Но Мария тоже не хотела так далеко уезжать... Тогда, чтобы «ос-

тудить» пыл Ивана, ему показали портрет некой служанки под видом портрета Марии. Но Иван вовсе не остыл. Наоборот: девица понравилась ему чрезвычайно. Пришлось показать портрет настоящей Марии Гастингс, а вот на ней-то уже он жениться не захотел. Такая забавная история[1].

Но вернемся к деяниям царя Ивана IV. Достижения его даже посолиднее, чем у Елизаветы: присоединение Казани, Астрахани, Сибири стоят ограбленной Америки. Для Руси разгром татарского нашествия Девлет-Гирея по значению не уступает краху Непобедимой армады. При Иване на Руси убито в 12 раз меньше людей, чем в Англии при Елизавете.

Но в европейской историографии Иван Грозный – это чудовище на троне, а Елизавета – великая королева, при которой совершено много чудесного и замечательного.

Дальше. Оливер Кромвель – прогрессивнейший по тем временам демократ. При нем Англию объявили республикой, провели всяческие реформы.

А еще при нем покоряли Ирландию...

Ирландия была католической страной. Было «необходимо» покорить ее, «цивилизовать», принести ей свет «истинной веры».

К тому же в Ирландии были «свободные» земли: чернозем, луга и поля. На них тоже кто-то жил, но ведь надо же было освободить эти земли для соратников Кромвеля!

По подсчетам ирландских историков, был убит каждый седьмой ирландец – и женщины, и дети, и старики. В своем отчете перед парламентом Оливер Кромвель откровенно рассказывал, что именно и как он де-

[1] *Валишевский К.* Иван Грозный. М., 1993.

лал: *«Я приказал своим солдатам убивать их всех... В самой церкви было перебито около 1000 человек. Я полагаю, что всем монахам, кроме двух, были разбиты головы»*.

Впрочем, приводятся порой и более страшные цифры: убита пятая часть или четверть ни в чем не повинных ирландцев.

Время было такое? Наверное... Но Кромвель – современник Алексея Михайловича Тишайшего, второго царя из династии Романовых. На Руси почему-то время было другое.

А. С. Кунер «Кромвель». Миниатюра.
«Бизнесмен» средней руки, волею судьбы вознесенный на вершину власти в Британии, проявил жестокость, перед которой меркнут любые «кровавые преступления русского царизма»

После очередного восстания 1688–91 годов ирландцев лишили всех политических прав просто за то, что они католики. Образование на ирландском языке было запрещено под страхом смертной казни. За голову учителя, тайно учившего говорить и писать по-ирландски, платили такую же сумму, как за голову волка.

Опять же – не было в России периода правления династии Романовых ничего даже отдаленно похожего. Ни лишения старообрядцев гражданских прав, ни запрета учиться говорить по-татарски или по-мордовски. Дикари-с...

В прекрасной Франции

Люди злы, но человек добр.

Жан-Жак Руссо,
великий французский гуманист

Во Франции дело обстояло не лучше. Война протестантов-гугенотов (кальвинистов) и католиков порождала невероятное озлобление, и венценосные особы мало отличались от своих рядовых подданных... Вот только возможностей у них было больше.

В XVI веке королем Генрихом (Анри) II при парижском парламенте была учреждена так называемая «Огненная палата». За три года она осудила около 600 протестантов-гугенотов, многие из которых были сожжены.

Кто, собственно, такие гугеноты? Это не какая-то особая религия: просто так французы называли протестантов. В действительности это сильно искаженное слово, которым называли всех швейцарцев. Гугенот, он же швейцарец, он же протестант. Так у нас было с немцами: немец – это не только германец, это любой иностранец в России, потому что он по-русски не говорит, потому что он «немой». Любой швейцарец – а почти все они были кальвинистами – в понимании добропорядочного французского католика – гугенот. А любой протестант, получается, швейцарец. Вот такая путаница.

Жестокость и коварство Екатерины Медичи хорошо известны: для устранения соперников в ход шло все – и нож, и яд. До 30 человек лично отправила на тот свет «королева-отравительница», по своим личным соображениям. Это не террор. Так, обычные мелкие дворцовые интриги.

Но на совести Екатерины Медичи и ее сына Карла IX есть шалости и покрупнее. Это – события ночи на святого Варфоломея 24 августа 1572 года, печально известной как Варфоломеевская. В самом Париже в эту ночь было убито около двух тысяч гугенотов. Не черни, это все были люди непростые, дворяне и офицеры. А во всей Франции за несколько дней жертвами резни пали около 30 000 тысяч человек, хотя протестантские историки называют цифру и 100 000. Подчеркну: за неделю. Религиозные войны шли до этого и продолжались с необычайной жестокостью и после.

Страшная резня вынудила гугенотов защищаться. Четыре гугенотские войны разрывали Францию на части, вплоть до так называемого Нантского эдикта 1598 года. Итак, французские монархи лично организовали убийство одних своих подданных другими. Однако не нашлось в стране силы, которая приклеила бы к титулу Карла IX дополнение «Кровавый», а к Екатерине Медичи – «Отравительница» или «Садистка».

С 1610 года во Франции правят сплошные Людовики. Заканчивается реформация, заканчивается массовой эмиграцией гугенотов-протестантов: сотни тысяч их выехали в Голландию, Германию, Данию, Канаду, Южную Африку.

Людовики XIII (милейший «друг мушкетеров»), XIV, XV, XVI – короли не жестокие. При них нет массовых репрессий, подданных казнят единично, не часто и в основном все же за дело. Франция при Людовиках становится самой передовой страной Европы: Германия, Италия, Испания, потом и Россия, перенимают французские моды, французские одежды, французскую кухню, архитектуру и французские парки. Даже французский язык.

Но и эта милая, романтичная королевская Франция знает такие преступления королей, которым нет аналогов в России. Знакомо ли читателю слово «карт-бланш»? В русском языке так называют некое разрешение действовать по своему усмотрению. Административный вариант — «делай что хочешь». А происходит это слово от французского carte blanche, что в буквальном переводе значит «чистый бланк».

Дело в том, что у французских монархов был такой обычай: давать своим доверенным лицам carte blanche.

Карт-бланш представлял собой полностью оформленный ордер на арест с подписью короля, скрепленный государственной печатью. Только имени преступника в нем не было. Пока. Имя вписывал тот, кто получал карт-бланш. Какое имя? Да какое хотел.

Людовики, в отличие от русских царей, правили не сами. Французские историки, кстати, очень уважительно относятся к нашим царям именно потому, что они были реальными правителями, лично стояли, так сказать, у государственного кормила...

А французские короли весело жили в Версале и охотно поручали вести государственные дела кому-то, например, представителям пап римских, кардиналам. Среди кардиналов были выдающиеся государственные деятели типа Ришелье и Мазарини, но короли-то к их заслугам никакого отношения не имеют.

За королей правили и министры, но чаще всего все же правили их любовницы, деликатно называемые фаворитками. У фавориток обычно были фавориты, и тонкие дамы поручали фаворитам принимать ответственные решения. Так, выходит, правили за французских королей любовники королевских любовниц. Они и распоряжались зловещими карт-бланшами.

Общее число людей, отправленных в тюрьму по этим «векселям» пожизненно, невелико – несколько сотен человек. Стоит только вспомнить, что каждый из них был таким же человеком, как любой из нас. А попал в тюрьму не за какие-то страшные преступления. Просто потому, что вызвал личное раздражение того, кто владеет карт-бланшем. Каждого из этих сотен заживо похоронили, как героя романа Дюма Эдмона Дантеса[1].

Самый известный из этих королевских узников – знаменитая «железная маска» – Le masque de fer. Этот заключенный содержался в различных тюрьмах, включая Бастилию, и всегда носил бархатную маску (позднейшие легенды превратили эту маску в железную). Умер он в 1703 году, унеся в могилу свою тайну.

Кто был этот человек?

Возможно, «железной маской» был герцог Вермандуа, незаконный сын Людовика XIV и г-жи Лавальер. Этот «государственный преступник» дал пощечину своему сводному брату, Великому Дофину, и за это искупал свою страшную вину вечным заключением.

Существует версия, что «железная маска» – близнец Людовика XIV. Людовик XIII велел увезти его из Парижа и тайно воспитать принца в провинции, не раскрывая ему тайны его происхождения, чтобы предотвратить те несчастия, которые, по предсказанию, должны были произойти в королевском доме в случае рождения близнецов. Взойдя на престол, Людовик XIV узнал о существовании брата-двойника и милостиво

[1] *Дюма А.* Граф Монте-Кристо. М., 1956.

И. Е. Репин «Иван Грозный и сын его Иван». 1885 г.
Подробности грандиозного PR и анти-PR Ивана Грозного – см. в моем сборнике лекций МГИМО МИД РФ, изданном отдельной книгой «Особенности национального пиара. PRавдивая история Руси от Рюрика до Петра»

велел заточить его навечно в темнице. А ввиду их поразительного сходства, заставил еще и носить железную маску. Такова братская любовь у королей.

Есть, впрочем, еще около 40 не менее увлекательных предположений.

Но кто был «железная...», вернее – черная бархатная маска, до сих пор не знает никто. Похоронен живым.

Убийство любовниц и дальних родственников, заточение в монастыре постылых жен служат убедительным доказательством того, что Иван Грозный – страшное чудовище на престоле. Но как тогда назвать Людовика XIII и Людовика XIV – королей, считающихся во Франции ***самыми мягкими и добрыми*** из всех монархов французской истории? Чем они лучше?

В действительности Грозный не убил, а лишь ранил своего сына. Скончался царевич Иван не на руках отца,

а спустя более двух недель «от горячки» по пути на богомолье, в монастырь, притом скорее всего причиной смерти была не полученная травма, а какая-то другая болезнь. Мы уже никогда не узнаем всей правды. В любом случае – мы не оправдываем Грозного. Но кто сказал, что вынесение Петром I смертного приговора собственному сыну, продуманное, осознанное, сделанное в результате длительного следствия, – вещь более нравственная?

И в «цивилизованные времена»...

Перенесемся, однако, в более цивилизованные времена. Начало правления Николая I, история подавления восстания декабристов.

Помните фильм «Звезда пленительного счастья»? Барабанная дробь, виселица, тела повешенных... Снято хорошо, фильм делал мастер. Когда смотришь – мурашки бегут по коже. Сразу вспоминается прозвище – Николай Кровавый!!! Ах, это о другом тиране-сатрапе?! ну, тогда вот – «Николай Палкин»!

Только когда начинаем выяснять, сколько же мятежников было казнено после подавления этого восстания, на память приходят медальные профили пяти повешенных борцов за свободу. И все!

Вдумайтесь: прошло лишь несколько лет после тяжелой войны, как последовали смерть императора, не оставившего прямых наследников, неожиданный отказ его младшего брата Константина принять корону, временное безвластие со всегда сопровождающим его брожением умов в элите – и тут попытка военного переворота, вооруженный мятеж, войска заговорщиков на Сенатской площади, артиллеристская канона-

Профили пяти казненных декабристов. Медальон.

До сих пор нет полной ясности, почему не был предотвращен мятеж декабристов. Ведь достоверно известно, что о деятельности тайных дворянских обществ знали и высшие чины империи, и сам государь Александр I

да в самом сердце имперской столицы. И после такой заварухи всего пять повешенных?!

Врач английского посольства в беседе с Пушкиным удивлялся: *«Все посольство Британии только и говорит, что об удивительном... милосердии Вашего государя. У нас (в Англии) по делу о военном мятеже такого размаха было бы казнено тысячи три, а всех оставшихся сослали бы на галеры»*.

Действительно, если не считать несчастных солдат, обманутых заговорщиками и убитых во время боевых действий при подавлении мятежа, количество жертв «Николая Палкина» – пять человек. Точнее – 125, ведь Николай, как известно,

Едва царем он стал,
То разом начудесил:
Сто двадцать человек тотчас в Сибирь сослал
Да пятерых повесил.

Даже в этих поэтических строках – осуждение. А что уж потом устроила либеральная интеллигенция! А потом – большевистская история: мол, «ознаменовал восшествие на престол кровавой расправой с лучшими представителями... лично допрашивал декабристов».

Ну, слава богу, хоть не додумали, что еще лично пытал. Пытки, кстати, вообще были ни к чему: дворяне-заговорщики наперегонки каялись, сдавая с потрохами и себя, и товарищей по заговору. Так что Николаю на допросе было достаточно суропить брови и качать головой: как, мол, не стыдно вам, дети мои.

Николай I вспоминал впоследствии, что ему стоило большого труда и душевных мук приказать открыть огонь картечью на Сенатской площади. Думаю, что в этом великая доля лицемерия. Однако, например, Бонапарт, расстреляв картечью бунтовщиков в Париже, с чего, собственно, и началось его восхождение к славе и власти, никогда подобными душевными терзаниями – даже в мемуарах – не страдал.

Теперь же сравним все эти «зверства русского тирана-крепостника» с действиями просвещенного и цивилизованного европейского монарха.

В 1848 году во Франции пришел к власти Наполеон III. Этому предшествовали события, которые в школьном курсе истории называют Революцией 1848 года.

Так вот, во время этого мятежа и сразу после его подавления в одном только Париже было повешено по приговорам военно-полевых судов свыше 10 000 человек! «Почувствуйте разницу!» Кстати, до создания военно-полевых судов Николай I не додумался. Одно слово – ограниченный человек, «деспот»... Никакого полета мысли.

Или вот 1834 год, еще одно из бесчисленных восстаний в Париже, сопровождавшееся строительством баррикад. Поводом послужили похороны одного из популярных французских генералов. Именно эти события описываются в романе Гюго «Отверженные». Мы хорошо знаем этот исторический эпизод по хрестоматийному отрывку про Гавроша. Именно тогда, при

подавлении восстания в Париже, французский генерал Бюжо приказал перебить *всех* жильцов одного многоквартирного дома, из которого, *как ему показалось* (!) , раздалось несколько выстрелов.

Никто не погиб и не был даже ранен из офицеров. Никто не погиб из солдат. Никого из жильцов дома не поймали с оружием в руках. Просто генералу *показалось*, что из этого дома стреляли. Поэтому – все (!) жильцы, включая старых, малых, женщин с грудными детьми были убиты. Людей убивали в собственных постелях.

Это 1834 год, это свободная, можно сказать, демократическая Франция. Вот так, братцы... А вы говорите – восстание на Сенатской площади... с пятью повешенными.

Ужасная деспотия «Николая Палкина» имела и другие чудовищные проявления.

Подавление польского восстания 1830–31 годов считается классическим примером «русского зверства». На Западе события этих лет называют Русско-Польской войной: Запад признал за Польшей права воюющей стороны.

Но давайте – о зверствах... Дело в том, что... их не было вообще!

Боевые (!) потери поляков – порядка 6–7 тысяч человек. Раненые лежали в общих с русскими госпиталях. Пленных отпускали под честное слово домой или держали в крепостях, кормили и поили. Участвовали в восстании верных 100 % польских дворян, но не более 30 % из них лишились поместий, а в Сибирь ссылали только активных участников.

К категории «зверств» с натяжкой можно отнести разве расстрел двух юношей, захваченных с оружием, но вне зоны боевых действий. По всей Европе писали

Раздел герцогства Варшавского на Венском конгрессе 1815 г.

об этих польских юношах, поляки периодически о них вспоминают до сих пор.

...Спустя всего 18 лет после русско-польской войны, в 1849 году, император Австрии Франц-Иосиф при восшествии на престол подавил восстание венгров — 100 000 покойников при населении Венгрии в два с половиной миллиона. Круглая цифра доказывает, как обычно, только одно — точно никто не считал. Часть из этих 100 000 была забита насмерть кнутами и

шпицрутенами, порядка 35 тысяч повстанцев расстреляны и повешены.

Все правление Франца-Иосифа не прекращались попытки поляков, чехов и словаков выйти из состава его империи и образовать свое государство. Общее число славян, убитых в ходе уличных боев, брошенных в тюрьмы, искалеченных и избитых исчисляется десятками тысяч человек.

Но Франц-Иосиф – не «Палкин», это нежно любимый, культовый император в Австрии! Гулял я как-то по Вене: куда ни глянь – или парк Франца-Иосифа, или дворец-музей, или скромный 5-звездочный отель «Франц-Иосиф». Прямо культ положительного героя. Национальный лидер, ни дать ни взять. Но забавно, что это не только в Австрии. Мне рассазывал товарищ, как был удивлен, увидев парадный портрет Франца на стене ресторана в Кракове. Не подумайте, что в этом был какой-то иронический подтекст. Все совершенно серьезно, объяснял хозяин заведения, это мы в благодарную память бывших подданных о бывшем дорогом монархе.

Франц-Иосиф спокойно досидел на престоле Австро-Венгрии до 1916 года. Почти 70 лет просидел. Видимо, это был император очень цивилизованный, он умел убивать в строгом соответствии с правами человека и Хельсинкской хартией, буквой и духом законов.

Так что смерть тысяч и тысяч расстрелянных и повешенных венгров и славян никого не волнует. Вот два вооруженных поляка, расстрелянных вне зоны боевых действий!

После восстания декабристов и значительного ужесточения режима, более того, с учетом всего разгула народовольческого террора, за весь этот сложный пе-

риод российской истории, с 1826 по 1905 год – декабристы, «Земля и воля», Вера Засулич, убийство террористами императора Александра II, многочисленные покушения на Александра III и так далее – за все виды преступлений в России было казнено 894 человека. Это человек в месяц в среднем – в стране фактически объятой тайной террористической войной. Более того: из них большинство – военные, участники польских восстаний. Так что разделить еще на 3, минимум. Ну о какой жестокости может идти речь?

Я думаю, одного человека в 3 месяца казнили в небольшом муниципалитете во Франции. Если не больше.

Некоторые товарищи Александра Ульянова, готовившие покушение на Александра III, были помилованы императором, поскольку обратились с соответствующей личной просьбой. Однако Александр Ульянов не захотел просить прощения и предпочел умереть.

Ленин, как говорится в известном анекдоте, отомстил за брата, как настоящий джигит. За себя самого, за страдания, перенесенные в царских тюрьмах и ссылках, мстить ему особенно не приходилось. Когда Ленин был арестован и пребывал перед высылкой в Сибирь в столичной тюрьме, его лечили там молоком и минеральной водой от гастрита. С 1897 по 1900 год он находился в ссыке вместе с женой в селе Шушенском под Красноярском.

Что значит жестокая «ссылка в Сибирь» – сейчас поясню. Во-первых, Ленин не привлекался ни к каким работам. Сидел, писал революционные статьи. Во-вторых, он получал ежемесячное пособие (!) из казны, позволявшее снимать ему просторный крестьянский дом, платить домработнице за уборку, стирку, приготовление пищи. Чем еще занимался на досуге? Прогул-

ки и охота. Ссыльным разрешалось иметь и хранить огнестрельное оружие. Зверский режим!

После революции 1905 года режим, действительно, был ужесточен. Кое-кого отправляли даже на каторгу. Но что значит каторга начала XX века, где побывали большевики? Вот знаменитая Нерчинская каторга – мы-то все думаем, что это какие-то средневековые зверства... По воспоминаниям революционеров, на Нерчинской каторге разрешалось свободно ходить из камеры в камеру, периодически совершать прогулки в лес. Если к ним приезжали жены, то встречаться и жить с ними по несколько дней в соседней деревне. Это – каторга.

Это – зверства кровавого царизма.

Политика двойного стандарта Запада

За воровства (казнить) смертию, кто б каков ни был, без указа царского не велено и учинити нихто не смеет.

Григорий Котошихин
О России в царствование Алексея Михайловича

Все знают, какие реки крови были пролиты в Европе в Средние века. Никакой тайны. Цифры и факты, которые я приводил, широко известны.

Несмотря на европейскую политику обезличивания и оправдания жестокости в собственных государствах, ответственность за кровавые злодеяния все-таки легла на конкретных королей и королев Европы.

Теперь спросим, кого из вышеперечисленных европейских монархов именуют «грозным», «кровавым», «ужасным» и т. п.? Никого.

Ни одного европейского короля или королеву не называют, например, Елизавета Кровавая, или Генрих VIII Душегубец, или Екатерина Отравительница, или Маниак-Кромвель.

А. Мор «Мария Тюдор». 1554 г. Она же «Bloody Mary» – «кровавая Мэри»

Мелькнула было Мария Кровавая (1516–1558 гг.)... Английская королева с 1553 года, дочь Генриха VIII Тюдора и Екатерины Арагонской.

Но вот парадокс. Именно эта королева уничтожила неслыханно малое (по европейским меркам) число людей... Рьяная католичка, она «одобрила» сожжение заживо за годы царствования по разным данным от 300 до 800 протестантов. Смешно! Тоже мне, «кровавая» называется! Похоже, этим словом заклеймили ее из чисто политических соображений. Мария пыталась вернуть в Англию католицизм. Протестанты не простили ей этого да еще и придумали в ее честь коктейль: «Кровавая Мэри».

Такое ощущение, что монархи существовали сами по себе, а все мерзости, сотворенные под их чутким руководством, – сами по себе. Пример: все знают, что такое Варфоломеевская ночь, но никто не считает Карла IX каким-то из ряда вон извергом. Ну, время было такое, что поделаешь... А литераторы так и вовсе сочувствуют: слабый был король, болезненный, все под опекой матери Екатерины Медичи жил-страдал, да и вообще жалел гугенотов по-человечески.

Французский король очень гордился тем, что умеет метко стрелять, и отдав приказ на истребление гугенотов в Париже, решил тут же попрактиковаться. Он стоял у открытого окна Лувра и с присущей ему меткостью, впав в необычайное радостное возбуждение, палил из мушкетов по мечущимся по площади, ищущим спасения собственным подданным. Рядом несколько слуг без остановки перезаряжали ему мушкеты, поэтому я думаю, что не две и не три души упокоил в эту ночь лично король Франции.

В великолепном французском фильме «Королева Марго»[1] король вообще чуть не плачет, когда отдает приказ об убийстве своего верного военачальника – гугенота адмирала Колиньи.

Здесь важный момент идеологии всех западных государств – в литературе для массового читателя описывать только позитивные стороны истории и отражать достижения своей страны и народа. О кровавости упоминать «пунктиром»... Как в английских учебниках истории, где о Генрихе VIII – меценате и интеллектуале – страниц по 5–6. А о казнях – 3–4 фразы.

В специальной литературе, конечно, найдешь любые сведения. Но теневую, безобразную сторону правления своих государей европейцы не пропагандируют, не смакуют, даже не обсуждают широко.

И вообще они не обсуждают несовершенства своего общества. Спокойно к этому относятся. Это у нас «После бала» Льва Толстого или «Очерки бурсы» Помяловского становились культовыми произведени-

[1] Довольно, кстати, реалистический фильм по стилистике, воспроизведению быта того времени. Потому, наверное, нигде кроме Франции и России не пользовавшийся успехом.

ями в «прогрессивной» интеллигентской среде. На Западе же книгу Гринвуда «Маленький оборвыш» подвергли забвению. А страшные воспоминания о детстве, проведенном в приюте, никогда культовой книгой не становились.

В России такой установки нет. Мы и сами легко говорим о себе плохо и иноземцам не мешаем. Нас поносят, а мы поддакиваем. Это притом что русская история не более, а существенно менее кровава, чем история стран Европы! «Время такое»? Да. В Средние века и даже в XIX веке нигде на глобусе человеческая жизнь особенно не ценилась. Но факты – упрямая вещь. В России во все эпохи жизнь человека ценилась больше, чем в Европе. При всей лютости нравов эпохи, жить и выживать у нас было существенно легче.

Но почему же именно нас объявляют кровожадными, а наши монархи стали символами жестокости и готовности к кровопролитию?

Да очень просто!

Мы уже упоминали о том, что Россия относительно Западного конгломерата всегда оставалась опасностью и соперником. И любой случай или событие в России, если позволяло унизить соперника, с энтузиазмом раздувались и демонизировались.

Даже почетное имя, которое Иван получил после покорения Казани и Астрахани – Грозный, стало почему-то странно переводиться и интерпретироваться как «Ужасный» (классический английский перевод «Ivan The Terrible»).

Малоизвестный штрих: изначально «Грозным» современники звали его деда, великого объединителя Руси Ивана III, и уж совсем, конечно, не в смысле «жестокий», а в другом – «суровый», «требовательный» к себе и своему окружению.

Миф о жестокости

Миф о российской жестокости, раздуваемый западными соседями, находил благодатную почву и на родной земле. Долголетняя внешняя политика уступничества и соглашательства с Западом укрепила этот миф. На века имя Ивана Грозного стало символом жестокости и в родной стране, и за рубежом. Имя Николая I «Палкина» и «жандарма Европы» – синоним тупости, реакционности, солафонства и нетерпимости к инакомыслию.

Глава 4

О бунтах мягких, добрых и бескровных

Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный...

А. С. Пушкин

«Капитанская дочка»

Обратим внимание на вынесенные в эпиграф бессмертные строки Александра Сергеевича. За последние двадцать лет их цитировали столько, что они уже стали народной поговоркой. И почему-то никому из тех, кто глубокомысленно повторяет эти строки, не приходит в голову вопрос: если русский бунт – бессмысленный и беспощадный, то бунт нерусский что – осмысленный и гуманный?

Вы вообще представляете себе хорошо продуманный и бескровный бунт?

Бунт, участники которого ласково улыбаются друг другу?

А. С. Пушкин сурово относится к бунту. Не нравится он ему. Отметим и это как особенность его собственного мировосприятия. И как часть мировоззрения россиян – мы ведь так нервно и с готовностью выслушали Пушкина и согласились: «Не приведи Бог...».

Не принимает наша душа бунта. Отметим это.

А чтобы сравнить «наши» бунты и бунты европейцев, посмотрим: а как в те же времена бунтовали в Европе?

Истоки

Стоит бросить взгляд, и выясняется: в Европе и правда бунтовали совсем не так, как у нас. Уже восстания рабов в Римской империи – нечто не очень понятное для России и куда более жестокое.

Широко известно восстание Спартака 73 (или 74) – 71 годов до н. э. До 60 тысяч рабов участвовало в восстании, 40 тысяч из них погибли в сражениях и были истреблены победителями, *6 тысяч (!)* рабов были распяты вдоль Аппиевой дороги и висели, пока их истлевшие и разложившиеся тела не попадали с крестов по частям.

В России известны восстания, сравнимые по масштабу с восстанием Спартака. До 40 тысяч человек вел за собой Степан Разин. До 60 тысяч было в армии Пугачева. Но большая часть из них дожила до конца восстания. Никогда ни Суворову, ни графу Панину не пришло бы в голову поставить вдоль Московской или Смоленской дороги 6 тысяч виселиц.

Собирая материал для своей «Истории пугачевского бунта», А. С. Пушкин и через 50 лет после казни Пугачева встречался со стариками, которые открыто рассказывали о своем участии в восстании. Римский историк не имел бы такой возможности.

III и IV века – это сплошное полыхание народных восстаний в Риме, в Сицилии, на Востоке. Общее число погибших историки называют разное. От «десятков тысяч» до «около миллиона».

И в Византийской империи плебс восставал не раз и не два. Наверное, это были восстания осмысленные и гуманные... Во время одного из них – «мятежа Ника» (побеждай!) в 532 году только в Константинополе погибло, по разным данным, от 30 до 300 тысяч человек. Из них несколько десятков тысяч император Юстиниан заманил на стадион, и попавших в ловушку людей перерезали поголовно, как баранов[1].

Тайяж

Римскую империю отравляло разделение на рабов и свободных. Европейский феодализм возникал из акта завоевания. Еще в XIX веке во Франции ученые всерьез спорили о «принципе германизма». Дворяне были для них германцами, которые завоевали романизированных галлов. Это после того, как уже несколько веков существовал единый французский народ!

А в VII–X, даже в XV веках основная масса населения, крестьяне, так вообще не воспринимались дворянами как дорогие сородичи. Знаменитый трубадур Бертран де Борн пел:

Любо видеть мне народ
Голодающим, раздетым,
Страждущим, не обогретым.

В документах английской юриспруденции, когда создавался суд присяжных, есть и такая формула: «Су-

[1] *Васильев А. А.* Лекции по истории Византии. Время до крестовых походов (до 1081 г.). Л., 1924.

дим тебя, как равные равного, советуясь между собой, как равные с равными».

Сказано замечательно. Только вот неплохо бы уточнить: формула появилась потому, что английские дворяне, даже избранные в мировые судьи, не хотели разбирать дел «простолюдинов». Брезговали сволочными делами мужичья. И пришлось избирать других мировых судей, из крестьян. Чтобы судили подобных себе «как равные равного».

Права феодального сеньора официально назывались «тайяж». *«Слово не переводится на русский язык. Корень его образует множество слов, обозначающих понятия: строгать, пускать сок, обтачивать, надрезать. Гранить. Тесать камень... Понятно – тайяж человека возможен, когда он, человек, низведен до положения вещи»*[1].

Дворяне обращались с народом как завоеватели в захваченном городе. Замордованные до потери чувства самосохранения мужики восставали, испытывая к ним буквально животную ненависть.

Жакерия

Жакериями назывались вообще всякие восстания крестьян, постоянно вспыхивавшие во время Столетней войны 1337–1453 годов. От пренебрежительной клички крестьянина Жака.

Среди этих восстаний выделяется Большая жакерия 1358 года.

После битвы при Пуатье французское войско позорно сдалось в плен англичанам. Англичане потребо-

[1] *Иванов В. В.* Русь Великая. М., 1983.

вали выкупа за многочисленных пленных. Дворяне – родственники пленных стали требовать все больше и больше платежей от вконец разоренных мужиков.

Французские дворяне пытались стрясти что-нибудь по возможности и с горожан... Дофин, то есть наследник престола, Карл, сын взятого в плен короля, потребовал от парижан денег на выкуп. Горожане во главе с Этьеном Марселем, главой городского самоуправления и богатым сукноделом восстали. Они выгнали наследника короля из Парижа, и двор обосновался по необходимости на севере Франции.

Говоря откровенно, войско «своего» дофина Карла вело себя ничем не лучше вражеского, английского. Даже хуже – дофин пытался выжать еще больше денег, чем англичане, – чтобы выкупить пленного отца.

Однажды крестьяне наконец не выдержали: остановили и разбили очередной королевский отряд, посланный грабить деревню. С невероятной скоростью вспыхнули восстания в Иль-де-Франсе, Пикардии, Нормандии, Фландрии. Стихийные восстания. Никто не возглавлял повстанцев. Крестьянский вождь Гильом Каль командовал только несколькими отрядами.

В конце концов, феодальное войско двинулось на Париж.

В решающий момент горожане отошли за городские стены, а городская верхушка стала юлить перед дворянами, уверяя в своей невиновности, пока наконец не нашелся предатель, убивший вожака горожан Этьена Марселя. Париж открыл королю городские ворота.

Обращаю внимание – расправа над горожанами состоялась по тем нравам очень умеренная. Так часто поступали с повстанцами этого рода ДО Большой жакерии, также будут поступать с ними и ПОСЛЕ: феода-

лы все же считали горожан если не равными себе, то людьми, достойными применения к ним хоть каких-то законов. С горожанами договаривались, горожан привлекали на свою сторону, горожан, по крайней мере, не резали, как баранов.

На крестьян же правила рыцарской войны не распространялись, по отношению к ним не действовали вообще никакие правила и ограничения.

Чудовищный разрыв в образе жизни, во внешности, в уровне доходов, образования, культуры между дворянством и простонародьем был продиктован отчасти и тем, что крестьяне и торговцы являлись, как правило, галлами, представителями покоренной нации, в то время как дворяне большей частью представляли франков. То есть германцев.

Отношения между хозяевами и арендаторами, собственниками и рабами, власть имущими и просто неимущими – это еще и отношения завоевателей и покоренных. Именно здесь кроются психологические корни феерической надменности французских дворян. Их неспособности принимать крестьян не то чтобы за равных (об этом не смели помыслить даже великие французские гуманисты XVIII века – Вольтер, Руссо, Дидро), – но и просто-таки за людей.

Даже если посмотреть поэзию трубадуров, поэтов того времени, которые в основном были людьми благородного происхождения, диву даешься, откуда у этих творческих людей такое невероятное классовое презрение, непонимание простонародья. Средневековые поэты относятся к крестьянам хуже, чем к животным.

Ответом на такое отношение была чудовищная, невероятная жестокость крестьян в ходе крестьянских войн по отношению к дворянству. Та жестокость, ко-

торой никогда не было не то чтобы на Руси, но даже в Германии.

Любопытно, что, даже проявляя чудовищное зверство – совершенно оправданное, надо сказать, – французские крестьяне традиционно уважительно относились к королю. Крестьянские отряды беспощадно расправлялись с дворянами, жгли замки и поголовно истребляли их обитателей без какого-либо снисхождения к полу и к возрасту, обрекая их на самую мучительную смерть, но на крестьянских знаменах при этом были нашиты королевские гербы.

Наконец настал момент решающей битвы крестьян с феодальной армией. Войско Гильома Каля оставалось неорганизованной, плохо вооруженной толпой. Неожиданно, когда армии уже построили, лидер феодалов Карл Злой объявил перемирие: якобы он получил новые сведения о причинах восстания. Он хочет поговорить с крестьянским вождем, и может быть, заключить с ним договор...

То ли Гильом Каль оказался невероятно наивным человеком, то ли очень уж его очаровала перспектива, что с ним будут разговаривать, вести переговоры на равных – прямо как с дворянином (!) – во всяком случае, он явился в лагерь дворян, и почти сразу же его схватили, а немногочисленную свиту перебили. По легенде, вожака крестьян посадили на раскаленный докрасна железный трон, а на голову надели также раскаленную докрасна железную корону. Вот так изобретательно.

По обезглавленному крестьянскому войску, не ждущему атаки, ударила, без предупреждения, нарушив перемирие, дворянская конница. Началась жуткая резня, за считаные часы погибло несколько тысяч человек. Потери рыцарей – не более 20 человек.

Несколько месяцев шла ужасающая бойня. По данным французских историков, Большая жакерия унесла жизни 10 тысяч дворян. Тоже немало. Взаимная ненависть всколыхнула самые жестокие животные инстинкты доведенных до отчаяния людей. Крестьяне убивали дворян с отвратительной жестокостью. Дворянская Франция откликнулась на эти события истреблением до 100 (!) тысяч крестьян, и это при численности населения всей территории нынешней Франции в XIV веке в 10–12 миллионов.

Впрочем, жакерия имела положительное последствие – после нее дворяне с перепугу отменили крепостное право. Но восстания были и потом!

Некоторые из них перерастали в самые настоящие крестьянские войны.

Народные ереси

В XVI веке по Голландии прошло ботало, что папа римский – антихрист. Голландцы стали шипеть на папу и раскурочивать монастыри. Многие тогда попали в непонятное, а иных вообще пустили в расход.

НАЧАЛО «ИСТОРИИ НИДЕРЛАНДОВ» В ПЕРЕВОДЕ ЛЬВА ГУМИЛЕВА НА БЛАТНУЮ «ФЕНЮ»

В Европе не было, как на Руси, феномена самозванства. Движущей силой восстания становились не «настоящие короли», а народные ереси, когда восставшие брались довольно своеобразно трактовать Священное Писание. «Когда Адам пахал, а Ева пряла – кто был

дворянином?» – спрашивали они. Раз некому быть дворянином, так и дворянства не надо. Надо вернуться к временам Адама и Евы, жить просто и нравственно. Сожжем замки, убьем дворян, поделим их землю, ведь имущество придумал сатана. Зачем Богу имущество? Оно ему совершенно не нужно и так все кругом Богово. Надо все поделить, отменив собственность и деньги, чтобы Богова земля обрабатывалась правильными людьми, правильно почитающими Бога.

Примерно под такими лозунгами выступали, например, повстанцы из отряда Дольчино (Италия, 1304–07 гг.). В России это имя известно благодаря книге Умберто Эко «Имя розы». Воины одного только Дольчино истребили до 10 тысяч человек, уничтожая дворян, богатых мещан да и просто горожан.

Приведу еще пару типичных примеров. Восстание Уота Тайлера в Англии в 1381 году, охватившее большую часть Англии. Восставшие ворвались в Лондон (!), вели битвы с правительственными войсками. Историки называют до 10 тысяч жертв.

Крестьянская война в Германии 1524–26 годов. Единого командования не было, в разных областях действовали свои командиры. Частью крестьян-повстанцев командовал некий барон Гец фон Берлихинген. Убедившись, что феодальная конница берет верх, он быстро перебежал обратно на сторону собратьев по классу. Крестьян перебили почти поголовно.

Существует любопытная легенда, что правая рука Геца фон Берлихингена была сделана из железа. То ли кузнец ее отковал, то ли сам дьявол подарил. А живая левая рука требовала пищи – человеческого мяса. Как «ела» рука, легенда не уточняет. Она только говорит, что без человечины и человеческой крови рука хирела и начинала двигаться медленнее. Если верить легенде,

вплоть до XVIII века у потомков Геца эта рука жила в клетке. Кормили ее... привычной пищей.

В Тюрингии отряды Томаса Мюнцера превратились в настоящие армии, выступавшие под знаменами, на которых был изображен башмак, ведь сапоги носили феодалы и богатые горожане, а крестьяне – деревянные башмаки. Армия под знаменем с башмаком сжигала замки, вешала рыцарей, грабила горожан.

Германия – не Франция. Дворяне не воспринимались крестьянами как завоеватели, крестьяне не были для дворян рабами-животными. Но и здесь жертвы с обеих сторон были чудовищны.

Антисистемы

Многие народные движения на Западе организовывались поклонниками дьявола и сектами, ненавидевшими материальный мир. Лев Гумилев удачно назвал такие учения «антисистемами», то есть врагами реально существующего мироздания.

Катары, патарены, вальденсы и альбигойцы в X–XIV веках считали, что Бог и дьявол играют в этом мире одинаковую роль. При этом Бог властвует в мире чистых идей, вне материи, а материальный мир создан сатаной. Дьявол – князь мира сего. Человек должен как можно быстрее избавиться от плоти и от всего, что привязывает его к земному.

Все эти малопонятные современному даже верующему человеку сектантские изыски не было бы смысла упоминать в этой книге, если бы различное толкование библейских текстов не вылилось в страшные Альбигойские войны. Альбигойцы в XII–XIII веках захватили несколько городов в Северной Италии и на юге

Франции. Количество истребленных альбигойцами католиков и потом – католиками – альбигойцев шло на десятки тысяч человек.

Страшные цифры для малонаселенной средневековой Европы.

Кстати, знаменитая своим запредельным цинизмом фраза «Убивайте всех, Господь на небе отберет своих» (она существует в разных вариациях) относится именно к периоду Альбигойских войн. Так ответил один из прелатов католической церкви, когда его спросили, как в захваченном городе отличить еретиков – тех самых альбигойцев – от правоверных католиков.

Анабаптисты

Члены этой радикальной реформаторской секты во времена Реформации в Германии захватили несколько городов. Особенно прославилась коммуна в городе Мюнстере (1534–35 гг.).

Она объявила о приближающемся конце света, в связи с чем было запрещено венчаться и рожать детей. Накануне конца света рождаться новым людям совершенно не нужно.

Анабаптисты обобществили всю собственность жителей города, отменили институт семьи и наследование имущества, ремесленники трудились под строгим контролем специальных чиновников-анабаптистов. Все жители города должны были участвовать в их богослужениях под угрозой порки, кастрации, отрубания рук и ног и так далее. А богослужения включали употребление наркотиков, богохульство и свальный поголовный разврат.

Идеи проповедовались принципиально те же, что и антисистемниками, – ненависть к материальному миру, как порождению царства сатаны, понимание божественного, как чего-то чисто идеального, отрицание семьи, индивидуальной любви, материнства и отцовства, права собственности.

Близ нашего времени

Луддиты в Англии XVIII века считали, что все беды проистекают от машин. Ведь если хозяин ставит на производство машины, то увольняет рабочих! Нужно переломать машины – и все опять будет хорошо, всем найдется кусок хлеба.

Материальный ущерб не поддается оценке, а человеческие потери оцениваются в 10–12 тысяч человек. Луддиты не просто ломали станки, они и убивали – владельцев машин, полицейских, солдат правительственных войск, рабочих, которые хотели работать на машинах.

Чартистское движение в Британии считается символом мирного, эволюционного процесса. Якобы народные массы организовались и мирно просили у правительства, т. е. подавали «чарты»-хартии, расширить число избирателей, что постепенно и делалось... Мирно, поступательно, бескровно... Чартистское движение британцы любят противопоставлять континентальной Европе с ее «сплошными революциями».

Но это только очередной пример того, как мифологизируется история.

Да, были попытки договориться с правительством. Но были и многочисленные столкновения с полицией. На 1836–39 годы приходится гибель порядка 2000 человек.

В 1842 году организация рабочих понесла по улицам Лондона Грамоту – Хартию для вручения королю.

Но и в этот самый мирный год «чартизма» восстания прокатились по всему югу Англии, их жертвами стали тысячи англичан.

XX век

Как-то страшно это писать, но даже страшные события XX века вовсе не свидетельствуют об уникальной кровавости русской истории. Французские историки любят противопоставлять свою революцию 1789–94 годов и русскую революцию и Гражданскую войну 1918–22 годов. Якобы даже самое чудовищное порождение революционеров-безумцев, которое когда-либо видела Европа – «якобинский террор» во Франции, и то все же как-то приличнее, законнее, гуманнее, чем революция у этих ужасных русских.

Но давайте сравним.

Возьмем по максимуму. Наша Октябрьская революция и последовавшая за ней действительно безумная Гражданская война унесли порядка 10–11 миллионов жизней. Чудовищно, кто же спорит... За считаные годы погибло 7% из 160 миллионов жителей тогдашней Российской империи.

Но, во-первых, во время Гражданской войны 1918 года в Финляндии погибло 150 тысяч человек, при населении в 3 миллиона. Те же 5 % всего населения.

Однако никто не делает далеко идущие выводы о зверстве финнов и кровавости финской истории.

А во-вторых, Французская революция 1789–94 годов унесла порядка 1,5 миллиона жителей из 20-миллионного населения Франции – это 7,5 %. То есть циф-

ры соотносимые, почти одинаковые. Простите, почему наша история более жестока и кровава? И почему французы, породившие революционную чуму, должны от нас шарахаться, как от прирожденных убийц?

Кстати, интересно было бы проследить физическую неполноценность наиболее ярких и жестоких вождей европейских реолюций.

Посмотрите на этих фюреров. Гитлер – маленький, тщедушный, по слухам, с определенными проблемами мужского характера. Ленин – тоже не самый здоровый человек. Троцкий – мелкий, страшненький.

Посмотрите на вождей французской революции.

Дантон. Чудовищно некрасивый человек, лицо изуродовано оспой. Если судить по портретам и гравюрам – просто урод. Враги называли Дантона «Чудовищем» – он действительно был чудовищем не только внешне, но и по своим нравственным качествам.

Марат. Тоже урод, страшно больной, весь покрытый какими-то язвами. Отмокавший регулярно в ванне, потому что тело его постоянно чесалось.

Робеспьер. Мелкий тщедушный человечек, типажа Троцкого.

Это любопытно. Действительно, нет среди жестоких революционных вождей мужчин-красавцев атлетического телосложения и актерской наружности. Вот нет почему-то. Наоборот – все чем-то похожи друг на друга. Одним миром мазаны. Одной кровью.

Глава 5

Публичные казни – как развлечение

...Нормальный уровень средневекового зверства.

А. и Б. Стругацкие
«Трудно быть богом»

Во всех странах и до самого последнего времени применялись публичные казни. Как же население узнавало о казнях преступников? А так: глашатай прокричал, люди собрались и своими глазами смотрели – кого, за что и как наказывало правительство. Жестоко? Да, но ведь и в наше время казни на электрическом стуле в США совершаются в присутствии свидетелей: своего рода контроль общества за действиями властей.

Все так, но роль публичной казни в истории Европы и России коренным образом различна. Начнем с того, что различен масштаб явления.

Казни – норма или исключение из правила?

Прекрасное изобретение, только бы им не злоупотребляли.

Сансон,
потомственный парижский палач после первого испытания гильотины

Рассуждая о том, что в каждом русском сидит палач, и что наша история – сплошная эскалация жестокости, иностранцы как-то забывают сравнить свои законодательства с русским. А зря. Очень полезно.

Для начала стоит напомнить, что у нас не было инквизиции. Не было – и все. Одно это спасло нашей стране бесчисленное множество жизней. Судьба самой знаменитой женщины Франции – прекрасный пример (ужасный, конечно) инквизиторских практик.

Здесь есть такой нюанс, что милосердие Святой Римской Католической церкви принимало в те годы не менее извращенные формы, чем ее жестокость. Я имею в виду продажу папских индульгенций, предлагавших за деньги отпустить любые грехи, что так возмущало деятелей Реформации и, конечно, было совершенно немыслимо в православной русской культуре...

Индульгенции были двух типов. Были те, по которым отпускались УЖЕ совершенные грехи. И те, что отпускали будущие, еще не совершенные грехи – вплоть до того, что в текст индульгенции вписывался тот грех, который вы планировали совершить. Хотите кого-то убить? Вписываете, покупаете, чисты перед Богом. Ограбить, изнасиловать – пожалуйста. Можно сказать, что уже тогда финансовая система потребительского кредитования – в духовном смысле этого слова – на Западе работала очень эффективно.

Мы до сих пор не очень представляем себе, собственно, за что именно была казнена Жанна Д'Арк. А ведь ее казнили не за участие в вооруженном сопротивлении английским войскам и не за какие-то военные преступления. Судил ее суд инквизиции, и обвинили ее в том же, в чем обвиняли и по накатанной казнили тогда тысячи красивых женщин в Европе – ее обвинили в колдовстве и связи с дьяволом.

Это были для той эпохи совершенно обычные, стандартные злодеяния. Что-то типа как сейчас неуплата налогов.

Ее пытали. Жанна держалась под пытками мужественно и ни в чем не призналась. Тогда, не добившись признания, обвинение смягчили. В нем оставили два пункта, и звучало оно так. Первое: самовольное сношение с небесными силами – что это такое, понять трудно даже профессиональному богослову. Видимо, так был истолкован факт, что Жанне являлись видения, и кто-то от имени господа давал ей понять, что она должна спасти Францию.

И второе обвинение: ношение мужского костюма.

Первая часть, даже по тем временам, – вещь сложно наказуемая, а вот переодевание было строго запрещено постановлениями всех всевозможных святых соборов, и церковь относилась к этому очень сурово. Приговор был вынесен в полном соответствии с церковной судебной традицией того времени. Как мы все знаем, Жанна Д'Арк была сожжена на костре.

А за что, еще раз повторю. Самовольное сношение с небесными силами – это маленькое обвинение, а вот второе, серьезное, – это ношение мужского костюма. Т. е. за то, что, сидя на лошади во время сражений, она надевала под рыцарские латы – мужские штаны.

Не можем мы обойти молчанием и инквизитора Томаса Торквемаду. Он жил в 1420–98 годах – чуть старше Ивана Грозного. Конечно, Торквемада, человек, исполненный истинно христианского человеколюбия, является, наверное, исключением из правил. Но тем не менее инквизиторов было много, а он был просто лучшим из лучших.

Считается, что по приговорам Торквемады на кострах было сожжено 10220 человек – значительно больше, чем погублено Иваном Грозным, у которого ресурса административного, надо сказать, было побольше. Равно как и поводов для жестокости. Все-таки две жены, как он был убежден, отравлены заговорщиками.

Помимо костров инквизиции Торквемада демонстрировал и более рациональный подход к использованию человеческого материала. Сжигание – сие есть вещь бессмысленная с точки зрения экономики, поэтому еще около ста тысяч человек были приговорены испанской инквизицией под руководством Торквемады к ссылке на галеры. По сути своей это тот же самый смертный приговор. В течение первого года пребывания на галерах обычно погибала половина каторжников, а больше трех лет не выживал никто. Так что это не ссылка в Шушенское. Это просто растянутый и мучительный смертный приговор.

И тут самое время вернуться к гражданскому праву Западной Европы.

Так вот, смертная казнь предусматривалась 14 статьями Саксонской правды VI–IX веков. По городскому Магдебургскому праву в Германии XIV–XVI веков смертью каралось от 20 до 40 преступлений.

В Англии XV века казнили за 80 преступлений. Во Франции XVII–XVIII веков – по 134 статьям.

Каралось смертью оскорбление коронованных особ, богохульство, кража коровы, совращение монашки и тайное проникновение ночью в королевский дворец.

В Британии того же времени наказывалось смертью уже свыше 200 видов преступлений. Казнить могли за то, что человека застигли вооруженным или переодетым (?) в чужом лесу, за злонамеренную порубку или уничтожение деревьев, злонамеренное уничтожение скота, за двоебрачие, за карманную кражу на сумму свыше 1 (!) шиллинга (если кража совершена в публичном месте). Список преступлений постоянно, от года к году, расширялся и дополнялся.

В 1819 году смертью каралось уже 225 преступлений. Инфляция заставила поднять сумму украденного, за которую полагалась смерть, с 1 шиллинга до 5 (кража из лавки) и 40 шиллингов (кража из дома). Впрочем, смертную казнь теперь суд мог гуманно заменить ссылкой в колонии либо тюремным заключением. Рациональное решение. Растущей Британской империи нужны были не показательные трупы, а бесплатная рабская сила в колониях.

На фоне этого кошмара Кодекс Наполеона во Франции был просто песней торжествующего гуманизма: он предусматривал санкцию в виде смертной казни «всего» в 30 случаях.

Собственно, с Кодекса Наполеона и началось постепенное смягчение законодательства в странах Европы. Vive le Bounaparte!

Но еще в начале XX века в Испании смертью каралось до 70 преступлений, включая угон скота и празднование языческих праздников.

Сравним с Русью?

Сразу скажу: такое сравнение камня на камне не оставляет от тезиса о «кровавости» русской истории.

Потому что история Руси показывает несравненно большую мягкость законодательства. Большинство ученых-правоведов считают: в Древней Руси вообще не было смертной казни. Что она впервые в русское законодательство была введена Двинской уставной грамотой 1397 г. в Пскове.

Другие полагают, что смертная казнь в Древней Руси все же существовала: «Повесть временных лет» сообщает, что князь Владимир по совету епископов и старцев в 996 г. смертную казнь вводит. Это место в летописи вызвало многочисленные споры среди ученых. Летописец так описал данный эпизод: *«"...Умножились разбойники, – говорили епископы. – Почему ты не казнишь их?" – "Боюсь греха" (!) – отвечал князь. "Ты поставлен от Бога на казнь злых, тебе достоит казнити разбойников, но с испытом". Володимеръ же отверг виры, нача казнити разбойников. И реша епископы и старци: рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди; и рече Володимеръ: тако буди. И живяше Володимеръ по устроению отьню и дедню»*[1]. В общем, если и была смертная казнь, то как нечто исключительное, необычайное. Что-то такое, на что требуется вмешательство самого князя.

Уголовное право Новгорода и Пскова уже знакомо со смертной казнью, но вовсе не так уж свирепо. За большую часть проступков можно было откупиться, заплатив денежный штраф (продажу). Смертная казнь полагалась лишь за несколько самых тяжких преступлений: за «перевет», то есть го-

---

[1] *Жильцов С. В.* Смертная казнь в праве Древней Руси и юрисдикция Великого князя в ее применении // Правоведение. 1997. № 4.

сударственную измену, кражу из Кремля, за поджог (для деревянной Руси – одно из самых опасных и тяжких злодеяний) и за кражу, совершенную в третий раз.

Согласно московскому Судебнику 1497 года, смертная казнь предусматривалась 60 статьями – почти как в Европе. Но законодательство Московии испытало на себе явное влияние Орды. Не Запада, так Востока, и не самой цивилизованной его части.

Между двумя Иванами – III и IV – на Руси побывал габсбургский дипломат Сигизмунд Герберштейн, которому суждено было заложить основы многих мифов о России. Именно Герберштейн в своей небесталанной книге ввел в западноевропейское мировоззрение представление о русском народе как о «грубом, бесчувственном и жестоком».

Цитирую: *«Трудно понять, то ли народ по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким».*

Герберштейн – о московитском государе: *«Свою власть он применяет к духовным так же, как к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого из советников, которые есть у него».*

Правда, в другом месте он замечает: *«Карать смертной казнью рабов или других лиц может только один государь или тот, кому он это поручит».*

Наконец, в третьем месте мы читаем: *«Из подданных никто не смеет пытать кого-либо».* Выходит, царское тиранство – это просто тяжкий крест, который несет верховная власть? Выходит, что так. И при этом пытки запрещены? Как-то совсем не в духе Средневековья, получается, жила Московия.

На «загнивающем Западе» резал и жег каждый мало-мальски заметный начальник. Начиная примерно с вахтера.

Однако и в России Судебник 1550 года еще более расширил состав преступлений, караемых смертью: за первую кражу (если вор пойман с поличным или признался в краже в результате пытки), за вторую кражу и второе мошенничество (если преступник сознался в этом), за разбой, душегубство (убийство), за ябедничество (клевету) или иное «лихое» дело, за убийство господина, государственную измену, церковную кражу, поджог, супружескую измену. Но это – время Ивана Грозного. А что вы хотели от «тирана»?

Но в XVII веке, уже при Романовых, началось смягчение законодательства.

При Петре, и тут уж явно при сильном западном влиянии, число «смертных» статей опять возросло до 123. В их числе: сопротивление начальству, раздирание и вычернение указов, препятствование исполнению казни, неправосудие, лихоимство, лжеприсяга, расхищение, подлог, поединок, изнасилование, мужеложство (хм! – вот так вот!), блуд, похищение денег из кошелька, богохульство, идолопоклонство, чародейство, чернокнижие, святотатство. Смертью каралась также порубка дубового леса – государству нужна была дубовая древесина для строительства флота.

До деяний Франции и особенно Британии нам далеко, но, видимо, влияния Запада для нас еще вреднее восточного. Зато когда Русь вообще ни у кого и ничего не заимствует – совсем славно. Потому что сразу после Петра волна пошла на спад и начались разного рода попытки законодательной отмены/ограничения смертной казни.

При Анне Иоанновне казнили, причем самым страшным образом – почти как в Европе, точнее в Курляндии, где провела многие годы будущая царица.

Но при Елизавете Петровне, с 1741 по 1761 год, в Российской империи смертной казни не было вообще.

И. Вишняков «Портрет императрицы Елизаветы Петровны».
Все 20 лет ее правления Россия не знала смертной казни

Считается, что такой зарок дала Елизавета Петровна в молитве, когда гвардейцы уговорили ее взять трон. Сдержала царица слово. Кутила, веселилась, платьев имела не счесть – по одному на день, но жестокости не было – и за 20 лет не подписала ни одного (!) смертного приговора.

При Екатерине II, Павле I, Александре I опять стали казнить... Но русским это решительно не нравилось! Голоса в пользу отмены смертной казни раздавались в 1824 году, впрочем, они не смолкали весь XIX век. А в гуманной Европе что-то не было слышно протестов против смертной казни в это время.

И вот статистика: только на территории Лондона и относящегося к нему графства Миддлсекс в 1810–26 годах было казнено 2755 человек. Одной из достопримечательностей Британской столицы были виселицы. Главная из виселиц Британии имела на разновысо-

ких балках 21 петлю и работала без остановок 500 лет подряд, вплоть до начала XX (!) в.

В это же самое время, и даже за больший срок – 25 лет, в годы правления Александра I, с 1801 по 1825 год было казнено во всей России 24 (двадцать четыре!) человека.

Вы представьте! Один человек в год.

Во всей империи. Различие в два порядка даже по абсолютным цифрам. Посчитаем жестокость властей, если можно, в пересчете на душу населения: в Российской империи жило тогда порядка 55 миллионов человек. Получается – за 25 лет казнен 1 россиянин из 2 миллионов. В Миддлсексе и во всем Большом Лондоне жило порядка 8 миллионов человек. Казнен был 1 из 3 тысяч. Разница в 1000 (одну тысячу) раз. Во столько раз безопаснее было жить в варварской России, чем в цивилизованной, культурной Британии.

Обычное европейское зверство

«Азиатская жестокость» – привычный оборот речи. Но даже турецкие и персидские палачи – дети малые в сравнении с европейскими. Судите сами: законы Франции, Британии, многих княжеств Европы знали до 20 способов умерщвления и до 40 разных пыток, членовредительств и истязаний.

Чего только не предусматривало следствие и суд для установления истины и наказания преступника!

Казни... Сожжение живьем, в том числе с использованием сырых дров, чтобы огонь помедленнее разгорался. Качели – когда человека раскачивали на виселице, и он то влетал в костер, то его выносило прочь. Так постепенно и поджаривался. Сожже-

ние рук или ног. Сожжение постепенное. Частичное сожжение — когда к человеку привязывали снопы соломы, поджигали и пускали бежать в чистое поле.

Повешение за шею на широком ремне, чтобы агония продолжалась подольше. Повешение на крюке под ребро. Повешение вверх ногами. Подвешивание за волосы. Повешение за половой член.

Отсечение рук и ног. Вырывание сердца. Разрубание на части, причем постепенное. Разрывание лошадьми.

Нанизывание на колья. Посажение на кол. Прибивание гвоздями к деревянной статуе или к дереву.

Замуровывание в стену. Захоронение живым.

В Голландии, во Франции и в Италии некоторых преступников варили, иногда в кипятке, иногда в масле. И опускали в кипяток не сразу, а медленно спускали на веревке, делая большие остановки.

Наказания... Отрубание руки или обеих рук. Кастрация. Ослепление. Порка самыми различными предметами, включая специальные доски, кнуты и плети разных размеров и длины, пытки самыми разнообразными инструментами, всевозможные членовредительства.

В 1584 году был убит Вильгельм Оранский. Его убийца, Балтазар Жерар, был казнен так: *«Постановлено было, что правую его руку сожгут каленым железом, что плоть его будет в шести различных местах отодрана от костей щипцами, что его заживо четвертуют и выпотрошат, что сердце вырвут из груди и бросят ему в лицо и что его, наконец, обезглавят»*[1].

---

[1] *Мотли Д. Л.* Возникновение Голландской республики. М., 1937.

О старая добрая Англия! Так казнили убийцу государственного деятеля, но людей пытали и убивали и за бытовые преступления.

За такие, которые в наше время решаются, скорее, гражданскими исками. Мастера Иоганнуса из Аугсбурга, создателя одного из соборов Кракова, ослепили за то, что он вовремя не отдал долг. По обычному гражданскому суду – приговорили именно к такому наказанию и выжгли мастеру глаза.

Один из самых популярных французских монархов, ровесник нашего Александра Невского – Людовик Святой. Собиратель французских земель и истовый католик. Глубоко верующий человек, лично принимавший участие в крестовых походах. Неплохой администратор, сыгравший такую же роль во Франции, как у нас Иван Калита. О нем много писал Вальтер Скотт в своих исторических романах.

Скромность довела Людовика до того, что, отправившись в очередной крестовый поход, он сам носил грубую одежду, запрещал на своих кораблях разного рода увеселения. Даже пытался запретить распитие спиртных напитков, но, естественно, не получилось – уж это было святое для европейских крестоносцев. А удалось ему запретить ношение дорогой одежды – никаких мехов, никаких золотых украшений, никаких драгоценностей. Людовик даже выбросил в море шахматы, которые взял его брат, дабы коротать время в длительном морском путешествии. Вот такой был святой человек!

Однако вот что любопытно. Одним из тяжких преступлений того времени было богохульство. То, что могло трактоваться как неуважение к церкви либо к религии. Как этот святой – и, как мы могли бы предположить, милосердный – человек карал богохульство?

По личному распоряжению Людовика одному из парижан, обвиненных в богохульстве, была надета на лицо – причем с таким расчетом, чтобы он уже никогда после этого не мог произнести ни слова – раскаленная железная маска. Полностью обезобразившая богохульника, сжегшая ему губы, нос и так далее...

Форму этой маски Святой король разработал лично сам. И повелел таким образом карать богохульников и впредь – дабы буквально «держали рот на замке».

В Париже XVII века карманным воришкам палач ломал во многих местах кости ног железной палкой, – во многих местах, чтобы никогда больше не могли ходить.

Отрубание руки за воровство – это вообще «классика», об этом и говорить-то банально. Конечно, постепенно нравы смягчались. Многие наказания оставались в законе, но практически не применялись. И сегодня в Британии всякий гражданин мужского пола старше 24 и моложе 60 лет может быть приговорен к порке плетьми – до 50 ударов. Уточнение про пол – позднего происхождения, поправка сделана в 1906 году. Но последний раз применяли закон в 1937 году.

Для сравнения: в Российской империи до реформ Александра II существовали тяжкие телесные наказания: кнут, отмененный только в 1864 году, и проход через строй. Эти наказания во многих случаях влекли за собой увечья. Общество считало эти наказания варварством, и они были отменены. Видимо, мы недостаточно цивилизованны.

Еще Герберштейн с нескрываемым удивлением писал о странном однообразии, с которым русские лишают заслуживших этого преступников жизни. *«Если призванный к допросу окажется достойным казни*, его

вешают. Другие казни применяются к преступникам редко, разве что они совершили что-нибудь слишком ужасное». При этом посол сквозь зубы отмечал: *«Воровство редко карается смертью. Даже за убийство казнят редко, если только оно не совершено с целью разбоя... Даже скотоложцы и те не подвергаются смертной казни»*. Напомню, дело было на излете Средних веков.

С 1895 года в Британии перестали по суду клеймить железом беглого каторжника, можно было лишь пороть и оставлять связанным на несколько суток, сажать в залитый водой карцер, морить голодом. Впрочем, в армии до сих пор солдат формально имеют право связывать, пороть и держать без света в карцере. Это в Британии! В Законодательстве Австро-Венгрии порка плетьми существовала вплоть до 1918 года.

В России всей этой экзотики было на порядки меньше. Конечно, найти можно всякое, тем более в Средневековье. Были случаи и сожжения.

В 1682 году был сожжен в Пустозерске протопоп Аввакум с тремя сподвижниками. В 1689-м в Москве, в Немецкой слободе, сожжен вместе со всеми своими книгами автор непонятных стихов в духе Нострадамуса, мистик Квирин Кульман.

В 1738 году в царствование Анны Иоанновны сжигали на костре за переход в другую веру. Капитан-лейтенант Возницын, *«будучи в Польше у жида Бороха Лейбова, принял жидовство (иудаизм) с совершением обрезания»*. Жена (вот стерва-то! Кто бы еще узнал, кабы не она!) Возницына учинила на него донос.

Возницын был *«жестоко пытан на дыбе и сожжен на костре... вместе с совратителем своим жидом Борохом Лейбовым»*.

При расследовании причин пожара на Морской улице тайная канцелярия признала поджигателями, «по некоторому доказательству», крестьянского сына Петра Петрова, называемого «водолаз», да крестьянина Перфильева. Их сожгли заживо на том месте, где учинился пожар[1].

Но, во-первых, эти сожжения 1738 года – последние в русской истории. В Испании, южной Франции, Италии, Шотландии сжигали и много позже, до начала XIX века.

Во-вторых, очень мало этих сожжений. Так мало, что мы можем запомнить и учесть каждого сожженного, каждый отдельный случай. Когда события настолько немногочисленны, их можно осмыслить, как-то обдумать. (Это как с теми двумя поляками, расстрелянными во время восстания XIX в.)

А если подобных событий сплошной вал, как в Европе? Что обсуждать, обдумывать, пересматривать? Все просто – время было такое! А что в варварской России зверства много, в цивилизованной Европе мало – все знают.

После правления Анны Иоанновны, с 1741 года, не было на Руси более варварских способов казни. Лишь в 1775 году четвертовали Пугачева и Перфильева, но «в обратном порядке», т. е. сначала им все же отсекли головы. Это было последнее четвертование в России.

В 1826 году декабристы, всего 20 человек, осужденные по первому разряду, были приговорены к отсечению головы, а пятеро, объявленные вне разрядов, – к четвертованию. В итоге приговоренных по первому разряду отправили на каторгу, а пятерых «вне разря-

[1] *Пыляев М. И.* Старый Петербург. СПб., 1889.

дов» повесили. Даже это ужаснуло отвыкшее от казней общество.

После этого приговоры к отсечению головы и четвертованию более неизвестны.

С того времени и до революции применялись только два вида казни – расстрел и повешение. Так казнили революционеров при Александрах II и III. Но даже за самые тяжкие убийства неполитического характера тогда полагалась только каторга.

Смертная казнь (преимущественно через расстрел) применялась военно-полевым судом за воинские преступления в зоне ведения военных действий.

П. А. Столыпин
На его могиле в Киево-Печерской лавре Киева я недавно побывал, вспомнив пророческие строки из завещания Столыпина: «Прошу похоронить меня там, где меня убьют»

На каторге казнили (через повешение) убийц-рецидивистов, совершивших новое убийство уже во время отбытия наказания[1].

После революции 1905 года стали вешать не только революционеров, но и простой люд за грабежи и прочие «возмущения», волей полевых судов, по всей стране. Пик казней приходится на 1907–10 годы, когда Столыпин ввел военно-полевые суды. Но как-то не поднимается у меня

[1] *Чехов А. П.* Остров Сахалин. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Т. 14. СПб., 1893.

рука осудить нашего великого реформиста Петра Столыпина за его «столыпинские галстуки».

Сразу вспоминается, что к этому его подтолкнуло. Безумцы-«революционеры», бомбы, разорвавшие в щепки его дачу под Петербургом: 30 трупов, 24 тяжело раненных, убиты – прислуга, рабочие, кухарки, солдаты охраны.

Столыпин чудом оказался без единой царапины. И что прикажете делать с этими террористами, чьими именами Советы так любили называть наши улицы и площади?

Отношение к казням

Но особенно различаются народы по отношению к казням в России и на Западе. В Средние века присутствие на публичной казни было своего рода досугом для взрослого человека. В Европе казнь была развлечением, зрелищем. На казни сходились и съезжались как на театральное представление, везли с собой жен и детей. Считалось хорошим тоном знать по именам палачей и с видом знатоков рассуждать, что и как они делают.

Невозможно назвать какого-то ласкового, уменьшительно-домашнего названия для виселицы или палаческого топора в России.

Ни ласковое «Виселица Машенька», ни ироничное «Тощая Фекла» у нас попросту невозможны.

А во всех странах Европы виселицы и палаческие инструменты именно так и назывались. То «Маленькая Мэри» – полный английский аналог «Машеньки» (в Лондоне), то «Тощая Гертруда» (в Кенигсберге), то «Скорый Альберт» – палаческий топор главного палача в Аугсбурге.

В просвещенной и цивилизованной Англии с разделением властей и самым первым парламентом в мире могли повесить восьмилетнего мальчика, обвиненного в поджоге двух амбаров. А толпа смеялась и пела, глядя, как его вешают.

Детей с младенчества приучали спокойно смотреть на зверства. Сформировались даже некоторые британские приметы: если младенец дотронулся ручкой до повешенного – это на счастье, щепки от виселицы использовали как средство от зубной боли. То ли сосали ее, то ли использовали как зубочистку.

В Германии существовало поверье, что веревка повешенного приносит в дом счастье, а во Фландрии – что рука повешенного может помочь стать невидимкой.

В Британии в 1788 году был случай, когда толпа рванулась к только что повешенному и буквально разорвала этот еще теплый труп на «сувениры». Особенно повезло местному кабатчику – он завладел головой и долго показывал ее у себя в кабаке, привлекая публику, пока эта голова совсем не протухла.

Публичные казни на Гревской площади в Париже вызывали всплеск эмоций – толпа ревела, веселилась, пела, ликовала.

«Кто живал в Париже подолгу, как я, тот знает, что это было за отвращение: публичные казни, происходившие около тюрьмы "La Koquette". Гаже, гнуснее этого нельзя было ничего и вообразить! Тысячи народа, от светских виверов и первоклассных кокоток до отребья – сутенеров, уличных потаскушек, воров и беглых каторжников проводили всю ночь в окрестных кабачках, пьянствовали, пели похабные песни и с рассветом устремлялись к кордону солдат, окружавшему площадку, где высились "деревья правосудия" как официально называют этот омерзительный ап-

парат. Издали нельзя было хорошенько видеть, но вся эта масса чувствовала себя в восхищении только оттого, что она "была на казни", так лихо и весело провела ночь в ожидании такого пленительного зрелища. В XX веке общественная нравственность, не доросшая до повсеместной отмены смертной казни, все же доросла до отмены публичных ритуалов ее исполнения (правда, не во всех странах)»,– так писал Петр Боборыкин[1], русский писатель, придумавший и опубликовавший в 1864 году слово «интеллигенция». И фанатичный «западник», к слову сказать.

Однако и в его времена, и даже во времена его отцов и дедов в деспотической и варварской России казнили лишь государственных преступников. Обычные убийцы и разбойники отправлялись на каторгу. Конечно, Нерчинск и Сахалин – не Лазурный берег, но все же лучше виселицы. А главное, не было казней для развлечения толпы, ни эдакого гурманского к ним отношения.

В России поведение людей, стоящих на площади и наблюдающих казнь, отличалось от поведения парижской толпы, радостным ревом сопровождающей действия палача, крики жертв, хруст костей и прочие «увлекательные» стороны зрелища.

Сохранились свидетельства голландцев, которые видели казнь Степана Разина в 1671 году. Пока палачи рубили конечности преступнику, народ молчал, только всхлипывали и крестились женщины. И сразу, не дожидаясь смерти атамана, народ стал молча расходиться.

Так же поступали россияне, пришедшие на казнь Емельяна Пугачева в 1775 году. Вот что писал в своих

[1] *Боборыкин П. Д.* За полвека (мои воспоминания). М.–Л., 1929.

записках русский ученый XVIII века Андрей Болотов о казни Пугачева: *«Удрученный народ начал расходиться сразу после казни, не желая смотреть на избиение кнутами сообщников бунтаря»*.

Что поделаешь – варвары, дикари-с.

А если серьезно, то на что любоваться? В народном сознании Степан Разин – отвратительный преступник, обреченный на том свете вечно грызть раскаленные кирпичи. Люди пришли, чтобы участвовать в акте государственного значения: казни преступника. Они согласны с приговором, они «за». Но к чему садистские любования зрелищем? Какая разница в деталях?

Кстати, так же было и в более поздние времена. В 1881 году казнят террористов-народовольцев. Тех самых, кто убил императора Александра II, а заодно и случайно шедшего по улице 12-летнего мальчика.

И правда... Беспамятны мы. Напрочь забыли, что народовольцы убили не только императора, но и 12-летнего ребенка: парень хотел посмотреть на царя. Первыми словами раненого Александра II было: «Что с мальчиком?»

Заполнивший площадь народ вовсе не на стороне убийц. Их проклинают, ругают, кричат, чтобы в свой последний час они «попомнили Государя».

Но, во-первых, ни одна рука не поднимается для самосуда. Никто не бросает в подсудимых никакой дряни, не пытается прорваться сквозь охрану, ударить осужденных. Во-вторых, народ не развлекается. Не радуется страданиям и смерти, не делится впечатлениями, не визжит от восторга, когда табуреты выбиты из-под ног осужденных.

Народ соучаствует в делах власти. Он на стороне власти и осуждает преступников. И притом народ се-

рьезен, напряжен. В конце концов, казнь – это правосудие. По закону убивают людей. Присутствовать надо, смотреть надо, но нет никакой причины ликовать. Вероятно, такой же дух двигал римлянами с их знаменитым: «Закон суров, но это закон».

Когда Великая французская революция заменила виселицу гильотиной (народ «ласково» называл ее Лизеттой), народ жаловался, что ничего не видно и требовал возвращения виселицы. После Наполеона и Реставрации 1815 года виселицу вернули.

Ау! Наши милые русские дамы! Любительницы Парижа и Куршавеля, Лазурного берега и Moet & Chandon, устриц и Алена Делона. Знаете ли вы, что последняя публичная казнь в Париже состоялась... перед Второй мировой войной?

Зато как сейчас «французики из Бордо» кокетливо возмущаются: «Ах, эти брутальные американцы повесили Саддама Хусейна! Как это не комильфо!»

Да, кстати, потрясающее воспоминание Александра Вертинского о том, как он случайно оказался после совершенной публичной казни на площади его любимого Парижа, где орала и веселилась толпа. «Русский дикарь», прибывший из варварской страны, настолько был подавлен этим зрелищем, что тут же спустился в кабачок «залить» увиденное. Следом спустился и давешний поклонник его таланта, хорошо одетый, точно с бала – во фраке. Они вместе выпили, новый знакомый убеждал Вертинского больше не ходить на такие «представления», они же не для нервов человека искусства!

Этот милейший человек позже оказался официальным палачом города Парижа[1].

---

[1] *Вертинский А.* Избранное (годы эмиграции). М., 1990.

И теперь после описаний Боборыкина и Вертинского вы еще готовы принимать всерьез разговоры о любви русских к жестокости? Варварская, крепостная Россия? И почему эти дикие русские во время казней не ревели в радостном возбуждении, а молча угрюмо крестились и молились за упокой души казненных? Наверное, от недостатка цивилизованности, не иначе.

Может, вместо самобичевания, нам заговорить погромче как раз о прирожденном садизме наших европейских соседей?

Не только казни

В России всегда принято было считать, что интерес к чужому страданию – признак нездоровой психики. Но на Западе думали иначе.

В Британии XIX века был такой обычай: джентльмены из верхов общества водили своих дам в тюрьмы, где по пятницам или субботам пороли проституток. Джентльмены заранее оплачивали хорошие места, просили, чтобы их пропустили поближе, где лучше видно.

Это считалось увлекательным мероприятием. Было хорошим тоном знать по именам палачей, комментировать их действия, знать проституток и сравнивать их поведение с «прошлым разом» или с какой-то другой, давней поркой.

Порки проституток по определенным дням недели отменили только в 1865 году. Еще раз подчеркну: это не развлечение простонародья! Аристократический обычай верхов общества.

Для низов были другие развлечения: например, травля бульдогами привязанных к изгородям быков.

Или собачьи бои. Британцы очень любят животных, особенно собак. Но почему-то распространению собачьих боев это нисколько не мешало.

Как «гуманно» организовывались и проводились собачьи бои? Перечитайте «Белый клык»[1] Джека Лондона.

Музеи пыток

Еще одна удивительная черта западного образа жизни, которую трудно понять россиянину. Во всех странах Запада существуют музеи средневековых пыток. Там выставлены орудия пыток, муляжи «обработанных» частей тела, соответствующие картины и целые группы манекенов, изображающих судей, палачей и жертв. Обычно такие музеи неплохо отражают эту сторону местной истории.

Мы могли бы завести музеи нисколько не хуже. Представляю, как смотрелся бы Музей Малюты Скуратова в Москве или Музей Тайной канцелярии в Петербурге! Но у нас таких музеев нет. Ближайший музей пыток находится в Кракове. Есть такие музеи и в Кельне, и в Мюнхене, и в городах Британии и Франции. В них всегда много посетителей.

Правда, признаюсь, лет 5 назад единственный раз я наткнулся в России на своего рода «музей пыток». Это было в Нижнем Новгороде. Музей представлял собой крошечную передвижную выставку из двух комнат. Была пара восковых фигур типа Иван Грозный с посохом и злым выражением лица. Десяток ретрофотографий. Ну и «разложенные» под стеклом «пытошные

---

[1] *Лондон Дж.* Белый клык. Собр. соч. в 8 т. Т. 5. М., 1966.

инструменты». Отсутствие иллюстрированного материала заменялось красочным рассказом экскурсовода «как что тогда было».

Двум девушкам, бывшим со мной в одной группе, стало плохо и они уже к середине экскурсии выбежали на свежий воздух. Я дотерпел, познакомился с директором заведения. Он в сердцах жаловался, что ездит с этим «добром» по Поволжью и вконец прогорел. Не идет народ смотреть на орудия пыток.

Видимо, нет в нашей культуре в отличие от общеевропейской чего-то, что заставляет людей интересоваться жестокостью, смотреть на акты бесчеловечности. Современный европеец сегодня не может попасть на публичную казнь и даже на порку проституток. Но в Музей пыток он идет.

О телевизионной жестокости

Но можно никуда специально не идти. Достаточно включить телевизор, и вы получаете в полной мере зрелища жестокости, насилия, вражды, смерти, массовой гибели.

Родственная область, но требующая большей активности: компьютерные игры. Некоторые специалисты считают эти игрушки даже полезными: люди проявляют агрессивность в виртуальном мире, оставаясь в реале милыми, улыбчивыми и добрыми. Не буду спорить о пользе игрушек в духе «бегалки-стрелялки». Думаю, это идиотизм.

Отмечу главное: в России до недавнего времени таких оригинальных стрелялок не сочиняли. Много напридумывали компьютерных игр, но почему-то «кровожадные» русские придумывали игры совершенно

иного направления. Эту дрянь у нас в основном переводят, адаптируют...

Да и фильмы... Хотя в копировании худшего мы уже «догнали и перегнали Запад». «Бригада», «Менты», «Опера», «Улицы разбитых фонарей» – обычный, ниже средней руки западный телепродукт умеренной кровавости. Типичная калька.

Но анализировать деформацию нашей души и цивилизационных ценностей, произошедшую в России за последние 20–25 лет, не задача моего труда. Слишком много придется тогда сказать.

Чего стоит поросячий восторг некоторых наших «киноведов» по поводу «типично русских типажей» в фильмах типа «Брат-раз-два», «Киллер (или Антикиллер?) раз-два» и т. д. и т. п. Лично мне почему-то считающийся шедевром эпохи «Брат-2» омерзителен (равно как и стрелялка по его мотивам).

Опять переключение? Кошмарные фильмы нужны, чтобы выпустить агрессивность в виртуале и остаться хорошим в реале? Человек никогда не повторит в жизни то, что делает в компьютерной игрушке, смотрит в фильме? Гм... Устрашающая жестокость американцев во Вьетнаме, а теперь и в Ираке заставляет меня в этом усомниться. Жизнь доказала – человек легко переходит от теории к практике.

Глава 6

Традиция самосуда

> Линчевание – это не просто казнь, как мы привыкли думать. Это казнь через повешение, в большинстве случаев – это еще и пытки. К людям врывались в дома посреди ночи, отказывая им в праве на неприкосновенность жилища и стараясь внушить страх всей округе.
>
> Сенатор Джон Керри

Если толпа бросается и рвет на части труп повешенного – что мешает ей кинуться и на живого? Да ничего...

Если женщина несет ребеночка, чтобы он прикоснулся к трупу повешенного и выздоровел, что мешает ей немного помочь живому побыстрее умереть и превратиться в полезное лечебное снадобье?

В книге «Философия войны» русский генерал, а позднее – советский военный деятель Андрей Снесарев приводит удивительный факт. В 1402 году в Шотландии после поражения английского военачальника Мортимера женщины бегали по полю, отрезая у трупов пенисы: прикасаясь к пенисам покойников, ране-

ные могли якобы исцелиться. Очень просвещенный обычай цивилизованного Запада.

Много можно привести примеров самых варварских расправ над «ведьмами», цыганами, евреями, и вообще любыми «чужаками». В США родился даже специальный термин: суд Линча.

Что такое суд Линча? Это расправа толпы над *подозреваемым* в совершении преступления. Толпа одновременно берет на себя функции следователя, прокурора, судьи и палача.

Считается, что жестокие внесудебные расправы были занесены в Америку из Англии. Так, с берегов Туманного Альбиона в Новый свет занесли традицию казнить посредством обмазывания дегтем и вываливания в перьях. Это только на первый взгляд выглядит странной, пусть и жестокой забавой. Дело в том, что деготь предварительно разогревали, поэтому тот, кого им обмазывали, почти всегда умирал от ожогов. Были и другие способы «общественного порицания», гораздо более жестокие.

Происхождение самого слова «линчевание» относится к концу XVIII века. Историки до сих пор спорят, от какого из двух Линчей пошел термин. Одни считают, что от имени полковника иррегулярных войск американских колонистов Чарльза Линча (1736–96 гг.), другие – от виргинского плантатора капитана Уильяма Линча (1742–1820 гг.).

Таким же полковником, к примеру, был суперположительный герой Мэла Гибсона в фильме «Патриот». Но «настоящий полковник» Линч сильно отличался от прилизанного Гибсоном голливудского персонажа.

Полковник Линч в ходе Войны за независимость прославился тем, что сформировал собственный суд в

округе Бедфорд и внедрял закон и порядок посредством веревки. Жертвами «правосудия» обычно становились сторонники английского короля. К чести Чарльза Линча надо сказать, что он не вешал всех попавших к нему на суд без разбора, а сначала хотя бы выслушивал суть дела. Так в обстановке тогдашнего хаоса ему удавалось поддерживать относительный порядок.

Не стоит забывать, что в стране фактически шла гражданская война: вопреки сусальным голливудским киноверсиям тех событий, вроде фильмов «Патриот» Мэла Гибсона или «Революция» Аль Пачино, американцы в массе своей вовсе не горели желанием восстать против короля и сбросить колониальное ярмо. Многие поддерживали англичан, другие же просто потихоньку мародерствовали в обстановке смуты.

Плантатор Линч также прославился внесудебными расправами, но в основном над рабами-неграми. Обвинять Уильяма Линча в животном расизме бессмысленно, – он был человеком своего времени, и для него, как и для подавляющего большинства американцев, негр и белый являлись принципиально разными существами. Ну, примерно как для современного человека – родственными, но все же не родными существами являются Homo Sapience и шимпанзе. Плантатор Линч верил, что он защищает закон и содержит свои «одушевленные вещи» в должном порядке.

Как это часто бывает, имя собственное дало жизнь имени нарицательному. Так появился все тот же «ландрин».

То же случилось и с Линчами – их фамилия превратилась в глагол «линчевать», появились понятия «суд Линча» и «право Линча». Линчеванием стали называть всякий самосуд, и связанный с жестокими

издевательствами над осужденными, и не связанный. Речь шла о расправе в отсутствие представителя законной власти, например, шерифа или окружного судьи. Расправе, которую устраивал отдельный человек, или группа, взявшие на себя право вершить суд при попустительстве и открытом одобрении агрессивно настроенной толпы зрителей.

Оба Линча не были замешаны в «особом» расизме, потребовалось лишь их имя. Таков каприз истории. Суды Линча в стране практиковались больше века, до 1968 года. По официальным данным в США линчевали около 5000 человек, из них черные составляли 73 %, включая мужчин, женщин и даже детей. На самом деле число жертв неизвестно, до 1880 года никакой статистики на эту тему не велось[1].

Среди поводов для предания судам Линча зафиксированы: грабеж могил, споры с белым, лень, грубая речь, несносный характер, бродяжничество, вымогательство, мелкая кража, появление в нетрезвом виде, исповедование религии Вуду. Всего статистикой зафиксировано 80 причин для линчевания, но самыми типичными были обвинения в убийствах и сексуальных преступлениях против белых женщин.

Удобная это штука – сексуальное домогательство. Для обвинения в убийстве как минимум все-таки нужен был труп, а секс – материя тонкая, к нему можно пришить что угодно. Если верить обвинениям, то негры насиловали буквально первых попавшихся на глаза белых леди. Жертвами сексуальных маньяков становились почтенные матери семейств, юные девушки и даже девочки. И разъяренные мужья, женихи и отцы

---

[1] *Родионов В.* Черный холокост Америки // Чайка. 2003. № 11 (11).

Суд Ку-клукс-клана.
Согласно одной из версий, название Ку-клукс-клану, одной из наиболее известных расистских организаций юга США, активно поддерживавшей суды Линча, дал характерный звук затвора винчестера при перезарядке. Намек понятен?

вели толпы на расправу с насильниками. Никаких доказательств вины не требовалось. Достаточно было потерпевшей или кому-то с ее стороны просто указать на подозреваемого, как его участь была предрешена.

Не редкостью были групповые экзекуции, вешали по несколько человек сразу. После казни палачи разрезали веревки на мелкие куски и продавали на сувениры. На эти же цели шли отрезанные пальцы несчастных, уши и даже гениталии. Не существовало половых и возрастных ограничений. Среди казненных были женщины и подростки 12–13 лет.

Встает закономерный вопрос: а где было официальное правосудие? Ведь это варварство происходило не в Средневековье, а в XIX–XX веках. В стране второе

столетие существовала самая передовая в мире Конституция, развитое законодательство и мощная юстиция. Пятая и Шестая Поправки гарантировали всем гражданам США, без исключений, судебную и правовую защиту. Как в цивилизованном государстве мог процветать неприкрытый произвол?

Ведь никто же не скрывался, не прятался. Линчевание происходило публично и привлекало толпы народа. Марк Твен свидетельствует, что *«стоит распространиться по округе вести о предстоящем линчевании, как люди запрягают лошадей и с женами и детьми и мчатся за несколько миль, чтобы посмотреть на это зрелище»*[1].

На необозримых просторах Юга встретились закон толпы и законы государства. В течение почти века сила была на стороне первого. Во главе толпы стояли не гангстеры, а порой наиболее авторитетные люди: мэры городков, шерифы, полицейские, судьи и даже губернаторы. Большинство должностных лиц прекрасно знали местные порядки и не хотели плыть против течения. Формально государство не поддерживало суды Линча, и в 1890–1930 годы в ряде штатов были даже показательные процессы над организаторами самосудов, которые, правда, так и закончились ничем.

Попытки официально признать антиконституционность судов Линча предпринимались в Конгрессе США трижды (в 1922, 1937 и 1940 гг.), но южные конгрессмены и сенаторы успешно их проваливали. Даже Франклин Рузвельт, когда руководители негритянских организаций попросили его официально осудить суд

---

[1] *Твен М.* Соединенные Линчующие Штаты. Собр. соч. в 12 т. Т. 11. М., 1961.

Линча, прямо ответил: я не хочу проиграть следующие выборы.

Первый и последний за всю историю линчевания белый был осужден и казнен уже в наше время – в 1997 (!) году, Генри Хейнс из Алабамы.

Что тут сказать? Пожелаю американским правозащитникам дальнейшей борьбы за права человека во всем мире. Только может, им стоит начать со своей собственной страны?

Глава 7

Россия – убежище для беженцев из кровавой Европы

> Когда человека убивают – натурально, он бежит.
>
> Ю. Слепухин
>
> *«Южный крест»*

Кстати, дорогие читатели, а не возникал ли у вас такой вопрос: если в России на протяжении всей ее многострадальной истории проливались реки крови, то, может быть, русские, спасая свою жизнь, пытались бежать от всех этих ужасов? Эмигрировали в более спокойные и цивилизованные государства?

Да, русские, действительно, расселялись. Они выезжали из центра страны в довольно больших количествах, но почему-то не в гуманную Европу, а в необжитую Сибирь, холодный Север и опасный Юг. Крестьяне, полагаю, были людьми темными и забитыми, в географиях не разбирались. Но более-менее просвещенное дворянство...

Может быть, оно срывалось на Запад, прося «политического убежища», как потом это стали называть? Нет, как-то не очень. Конечно, были такие, как князь Курбский, бежавший к полякам, или подьячий Посольского приказа Григорий Котошихин, оставший-

ся в Швеции. Но это – политические беженцы, а такие были всегда и во всех странах. После Английской революции десятки тысяч сторонников королевской династии жили во Франции. После Французской революции 1789–94 годов число политических эмигрантов превысило 200 тысяч человек.

Скорее надо удивляться тому, что до XX века политэмигрантов из России почти не было.

Но политэмигранты – это единицы, скорее исключение, нежели правило. А массовый выезд из России был?

В те времена, когда Старый Свет поставлял «человеческий материал» для заселения целых материков, Российская империя не осталась в стороне от этого процесса. Ее пределы покинули тоже 4,5 млн человек.

Но обратите внимание кто выезжал – прежде всего, это поляки (что было результатом жесткого противостояния «имперского центра» и польских сепаратистов, которое вылилось в несколько так называемых «польских восстаний»), евреи (без комментариев, «черта оседлости» – тема отдельного разговора) и горцы (Кавказские войны породили массовые переселения целых народностей на Кавказе)[1]. Эти три категории закрывают собой 90% эмигрантов.

А в обратном направлении было перемещение? Было, и еще какое!

С 1828 по 1915 год в Россию въехало от 4,2 до 6 миллионов иностранцев, притом не бедных таджиков и молдаван – гастрбайтеров. Гастрбайтеры, конечно, были. Но тогда, в основном, – из Европы. В том числе 3 миллиона (!) немцев и австрийцев[2].

---

[1] Русский календарь А. Суворина. СПб., 1913.

[2] *Горянин А.* Мифы о России и дух нации. М., 2002., *Кабузан В. М.* Русские в мире. СПб., 1996.

Из Европы – в Россию

Когда вспоминают о русском крепостном праве, часто говорят о том, что рабство «в крови» у русских. Каждый раз, когда европейский журналист пишет об Иване Грозном, подразумевается, что и жестокость тоже присуща нам искони.

Но большую часть своей истории Россия прожила хотя бы в относительном мире. В том смысле, что, конечно, войны велись, но на периферии страны или за ее пределами. А по большей части территории России вражеские армии не ходили. Даже война с Наполеоном шла узкой полосой километров 200 с запада на восток. За пределами «полосы» продолжалась обычная повседневная жизнь. Россия вела, как правило, не захватнические, а оборонительные войны.

Европейские же государства постоянно находились в состоянии войны друг с другом. Англия воевала с соседями – и с Францией, и с Ирландией, и с Шотландией. Франция – и с Испанией, и с Англией. Германские княжества воевали между собой, а территория Германии со времен Тридцатилётней войны стала ареной общеевропейских войн. Причем войны шли по всей территории Франции, Испании, Германии.

Внутригосударственные европейские этнические конфликты тянулись и тлели столетиями. Например, в гуманной и цивилизованной Европе баски не были переселенцами на Пиренейский полуостров. Это такие же потомки иберийских племен, как и испанцы. Но все иберы в Римской империи перешли на латинский язык, а племя васконов не захотело и свой язык сохранило. Событиям две тысячи лет, уже и Римской империи давно нет. А конфликт продолжается до наших дней.

Сотни лет продолжаются конфликты кельтов-ирландцев с англичанами. Столетиями тлеют конфликты фламандцев с валлонами, австрийцев с венграми, и эти примеры можно продолжить: постоянные гражданские и религиозные войны, инквизиция[1].

Беженцы на Русь

Неудивительно, что из такой, охваченной огнем, Европы люди бежали... в Россию. В России оказывалось спокойнее.

Удивительно, но европейцы начали переселяться в Россию как раз с того времени, когда иностранцы стали проявлять недовольство ее нравами. Первые переселенцы появились в эпоху Ивана III. До 30 тысяч поляков, немцев, румын, южных славян переселились в Россию во времена Ивана Грозного. Самоубийцы?! Отнюдь. В эти считающиеся «чудовищно кровавыми» времена в России было безопаснее, чем на Западе.

Тем более ехали в царствование Михаила Романова и его сына Алексея Михайловича. При этих царях из династии Романовых Россия не только принимала беженцев, более того, им предоставлялись льготы. Только в Кукуе на Москва-реке жили 20 тысяч, а к эпохе Петра – даже 40 тысяч иностранцев.

При Петре I, а затем при Екатерине Великой переселение иностранцев в Россию стало уже частью целенаправленной миграционной политики.

[1] В XVI в. инквизиция осудила на смерть большинство жителей Нидерландов: заведомо подлежали смерти все протестанты. Во время Тридцатилетней войны в Саксонии были казнены 20 тыс. чел. из 250 тыс. всего населения. (*Прим. науч. ред.*)

Отношение к иммигрантам в России было более чем благожелательным: согласно манифесту Екатерины от 22 июля 1763 года они освобождались от налогов и всякого рода повинностей. Вот отрывок из этого манифеста:

«Всем иностранным дозволяем в Империю Нашу въезжать и селиться, где кто пожелает, во всех Наших Губерниях... Но чтоб все желающие в Империи Нашей поселяться видели, сколь есть велико для пользы и выгода беспрепятственно... не должны таковые прибывшие из иностранных на поселение в Россию, никаких в казну Нашу податей платить...»

Ни один эмигрант ни в одной стране Европы ни тогда, ни сейчас не пользовался такими льготами.

Свободный выбор места поселения, свобода вероисповедания, самоуправления, освобождение от податей, налогов и всякого рода повинностей. Повторюсь, ни в одной стране Европы ни один эмигрант ни 250 лет назад, ни сегодня не пользовался такими возможностями.

Конечно, многие приезжали в Россию, руководствуясь, прежде всего, экономическими соображениями, «на ловлю счастья и чинов». Но достаточно было и тех, кто спасал свою шею от старой доброй британской виселицы (так приехали в Россию предки Лермонтова – шотландцы Лермонты), или от молодой, но такой же доброй гильотины (в числе этих французских эмигрантов – один из основателей Одессы герцог де Ришелье).

Для бегущих из Османской империи греков построили целый город – Мариуполь.

К концу XVIII века в России насчитывалось уже 505 иностранных колоний, в подавляющем большинстве немецких. Немцы занимали в государстве разное

социальное положение: придворные, высший генералитет, министры, владельцы фабрик и заводов, ученые, писатели, художники, врачи, рабочие и земледельцы.

Эти люди и их потомки оставили о себе добрую память в истории России. Кроме немцев вторую родину в России нашли греки, шведы, болгары, голландцы, выходцы из Швейцарии и с о. Майорка, и прочая и прочая...

Малоизвестный факт – из 100 тысяч пленных французов воинства Наполеона в 1812 году половина (!) не вернулась на родину. В варварской и страшной России оказалось и безопаснее, и сытнее.

Русских пленных было немного – порядка 5 тысяч человек. Но они вернулись все. Повторю еще раз – ВСЕ. До последнего человека. Не наводит ли это на размышления?

Глава 8

«Святая Русь» – покаяние и очищение как признак святости

> Нет, поистине никогда ни один народ не судил себя так откровенно, так строго, так покаянно: не требовал от себя такого очищения и покаяния. И не только требовал, а осуществлял и этим держал свое бытие и свой быт.
>
> Иван Ильин,
> *русский философ*

Покаяние Ивана Грозного

Русский народ устами своих певцов, былинных сказителей и поэтов назвал свою страну Святой Русью. *«По всем признакам, это многозначительное самоопределение... – низового, массового, стихийного происхождения. Ни одна из христианских наций не вняла самому существенному призыву церкви "именно к святости, свойству Божественному", лишь Россия дерзнула "на сверхгордый эпитет" и отдала этому неземному идеалу свое сердце»*[1].

---

[1] *Карташов А. В.* Что значит «Святая Русь»? // Русское Возрождение, 1988, № 42.

Святая Русь... Не «старая добрая Русь» (как Англия), не «прекрасная Россия» (как Франция), не «сладостная Русь» (как Италия), не «Россия превыше всего» (как Германия), а «святая»...

И одна из причин такого самоопределения в том, что отличительной особенностью освобождения от греха является покаяние.

Если государственное устройство в Европе строилось на исключительной роли и самостоятельности личности (от Цезаря до Бонапарта), то царь в России как бы не «деятель», а «проводник», помазанник Божий и перед Богом в ответе. И самые симпатичные из наших царей – Алексей Михайлович в XVII веке, Александр III в XIX-м – очень религиозные люди. Они же, кстати, и самые «бездеятельные» и миролюбивые. Но удивительным образом при них естественным путем без петровских «напрягов» росла и крепла держава.

Никто в Европе, ни один монарх или его министр так не каялся, как Иван Грозный. В отличие от своих венценосных европейских собратьев Иван Васильевич как публично грешил, так публично и каялся. Пароксизм душегубства всегда завершался у него пароксизмом истерического покаяния. И опричники ведь носили монашескую одежду, хорошо знали службу. Периодически весь двор шел крестным ходом, замаливал грехи – реальные и надуманные.

Так почему же иностранцы (да и многие наши либералы-западники), сравнивая русских монархов с европейскими, видят «сломицу в оке ближнего своего, в своем же не узрят и бруса»? Не оттого ли, что у русских было принято каяться в своих преступлениях? Иван Грозный натворил множество злодеяний, но не-

задолго до его смерти во все монастыри России были разосланы по его приказу синодики – полные поминальные списки с именами жертв опричного террора. На помин их душ Иван Грозный внес большие личные вклады.

НИ ОДИН известный нам европейский монарх НИ РАЗУ за всю историю Европы не сделал ничего подобного. И Чезаре Борджиа, и Екатерина Медичи, и Мария Кровавая, и Генрих VIII имели основания покаяться, причем намного более Ивана. Но не покаялись.

Поразительное дело: своим покаянием Иван Грозный как вознес свой душевный порыв, так и наказал самого себя.

Если вам придется побывать в Великом Новгороде, поглядите внимательно на памятник «Тысячелетие России», воздвигнутый в 1862 году.

Среди 129 фигур, присутствующих в этой скульптурной группе, Ивана Грозного нет. Персонажей для памятника выбирал лично Александр II. И хотя многие цари пролили кровушки не меньше, чем Иван IV, из списка поминаемых государственных деятелей его исключили.

Царь-освободитель Александр II не хотел, чтобы «кровавый» царь присутствовал на монументе, символизирующем русскую историю и русскую государственность.

Неужели правда, и это одно из наказаний за признание собственных грехов?! Вот Иван Грозный открыто признал их – и потомки исключили его из пантеона русских царей.

Вот и думай после этого, хорошо ли каяться в грехах и признавать ошибки...

Немногочисленность кровавых эксцессов

Возможно, правда, и другое объяснение. Я уже говорил о том, что кровавые эксцессы в русской истории так немногочисленны, что у народа сложилось к ним особое отношение, не похожее на отношение западных народов к своим покойникам. Если их миллионы, и каждая эпоха прибавляет новых и новых... Как тут запомнить их, как помянуть каждую загубленную душу?

Не потому Грозный в памяти народной, что чем-то особенным выделяется на фоне современных ему западных монархов. А потому, что в Святой Руси — несравненно более высокая планка представляется каждому православному монарху, чем на потестантско-атеистическом и даже католическом Западе.

Другой характер народа

> Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы...
>
> Александр Блок

Впрочем, здесь, уверен, есть и обратная сторона: крови в русской истории пролилось меньше потому, что таков характер нашего народа. Вот пишу и сам испытываю неловкость — не привыкли мы себя за что бы то ни было хвалить. Даже если имеем право сказать что-то хорошее — вроде бы так нескромно... неправильно...

А тут еще века окриков: Россия кровавая! Россия страшная! В России все не так!

Мы — не цивилизованные европейцы! Скифы! Азия!

Возражать психологически трудно.

И все же: русский народ не только не хуже европейских... Мы добрее, мягче, меньше склонны к жестокости и кровопролитию. Иван Грозный покаялся в преступлениях. Елизавета Петровна, напомню, перед переворотом упала на колени перед иконой Божией Матери ■ поклялась: если переворот пройдет удачно, не казнить смертью никого во все годы своего правления.

Свое слово императрица Елизавета сдержала. Но кто мешал ей дать совсем другой обет? Например, беспощадно казнить всех врагов государства? Отомстить всем немцам, Бирону, детей их, жен, всех – ■ кандалы, на каторгу! Выжечь крамолу каленым железом?? Выбор обета говорит о многом.

Не о меньшем свидетельствует и сама возможность для царицы его выполнить... Смертные-то приговоры в Российской империи подписывал Царь. Вдумайтесь: ВСЕ СМЕРТНЫЕ ПРИГОВОРЫ.

Казнь считалась исключительным делом и настолько особенным событием, что требовала личной подписи монарха. Никакой «карт-бланш» ни в каком виде.

И в «старой доброй Англии», и в «прекрасной Франции» смертные

Александр I.
Возможно, он и был «властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда...», но зато за 25 лет его правления было по всей империи исполнено по решениям гражданских судов... 24 (!) смертных приговора. Просто «эра милосердия»...

приговоры выносились на муниципальном уровне и не требовали утверждения вышестоящими инстанциями, тем более – монархом. Да и когда монарх успел бы рассмотреть тысячи дел за год? По десятку приговоров каждый день, если в масштабах страны? Просто подписывать – и то рука отвалится. А вникать...

Это только у нас Царица реально могла дать такой обет и выполнить его.

Есть много свидетельств такой же доброты и незлобивости народа, идущих вовсе не из дворцов. Хотя бы такой факт – «золотые обозы» из Сибири охотно брали попутчиков. «Золотой обоз» – это санный поезд, которым везли в Москву и в Петербург золото из Сибири. Железной дороги еще не было, десятки и сотни пудов золота везли санями через всю Сибирь, от Иркутска и Красноярска.

Разумеется, такой обоз был желанной добычей для любой шайки разбойников. Лихой налет мог обеспечить членов шайки на всю оставшуюся жизнь. Так вот, с обозом шли, на этих санях ехали десятки людей – попутчики. Самый известный из них – Василий Суриков. Именно с золотым обозом пришел он в Петербург из Красноярска.

Платы с таких попутчиков не брали – эти люди становились своего рода охраной для золота. Потому что если бы разбойники напали на такой обоз, пришлось бы убивать этих людей как свидетелей. А разбойники не хотели губить душу.

НИ ОДИН золотой обоз за всю историю России не был разгромлен. Так что система охраны действовала, и очень неплохо.

Сравним это с традициями того же «Дикого Запада», США. Там «золотая лихорадка» всегда сопровож-

далась массовыми насилиями и убийствами. Многие страницы певцов «золотых лихорадок», Б. Гарта и Дж. Лондона просто страшно читать.

Невозможно представить себе ничего даже отдаленно похожего на такую систему охраны ни в США, ни в любой из европейских стран.

«Что, у нас и разбойников не было?!» – возопиет иной «оппонент».

Были. Как же в громадной стране – и без разбойников? Но вот странность какая, во всех странах Запада главным для разбойника было унести ноги и бежать как можно дальше. У британцев был удобнейший способ – бежать в колонии. А из колоний бежали в Англию, конечно...

Не удалось бежать – надо спрятать награбленное и выждать, пока выйдет срок преступления. Просидел тихо несколько лет, и все в порядке, можно пользоваться богатством с чистой совестью. Начало многим американским состояниям прямо положено на большой дороге, например богатству семьи Морганов и Вандербилтов[1].

---

[1] Основатель семейного бизнеса Корнелиус Вандербилт (1794–1877) прославился не только деловой хваткой, но и невероятным нахрапом. Он никогда не вступал в переговоры с конкурентами, а уничтожал их, организуя демпинг, или попросту нанимая шайки уголовников. В 1868 г. дело дошло до настоящей частной войны: головорезы Вандербилта останавливали поезда конкурентов и уничтожали перевозимые товары.

Джон Пирпонт Морган (1832–1913) прославился чудовищной жестокостью к конкурентам. Его называли «самой совершенной машиной для добычи денег». Аморальные и даже преступные методы сколачивания капитала Морганом много раз описывались в прессе и становились предметом обсуждения. Это его не волновало. (*Прим. науч. ред.*)

А начало империи Гарольда Ханта положено за карточным столом[1]. Профессиональный шулер.

В России в старину многие разбойники действовали иначе. Часть награбленного, конечно, брали, но часть непременно надо было закопать и не трогать три поколения. Только правнукам можно было воспользоваться награбленным золотом. За три поколения оно должно было «очиститься».

Естественно, не всякий доживал до правнуков, тем более до времени, когда правнуки подросли настолько, что им можно было показать место клада. И потому по Сибири и сегодня лежит немало захороненных богатств, которых некому уже извлечь из земли.

В романе Шишкова дед главного героя на смертном одре показывает сыну и внуку место клада[2]. Сейчас это забылось, но современники прекрасно понимали, что над такой семьей незримо сгущается проклятие...[3]

---

[1] Нефтяной магнат из Техаса Гарольд Хант (1889–1974) открыто признавал, что в молодости был профессиональным картежным игроком. Начало нефтяного бизнеса Ханта получено после приобретения богатейшего участка бурильщика Папаши Джойнера. Это очень темная история, и не исключено, что Папаша Джойнер был попросту убит. Свои взгляды под конец жизни Гарольд Хант открыто называл фашистскими и много боролся с ужасами демократии, с засильем негров и евреев и так далее. (*Прим. науч. ред.*)

[2] *Шишков В. Я.* Угрюм-река. М., 1958.

[3] Очень многие реалии Угрюм-реки вовсе не выдуманы Шишковым, а взяты из жизни. Богатство семьи красноярских купцов Матониных было положено грабежом. И в народе вполне серьезно говорили, что трагическая судьба этой семьи вызвана именно тем, что золоту «не дали отлежаться»: взял деньги не правнук, а внук разбойника. Об этом я даже написал целую повесть: см: *Буровский А. М.* Купцы и клады // Сибирская жуть-3. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. (*Прим. науч. ред.*)

Так что получается, что даже разбойники на Руси следовали другим, нежели чем на Западе нормам. Не одного земного суда боялись они и соотносили преступления не с параграфами Уложения о наказаниях Российской империи, но с Высшим Законом...

Я могу приводить еще много примеров, но думаю – уже все ясно.

Имеющий уши да услышит.

Кто виноват?

Факты свидетельствуют, что Россия – гораздо менее кровавая и жестокая страна, чем государства Европы. Как же получилось, что в общественном сознании все перевернулось?!

Частично, это следствие сознательной работы наших врагов, создания политических мифов. Чтобы легче было вести подрывную работу против России.

Частично, тут действия нашего собственного «подкинутого сословия». Очень уж им хотелось утверждать и пропагандировать черные мифы о России.

Но главным образом, наверное, это наша особенность. Православная. Себе – самую строгую мерку. Согрешивши – покаяться, не согрешивши – тоже покаяться, ведь в мыслях-то грех был. Не гордиться, опустить голову, не считать себя лучше других.

Это все, конечно, может, по-христиански и верно. Только вот больно опасны могут быть последствия векового самоуничижения.

Что делать?

Столетиями мы применяли двойной стандарт для оценки себя и других. Себя судили строгим судом Святой Руси. Даже один неправедно убиенный – страшное преступление, и помнить его надо века, столько же и каяться. Казненный даже сто раз за дело – трагедия, и даже повешенный заслуживает сочувствия, а никак не смеха.

А Европу мы судили по ее законам. Когда тысяча трупов – это еще не преступление. Как говорил один известный европеец, швед Карлсон, который живет на крыше: «Пустяки, дело житейское».

Повешенный? Ха-ха! Глядите, какую он рожу скорчил этот урод!

Двойной стандарт позволял распространять сказки о кровавой истории Руси и ангелоподобной Европе. Пора заканчивать и со сказками.

Но только нельзя ни в коем случае уподобляться европейцам! Будет ужасно, если мы утратим это напряженное, нервное отношение к насилию и начнем считать его чем-то нормальным.

На мой взгляд, изменить надо другое...

Надо, во-первых, не поклоняться истории Запада, а судить ее тем же судом. Кровавая история? Но всякая история – кровава. Но изволите ли видеть – ваша история страшнее и кровавее нашей. Вся кровь русской истории за века – это пара недель работы одного инквизиционного трибунала. Месяц жизни Елизаветы Великой. И не вам нас учить, господа.

И главное, пора заимствовать старую традицию европейцев: не выпячивать скверное, а пропагандировать положительное. Пишут во всем мире абсолютно обо всем. Свобода слова, она же glastnost (кто еще не

забыл) – она и в Африке свобода слова. Но вот где пишут? В специальных работах. Книги, которые выходят массовыми тиражами, учебники и романы, не включают кровавых сцен. Большинство британцев ничего не слышали о зверствах времен Кромвеля, а чехарда с женами Генриха VIII описывается как серия веселых развратных похождений, а не как серия убийств маньяка на троне.

В наших книгах все наоборот: многие ли слыхали об упомянутых золотых поездах и как они охранялись? Многие ли знают, что последние браки Ивана Грозного Церковь считала незаконными? Что священники не венчали царя, даже прекрасно зная, что отказ может стоить им жизни? Так же как не благославляли его опричные военные походы? Мы видели много фильмов о жизни митрополита Московского и Всея Руси Федора Колычева[1], открыто, с церковной трибуны обличавшего Грозного в преступлениях опричины и грехопадении? Кто-нибудь кроме профессиональных историков вообще слышал это имя – истинный символ служения Правде, Вере и гражданского мужества?

Это знают узкие специалисты, но не знают русские люди.

А вот что Иван Грозный пролил реки крови и что такова вся наша история – знают все.

Это неправильно, сограждане!

---

[1] Новый фильм Павла Лунгина «Царь», который вроде бы должен был закрыть этот пробел, при всех своих художественных достоинствах, о которых не берусь судить, с точки зрения историка критики не выдерживает. И, скорее, играет негативную роль. (*Прим. науч. ред.*)

Выводы

Кровава, увы, вся история человечества. Но если сравнивать Россию с другими странами, получится, что наши предки жили в странной – доброй и почти не агрессивной стране. Конечно, и в России были жестокие войны и междоусобицы, восстания и бунты, подавляемые со средневековой жестокостью. Но повторюсь – все познается в сравнении. И в сравнении не с сегодняшним днем, а с тем, что творилось в мире тогда, каковы тогда были нравы и нравственность человечества. Политика двойного стандарта применялась в отношении к России и Европе: европейцам «можно» то, чего никогда нельзя нам.

При Иване Грозном и его опричнине погибло максимум 7 тысяч человек. Это ужасно. За это Ивана Грозного объявили страшным тираном и патологическим убийцей. При Генрихе VIII только несчастных бродяг, потерявших землю и средства к существованию крестьян, повешено 72 тысячи. В 10 раз больше, чем убитых в опричнину! По приказу Елизаветы Английской уничтожены тысячи представителей правящего класса, много больше, чем все жертвы опричнины при Иване Васильевиче.

Но Елизавету в Англии называют «Великой», а Иван у нас, а значит, и во всем мире – «Ужасный», «The Terrible». Это определение распространилось на всю нашу историю: правление Грозного характерно и типично для русской истории, свидетельство исконной кровавости России.

И так во всех известных нам случаях.

Европа и Америка тычут нам в лицо. Мы соглашаемся и посыпаем голову пеплом.

Миф о долготерпении и покорности русского народа

Около трех часов я сидел, практически не шевелясь – боялся обжечься. Газета на глазах стала коричневеть – обугливалась. В эти три часа я хорошо понял истоки пресловутого долготерпения индусов.

Л. Б. Алаев

«Такой я видел Индию»

Глава 1

Истоки мифа

> По усеянным трупами полям полчища плохо одетых и плохо вооруженных Иванов все шли и шли, пока не перегревались немецкие пулеметы, а пулеметчики больше не могли убивать.
>
> Норман Дэвис,
> *профессор Оксфордского Университета, «История Европы» (об освободительном походе Советской Армии 1944–45 гг.)*

Суть мифа

Вообще-то долготерпение – не всегда скверное качество. Умение стойко переносить неблагоприятные обстоятельства жизни, непогоду, неурожай, болезни, не бояться ждать и не спешить принимать необдуманные решения высоко ценилось во все времена и у всех народов. Но обозначенный миф подразумевает нечто иное: русский человек считается способным выносить самые ужасные условия жизни, лишь бы не совершать дополнительных усилий, «не напрягаться».

Это касается всех сфер жизни, и материальной, и общественной, и духовной. И конечно же, касается политики.

В области материальной: русскому так мало надо, что он готов обходиться без хороших вещей и даже без еды, лишь бы не работать. Нет чего-то? И не надо. У русских испокон веков нищие города и особенно деревни. А что русские? Терпят и молятся, молятся и терпят. Или на печи лежат. Когда надо было бы упорно работать, преодолевать нищету.

В. Суриков «Смеющийся солдат». Этюд к картине «Переход Суворова через Альпы». 1897–1898 гг.

Вот он, чудо-богатырь, гордость Суворова, предмет зависти Фридриха, головная боль Бонапарта

Общественная жизнь? И здесь русские очень долготерпеливы и покорны. Они выносят столько унижений и насилия, сколько никогда не стерпели бы в Европе. Крепостные веками терпели барина. Почему? Таковы их скотские представления о самих себе и о жизни. Никогда ни один европеец не стерпел бы обращения, которому повседневно подвергаются русские.

«В ее (России) прошлом нет ни рыцарства, ни возвышенной романтики, в характере нет определенности, а литература слишком бедна... (во жулик-то! – *В. М.*)*. Не случайно Святая Русь так долго и покорно терпела татарское иго»*, – вздыхает британец Сомерсет Моэм.

Это, конечно, перебор – насчет рыцарства-то... Записки Моэма писаны в расцвет колониального правления в Индии. Вот уж там у британцев рыцарства было! Как жахнет пушка пленным сипаем, так сразу и

вспыхнут в сердце истого сына Альбиона и романтика, и благородство.

А чуть дальше в глубь веков, – и как нам не вспомнить прославленного английского короля Ричарда Львиное Сердце? Вот уж в ком было рыцарства и благородства – по полное забрало в шлеме – на все баллады Вальтера Скотта хватило. Помнится, во время осады одной сарацинской крепости благородный Ричард *предположил* (!), что сарацинские пленники, не желая отдавать ему свои драгоценности, проглотили их. И приказал трем тысячам пленных... вспороть на центральной площади животы и выковырять оттуда все внутренности в поисках бриллиантов и золотых колец.

Интересно вот, сам ковырялся или смотрел со стороны?

И насчет великой русской литературы – сильно сказано. Конечно, Моэм – писатель, а не читатель, но все-таки мог бы хоть что-то узнать о стране, в которую его отправила британская разведка, кроме того, что там было татарское иго.

Ну да Бог судья этому англичанину, вернемся к русским.

Естественно, такой патологически терпеливый и покорный народ и от своего правительства постоянно выносит черт знает что. Правительство в России наглое, откровенно пренебрегает собственным народом, его интересами и мнением. Оно может себе это позволить – народ все слопает и не поморщится. Он очень терпелив и покорен.

Русских солдат можно послать в дальний поход без обоза и боеприпасов и заставить выполнить самый гиблый приказ. Русских можно заставить жить в любых, самых нечеловеческих условиях. Народ стерпит все:

любые унижения, грубость начальства, невразумительность политики Кремля и Зимнего дворца, потери и тяготы бессмысленных войн, тяжелейшие налоги и физическое насилие. Это очень покорный народ, так уж он устроен. Там, где европеец давно бы взбунтовался, русский будет кротко терпеть, молиться и плакать.

Так было. Так есть и так будет.

В таком случае долготерпение и правда представляется совершенно отвратительным, вредным для развития народа качеством. Не проявлением мужества и стойкости, а тупой покорностью скотины.

Покорность русских внутренней политике собственного правительства оборачивается другим неприятным «цивилизованному миру» качеством. Точнее — является одной из причин перманентной русской внешней агрессии: власть в любой момент бросит русских на завоевательную войну, и они кротко пойдут, тупые, забитые, но жестокие, готовые из злобы своей превратить свободные народы в таких же духовных рабов, как они сами.

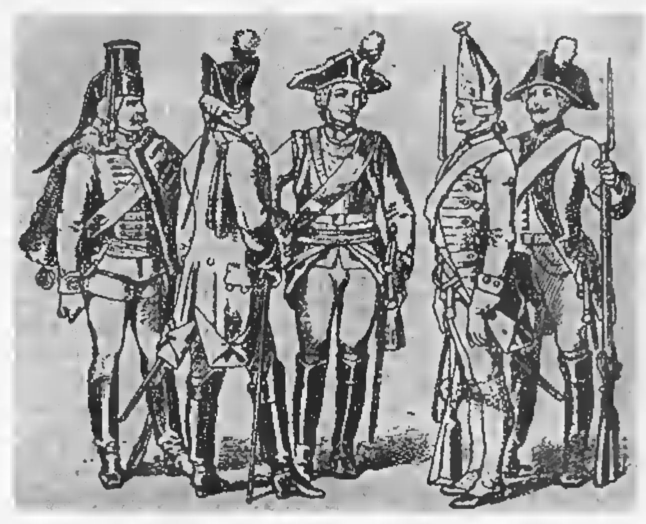
Русская неприхотливость: где и когда

> Наши люди в булочную на такси не ездят!
>
> *Из фильма «Бриллиантовая рука»*

Один из истоков мифа — способность русских обходиться меньшими материальными благами, чем европейцы. Вопрос, конечно, когда именно проявилась эта особенность? И где? В истории Древней Руси нет никаких признаков ни особой неприхотливости рус-

ских, ни черт их особой покорности обстоятельствам или своим правителям.

Более того, Русь считалась самой богатой, самой сытой частью Европы. Богатства и хорошее устройство «гардарики» – Страны городов, воспевают скандинавские саги. Богатство и гордость русских отмечают все византийские и немецкие путешественники[1].

Солдаты Фридриха Великого. Гравюра.
Под начищенной униформой скрывались отбросы и наемники со всей Европы

Сама мысль о том, что русские неприхотливы, могла вызвать только улыбку у купцов с Немецкого двора

[1] Купец Адам из Бремена в XIV в. побывал в Смоленске, Полоцке и Пскове. Он рассказывает, что русские кланяются начальству «неторопливо и важно». По его мнению, нет и них той униженности перед правителями, которая характерна для его родной Германии. (*Свердлов М.Б.* Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия IX – первая половина XII вв. М.–Л., 1989). (*Прим. науч. ред.*)

в Господине Великом Новгороде. Это скорее немцы неприхотливы, и причина этого грустная: бедность. Русским нет необходимости быть неприхотливыми и терпеливыми, потому что нет нужды обходиться без чего-либо. У них-то все есть.

Первые рассказы о долготерпении, покорности судьбе и властям, о невероятной выносливости русских рождаются в ту же эпоху, что и остальные черные мифы о России – в XVI–XVIII веках. Источник – иностранные послы, путешественники, и в большей степени – авантюристы.

О невероятной стойкости русских и их способности к долгому сидению в осадах пишет наемник Маржерет[1], сам при этом – участник долгой и крайне тяжелой осады, которую выдержало иноземное войско в Кремле в 1612 году. Но о причинах стойкости иноземцев он упоминает вполне буднично: выхода не было. Не верили, что останутся в живых. Вот и приходилось биться до последнего.

А когда бандам захватчиков в Смуту яростно сопротивляется Троице-Сергиев монастырь, когда вооруженные монахи и присоединившиеся к ним миряне стоят насмерть на стенах, здесь он разглагольствует о долготерпении и неприхотливости русских. Странно выходит – двойной счет налицо.

Характерны причины, по которым опричник Ивана Грозного, немецкий наемник фон Штаден считает русских очень надежными при осадах крепостей: *«Русские могут долго жить в осаде, если у них есть только вода, мука и водка. Русский может так жить, а немец не может»* (*Штаден* Г. Записки немца-опричника. М., 2002). Простая мысль, что «штаденским» немцам, подданным

[1] Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982.

А. Ф. Пахомов «На Неву за водой». Из серии «Ленинград в дни блокады». Литография. 1942 г.
Потомки Фридриха Великого не могли поверить, что в невыносимых условиях блокады гражданское население Ленинграда не выбросит белый флаг

Ливонского ордена, просто было не за что воевать, и потому они легко сдавали крепости, а русским было за что воевать, совершенно не приходит ему в голову.

О невероятной покорности русских охотно писал в самом конце XVII века Лейбниц, делая вывод: когда Швеция наконец завоюет Россию, русские легко покорятся иноземному владычеству[1]. Их будет не так уж трудно не только завоевать, но и «цивилизовать». Они ведь не умеют сопротивляться своему правительству, из кого бы оно ни состояло и что бы ни затеяло.

Привычка к лишениям может трактоваться как стойкость, и тогда это комплимент. Прусский король Фридрих Великий откровенно восхищался русскими солдатами: *«Они способны на такое величие и стойкость, на которые, увы, не способны даже мои солдаты»*[2].

То есть он считал почти как Штаден, что русские могут то, чего не могут немцы. И сделал ту же самую ошибку: сравнил русских солдат-патриотов с солдатами своей собственной армии – навербованной по всей Европе голытьбой, боявшейся палки капрала больше, чем пуль неприятеля.

---

[1] *Лейбниц Г.В.* Избранные философские сочинения. СПб., 1890.
[2] *Кони Ф. А.* История Фридриха Великого. М., 1997.

Наполеон тоже говорил о неприхотливости русских, нашей «скифской» готовности довольствоваться самым малым.

К XIX веку миф, что называется, был готов. И сами мы в него, как обычно, охотно поверили. Да, мы терпеливы и покорны! Не только не умеем, мы и не хотим работать. Почему? А нам много не надо. Такие представления о самих себе мы даже превращаем в некое достоинство. Вспомните Федора Ивановича Тютчева:

Ф. И. Тютчев. Величайший патриот сам ненароком подливал масло в пламя мифотворчества о нашей стране

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя[1].

(1855)

[1] *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1957.

Граф А. Толстой напрямую полемизирует с великим русским патриотом-империалистом Тютчевым:

Одарив весьма обильно
Нашу землю, Царь Небесный
Быть богатою и сильной
Повелел ей повсеместно.

Но чтоб падали селенья,
Чтобы нивы пустовали –
Нам на то благословенье

Царь Небесный дал едва ли!
Мы беспечны, мы ленивы,
Все у нас из рук валится,
И к тому ж мы терпеливы –
Этим нечего хвалиться![1]

(1869)

Но и он согласен: мы беспечны, ленивы, патологически терпеливы. Этим нечего хвалиться, пора сделать свою Родину богатой и сильной... Но мы, увы, – такими уж уродились.

Миф жил весь XIX век и перекочевал в XX. О «неприхотливости русских солдат» Второй мировой много говорили и немецкие фельдмаршалы, и «наши доблестные союзники» – британцы и американцы. В этом можно найти много и нелепого, и даже забавного. Скажем, великий норвежский путешественник Тур Хейердал в 1944 году был десантирован британцами на самый север своей страны, на границу Норвегии и Финляндии. Он с восхищением писал о рус-

[1] *Толстой А. К.* Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М., 1968.

ских солдатах, которые *«имеют при себе только теплую одежду, документы и свое оружие»*. И при этом наступают без горячей еды и тепла в условиях арктической зимы[1].

В действительности же советские солдаты тогда наступали так стремительно, что оторвались от своих баз. Они питались сухарями на морозе не всю войну, а лишь несколько дней наступления. Вообще же солдат ■ 1944 году сравнительно неплохо кормили. Так что спасибо на добром слове, господин Хейердал, но все было немного не так.

А вот для местных норвежских партизан «Сеньор Кон-Тики» доброго слова не находит. При том, что эти партизаны месяцами сидели в горах, действительно в снежных норах и без теплой пищи (боялись разводить костры, чтобы не быть обнаруженными). Но их подвиг проходит мимо сознания ученого и писателя. Тем более не делается никаких далеко идущих выводов о том, что норвежцы и финны в принципе могут жить, зарывшись ■ сугроб, как собаки-лайки, и грызть там промороженные косточки, такие вот они неприхотливые и покорные своим командирам.

Миф существует до сих пор. Мы обычно даже хвастаемся своей неприхотливостью, как чертой невероятной приспособленности к любым суровым обстоятельствам. Иногда почему-то стыдимся своей способности обходиться без удобств, как черте недостаточной цивилизованности. Вроде получается – культуры нам недостает. Потому мы и можем обходиться без двуслойной туалетной бумаги с перфорацией, шотландского виски и маринованных ананасов.

---

[1] *Якоби С.* Сеньор Кон-Тики. М., 1969.

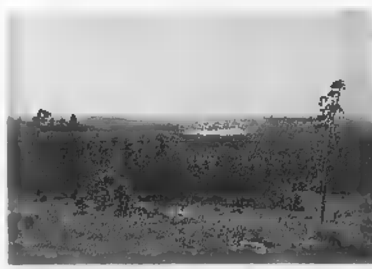
Но все же чаще звучит гордость: хоть в чем-то мы да превосходим Запад! Можем жить хоть в Антарктиде, питаясь хоть гвоздями, хоть картофельными очистками, – и при том еще вершить великие дела.

Корни мифа

> Существуют две вещи, которые делают слугу несовершенным, и эти вещи – богатство и почет. Если человек остается в стесненных обстоятельствах, он не будет испорчен.
>
> Ямомото Цунэтомо
> *«Хагакурэ, или Сокрытое в листве»,*
> *XVIII в.*

Очень легко найти по крайней мере одну особенность России, как будто «работающую» на миф. Это громадность территории России, ее суровый климат, редкое население, жизнь человека рядом с большими массивами почти не затронутых деятельностью человека лесов, гор и степей. Жизнь в такой стране поневоле формирует другое отношение к потреблению, чем в Европе.

Западные части исторической Руси, современные Украина и Белоруссия, больше похожи на Европу по климату и плодородию почв. Но народный характер современного русского народа выкован в междуречье Волги и Оки, с появлением Великороссии. Здесь поведение людей и массовая психология и правда существенно меняются. Это земля малонаселенная, покрытая беспредельными лесами. Природа заметно беднее, чем на юге и западе Руси. Зона рискованного земледе-

И. Шишкин «Лесные дали». 1884 г.

К. Юон «Купола и ласточки». 1921 г.

лия: каждые несколько лет – неурожай[1]. Чтобы психологически комфортно жить на такой земле, человек должен стать равнодушнее к потреблению. Стало голоднее, чем было раньше? Ну, ничего не поделаешь, на какое-то время придется затянуть пояс.

Сдержанность в еде, аккуратность и простота в одежде, умение ставить духовные ценности выше телесных радостей – во всех культурах эти качества считались похвальными. В такой стране, как Россия, они неизбежно станут важными частями культурного кода. Россиянин веками привыкал не безразлично, нет, но более ***спокойно*** относиться к сугубо материальному[2].

---

[1] Урожайность в старину вообще была очень низкой. В Германии XVIII в. собирали по 7–8 ц пшеницы с га. В Московии урожайность еще ниже – сам-три, даже сам-два, по 4–5 ц с га. (*Прим. науч. ред.*)

[2] В этом есть не только хорошие стороны. [redacted] России меньше психологическая связь между трудом и результатами труда. Действительно, если неурожай может легко погубить плоды тяжелой работы земледельца, какая психология вырабатывается? Трудиться надо. Но богатый – это не только и не столько тот, кто хорошо потрудился. Это тот, кому еще [redacted] повезло. Вот у европейцев, особенно у граждан США, связь, что называется, железная: больше и качественнее труд – больше денег. Логика «трудился, но не заработал» там «не прокатывает». А у нас, получается, «прокатывает». В итоге явный бездельник может пользоваться общественным уважением. Ибо логика его всегда проста: это не я тунеядец, понимаешь, это обстоятельства так сложились, ну, «не повезло».

Миф о долготерпении и покорности русского народа

Огромное значение в жизни людей имел лес. Даже выйдя из избы среди деревни, россиянин видел зубчатую стену леса, замыкавшую горизонт. Пропалывая огород, женщина оказывалась в нескольких шагах от опушки леса.

Лес определял способ ведения хозяйства. Зачем разводить сад, если в лесу полно ягод и грибов? Зачем заводить большое стадо, если лес изобилует дикими зверями? Лосей, кабанов, птицы много, их не нужно выращивать, они обходятся дешевле домашней скотины, предназначенной на убой, и ничуть не менее вкусны и полезны[1].

Если уж о народном характере... Кости лосей, медведей, кабанов постоянно находят в кухонных ямах русского Средневековья. Т. е. охота на крупного зверя была совершенно обычным, повседневным делом. С рогатиной или копьем шли на медведя или кабана, и не чтобы развлечься, показать удаль молодецкую – для пропитания себя и семьи. Лось... Полтонны жилистой плоти, с копытами, крупнее коровьих, с рогами-лопатами. Раненый лось, не раздумывая, бросается на человека. На лосей охотились поздней осенью, во время свадеб. Разъяренный храпящий зверь, пар из ноздрей, налитые кровью глаза, а брать его надо в упор, подставляя копье. Впечатляет!

---

[1] Кабан... В музейных экспозициях можно видеть клыки кабанов и 30–50 см длиной. Кабан – это не домашняя хрюшка. Не случайно же Ярослав Мудрый пишет о себе с явной гордостью: «один на вепря хаживал». Хаживал ведь не с двустволкой и не с карабином, а с копьем и ножом.

Это ли не воспитание характера: жесткого, немного аскетичного, равнодушного к своим и чужим страданиям, крови, физическим усилиям, опасности? (*Прим. науч. ред.*)

Дикая… ну, почти дикая природа окружает и маленькие деревушки, и даже крепости и городки. Вокруг сотни рек, где нет ни причалов, ни набережных. В диком лесу — только круговерть тропинок и, протоптанные людьми, незаметно переходят в звериные. В этих ландшафтах он должен постоянно жить и работать, и желательно — любить их, получать удовольствие от такой жизни. Иначе ведь жизнь в муку превратится.

Обитатель стран, где вся земля давно возделана, не стремится в лес, на берег лесного озера. Ему не хочется поваляться на траве, постоять в обнимку с березкой, принять лицом пахнущий травами ветерок на лесной опушке. Как у Высоцкого, которого запойный бес водил по городу Парижу:

Я рвался на природу, в лес,
Хотел в траву и в воду, —
Но это был — французский бес:
Он не любил природу[1].

В Европе французы, а на востоке китайцы даже с некоторой иронией относятся к нашему стремлению отдыхать «на природе». Нет у них, как правило, такого желания.

Но чтобы и трудиться, и отдыхать вне города или села, надо отказываться от части удобств… Желательно не хотеть этих удобств, не стремиться к ним и не ценить их. Если для человека важнее увидеть журавлиный клин над головой, чем вкусно пообедать за бокалом изысканного вина, приятнее слышать птичий

[1] Стихотворение В. Высоцкого «Другу моему Михаилу Шемякину», 1978 г. (*Прим. ред.*)

щебет, чем любоваться представлениями менестрелей на городской площади, жизнь в средневековой Руси для него будет приятна и комфортна.

Русские дворяне и интеллигенты могли сколь угодно считать себя «русскими европейцами», своего рода культурной агентурой Европы среди «русских туземцев» – простонародья. Но не были они европейцами по бытовым привычкам и культуре. Жизнь в удаленных «дворянских гнездах» была менее комфортной, чем в Москве и Петербурге, но они все равно просто маниакально, с неодолимым влечением «расползались» по деревням, как только представлялась такая возможность.

Интеллигенция старалась жить на даче все теплое время года. Например, банальнейший сбор грибов – уютная семейная забава. Но это и необходимость уходить далеко от дома в сырой, шумящий кронами деревьев сумрак. Это промокшие ноги и обязательная физическая усталость от постоянного нагибания. Это необходимость потом, уже при свете свечи или лампы, разбирать «добычу», чистить ее и обрабатывать.

Рыбалка, катание на лодке, охота. Все это забавы, требующие физической силы, неприхотливости, подготовки[1].

---

[1] Сейчас трудно представить, насколько дикая природа окружала россиянина еще лет сто назад. Пушкин любил гулять, пешком проходя из Михайловского в расположенное рядом имение Тригорское (Тригорское принадлежало помещице Осиповой, матери друга А. С. Пушкина Алексея Вульфа. Если верить легендам, Тригорское стало местом, где разворачиваются события «Евгения Онегина»). Всего-то четыре километра через шумящий сосновый лес («Одна в глуши лесов сосновых...»), через луга, мимо деревни и кладбища. Вроде бы вполне окультуренный ландшафт... Но, выходя из дома, Александр Сергеевич всякий раз брал с собой тяжелую пал-

Значит, россияне и правда неприхотливее, выносливее европейцев? Терпеливее их, меньше стремятся к комфорту? Не торопитесь... Не стоит уподобляться гламурным героям глянцевых журналов и считать европейцами только невнятную космополитичную тусовку с Лазурного берега. Европа состоит из многих очень разных стран и очень разных народов.

Вот, к слову, отдельная тема для иронического самоанализа. Возьмите в руки любой из бесчисленно расплодившихся в последнее время модных толстых глянцевых журналов: VOGUE, GLAMOUR, In STILE, COSMOPOLITAN, MAXIM, GQ и бог знает какие еще. Их десятки, и все они похожи друг на друга как две капли воды. Собственно, журналами их назвать язык не поворачивается, потому что как такового «журнального», т. е. «литературного» текста в них практически нет: одни «картинки» и бесконечная реклама. Этакий рекламно-маникюрный фотокомикс для блондинок из анекдотов. Т. к. номер весит иногда по 2 кг, то я все же предполагаю, что некую пользу эти журналы читательницам приносят, по крайней мере, отчасти заменяя фитнес: все-таки какое-никакое, а отягощение. Некоторые наиболее законопослушные из этих изданий даже откровенно заявляют о себе в выходных данных, что являются

ку: в лесу водились волки. Встреч с волками он не описывал, но были они вполне реальны, идти лучше было все-таки с палкой.

А осенью было раза два, когда волчий вой среди белого дня пугал коней на дороге. «Встает заря во мгле холодной; На нивах шум работ умолк; С своей волчихою голодной Выходит на дорогу волк...» Это писалось («Евгений Онегин», гл. 4, строфа XLI. – *Ред.*) по личным впечатлениям, срисовано с природы мест, где Пушкин жил.

У Булгакова уже в начале XX в. есть описание того, как волчья стая нападает на сани земского врача, еле ушли. Тоже писано по личным впечатлениям. (*Прим. науч. ред.*)

не «периодическими средствами массовой информации» (как нормальный журнал), а «рекламными изданиями». Делают они это вынужденно, соблюдая ФЗ «О рекламе», потому что пропорция прямой рекламы к собственно объему издания в них давно и намного превосходит норму, разрешенную для СМИ. Попробуйте как-нибудь внимательно просмотреть в этих журналах т. н. фотоотчеты о «светских мероприятиях». Обычно они расположены в конце издания, занимая иногда несколько страниц подборок из мелких фото. Обратите внимание: на всех этих тусовках из серии «Рублевка лайф», что бы ни праздновали: приезд в Москву престарелой поп-звезды эпохи раннего Брежнева или открытие очередного бутика/кафе/салона красоты, юбилей радиостанции или лонч новой марки сигарет/БМВ/нижнего белья, – на всех этих тусовках одни и те же лица! Причем не только более-менее известные стране с голубых экранов Останкинской фабрики грез, – великие и ужасные собчаки, зверевы, рудковские/малиновские и пр. герои Домов терпимости – Раз/Два. Если бы так. Вкупе с ними и совершенно непонятные, незнакомые даже самому преданному фанату каналов ТНТ/МТВ/МузТВ лица и фамилии: типа «мисс N – фотомодель», «мадам NN – владелица арт-галереи», «мистер NNN – стилист». Ощущение, что они только и делают, что изо дня в день, точнее из вечера в ночь ходят на эти «светские мероприятия» просто как на работу, ставя своей высшей жизненной целью угодить физиономией в поле объектива циничного фотографа. А потом показывать подружкам: вот, видишь, и я попала в глянец. Вот так, господа. В отличие от времен Антона Павловича Чехова сегодня совершенно необязательно попадать под лошадь, чтобы о тебе написали в газетах. Только не надо думать, что это – настоящая жизнь. Настоящая Россия. И они – настоящие люди.

Это – суррогат жизни. Точнее, плохо вымытая витрина этого суррогата. Точно так же витрины с девушками в Квартале красных фонарей Амстердама – не есть настоящая Голландия.

И набережная Круазет в Ницце – не Франция. И Лазурный берег – не Европа.

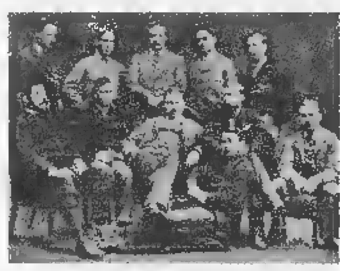
Культовый советский журналист-международник В. Овчинников в своей книге «Корни дуба» хорошо показывает, почему британские аристократы так любили конный спорт, подвижные игры на свежем воздухе, прогулки быстрым шагом через поля и луга. Причина проста: климат. Он в Британии, конечно, не таков, как у нас. И снег лежит недолго, и февраль – уже весенний месяц. Все так, но тем не менее – климат в Британии сырой и прохладный. Не случайно зонтик стал в Англии обычным элементом мужского туалета. Пусть сейчас ясная погода, но через полчаса может пойти дождь, а еще через два часа опять станет ясно.

Другим обычным элементом туалета джентльмена была тяжелая трость. Мало ли кто может встретиться во время прогулки? Ведь красивые парки незаметно переходят в леса и болота... Сэр Баскервиль погиб, встретившись с фамильным чудовищем – страшной собакой Баскервилей, потому что калитка его парка прямо выходила на болота. Не все британцы имели дело с мистическими собаками, вызванными к жизни беспутством предков. Но и волки, и одичалые псы, и бродяги – очень реальны, на случай общения с ними лучше прихватить трость, в конец которой залито с фунт свинца.

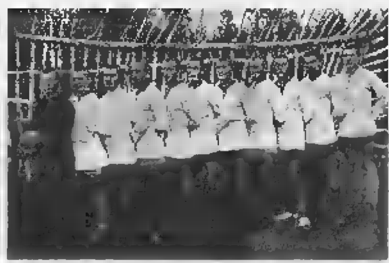
Английские дворяне любили свою страну и ее природу, им нравилось много времени находиться вне дома (и в чем же тут отличие от русских, позволю себе спросить?) Но чтобы получать удовольствие от пребывания на свежем воздухе, им приходилось все время двигаться, согревать себя движением[1].

[1] *Овчинников В.* Ветка сакуры. Корни дуба. М., 1990.

Жесткий контактный спорт под названием «ножной мяч» родился на берегах Альбиона. Понятно, что не случайно: приходилось бегать, греться. Вскоре футбол стал популярен в России, даже в Сибири. Тоже понятно почему...

Футбольная сборная Англии. 1876 г.

Футбольная команда Томска. Начало XX в.

В английских домах было не просто прохладно: в них всегда было сыро и зябко, а большую часть года довольно холодно. Камин – это ведь даже не печка, это горящий в комнате костер. Пока он горит, возле него тепло. То-то английские аристократы и интеллигенты – те же Шерлок Холмс с доктором Ватсоном – садятся поближе к камину, с наслаждением протягивают к нему ноги. Кстати говоря, потому они так любят потягивать бокал с виски весь вечер – и доза спиртного небольшая, и согревает.

А согревшись у камина живым огнем, виски и приятной беседой, британцы разойдутся по своим нетопленным спальням. Еще в XIX веке англичане считали, что отапливать спальню чуть ли не безнравственно. Спали под теплыми одеялами, в длинных и плотных ночных рубашках – в спальне царила по сути такая же температура, как на улице. Стандартная практика подготовки ко сну англичанина (кстати, и

сегодня иногда встречается в небольших гостиницах, особенно на севере): сначала под матрас кладется несколько грелок с очень горячей водой, постель немного прогреется, а только потом ложишься спать, в пижаме и колпаке.

Вспоминаю, пару лет назад останавливался в Лондоне в начале декабря в 4-звездочной гостинице в центре. Первое потрясение: в фойе отеля сидеть просто невозможно. Двери нараспашку, на улице градусов 5–6 тепла, в холле – максимум +15. При этом на ресепшн работают англичане... в рубашках! Мне, приехавшему из «холодной России», было зябко даже в свитере и куртке.

Второе потрясение: как англичане одевают своих маленьких детей. Те же 5–6 °С на улице, промозглый ветер, но родители весело гуляют по парку, катаются на коньках по открытому катку с полуискусственным льдом со своими 3–4-летними карапузами, которые не просто без всяких шапок (что немыслимо для любой заботливой русской мамаши), но и без курток. Максимум дутая жилетка поверх традиционного sweatshirt и шарфик. Вот что значит многовековая привычка к холоду!

Кстати, «нормальная» поддерживаемая температура в английской школе/детсаду – 19 °С. Это, извините, как в казарме российской армии, и то призывники жалуются, что мерзнут по ночам. Поэтому единственное, что я мог стыдливо бормотать, глядя на закаленных британцев: *«Ничего, настоящий сибиряк не тот, кто не мерзнет. Настоящий – кто тепло одевается»*.

Не в одном и не в двух романах разных английских авторов описывается, как герой или героиня, или их служанки поутру разбивают лед в тазике для

умывания[1]. Это представляется не как некий экстрим, а самое обычное бытовое действие: надо же умыться перед тем, как, стуча зубами, натянуть дневную одежду, выйти в холл к горящему камину... Халаты английских аристократов и интеллигентов – это вам не легкие ситцевые одеяния. Шерлок Холмс ведь носил плотный халат мышиного цвета и часто надевал его не ВМЕСТО, а ПОВЕРХ костюма. Зачем? Явно не для красоты. Очевидно, для тепла.

В среде победнее, менее утонченной, часто надевали вместо халата пальто. Тоже поверх обычной одежды. Так в пальто и ходили в своих нетопленных, холодных домах.

Собирались у камина холодным утром для того, чтобы приготовиться к новой пешей прогулке (с тростью или с зонтиком), игре в гольф или катанию на лодке: в тумане, при моросящем дожде и промозглом ветре.

Какие они неприхотливые, эти англичане! Как они долготерпеливы, как они кротко, покорно сносят свой ужасный климат и тяжелые бытовые условия!

Действительно, почему особенности английского быта не считают признаками скотского долготерпения и покорности обстоятельствам? Не считают ни в Англии, ни в любой другой стране? Вроде бы очевидно, что многие черты народного быта и характера порождены именно природой и климатом. Вы не сможете питаться бананами с дерева в Скандинавии и охотиться на лося в Африке. Если вы хотите долго и

---

[1] *Бронте Ш.* Джен Эйр. М., 2006, *Войнич Л.* Сними обувь свою. Собрание сочинений в 2 тт. М., 1959, *Конан-Дойль А.* Родни Стоун. Собрание сочинений в 8 тт. М., 1991. *Кристи А.* Хлеб исполина. Собрание сочинений в 30 тт. Новосибирск, 1994.

счастливо жить в Африке, вам следует полюбить бананы и поменьше думать о лосях. Вроде логично?

В культуре любой страны Европы мы легко найдем точно такие же черты приспособления к ее природе: самоограничения, отказ от комфорта и удобств, чего-то слишком дорого стоящего.

Не от хорошей жизни французы стали еще в Средние века есть всяких полумертвых желеобразных улиток и полипов, отскребая их длинными ногтями от стенок раковин.

Британия оказалась наиболее в этом плане похожей на Россию. Но возьмем теплую, богатую Францию с ее луковым супом, поеданием улиток и лягушек. Да, тепло... Яркие краски, пышная природа, благодатный юг. Только вот еды не хватает. Это русские мужики едят сдобренную салом кашу и густые, наваристые щи. Это британцы уписывают толстые бифштексы и сытные пудинги.

Утонченная кухня Франции, где чуть не каждая травка употребляется в пищу, а улиток собирают с каменных оград и запекают, – дитя бедности. Нужно пройти очень грустный исторический путь, замешать в одной кровавой ступе кельтов-галлов, латинян-римлян, германцев-франков и бургундов, викингов-норманнов, стать ареной бесконечных столетних и тридцатилетних войн всех против всех, пережить инквизицию, жакерию и бесконечные великие и не очень революции, чтобы научиться есть улиток, певчих птичек и ловить по болотам лягушек.

Какие они долготерпеливые, эти французы! Не разбежались из своей нищей, голодной страны, не смели в благородном порыве разом всех тиранов, обрекающих их на голод! Эти рабски покорные французы стали есть то, что никогда «у нормальных людей» пищей не считалось.

Заметим, люди умеют не просто приспособиться к трудностям. Они умеют жить так, что это приспособление превращается в достоинство и преимущество. Если судьба вручает лимон, народ умеет превратить его, по словам знаменитого психолога-примитивиста Дейла Карнеги, в лимонад.

Британцы гордятся закаленностью и стойкостью предков. Они считают, что суровая жизнь, в которой пребывание на природе и отсутствие удобств, важнее комфорта и готовила их предков к свершению великих дел, к созиданию громадной империи.

Не случайно же в самых лучших, самых аристократичных английских закрытых школах и сегодня, в эпоху газа и электричества, условия жизни как раз самые жесткие. С неотапливаемыми спальнями и спортивными состязаниями на свежем воздухе независимо от погоды.

Великие британцы были правы! Люди, получившие необходимую закалку, оказывались прекрасными работниками и солдатами. Британцы не только приспособились к климату и природе своей страны, но и сделали это с пользой для здоровья. И получают от этого образа жизни удовольствие.

А нам почему так нельзя?! Черты народного характера, которые считаются признаками долготерпения русских, на 90 % есть черты приспособления к природе и климату. Именно этот образ жизни русских выковывал характеры людей, которые в XVII веке прошли всю ледяную беспредельность Сибири и достигли Великого океана, а в XVIII–XIX веках осваивали Кавказ и Среднюю Азию. Но нам, почему-то исходя из идиотской логики самоуничижения, гордиться этим нельзя: мы ведь не цивилизованные англичане.

Материальная неприхотливость и духовная роскошь – вечный парадокс Великороссии

Но если цель жизни – не материальный успех, то – в чём она? В сегодняшнем заблудшем человечестве мы не слышим вразумительного ответа на этот неуклонимый вопрос.

А. И. Солженицын

«Россия в обвале»

Россиянин, живя в громадной малонаселенный стране, был по понятиям европейца неприхотлив. Особенно богатого европейца. Людям из обеспеченной верхушки Европы казалось странным многое в быту своих русских собратьев по классу: дворян и верхушки горожан. Но одновременно россиянин имел то, что в Европе всегда было предметом роскоши – хорошее образование. Для Европы сочетание бытовой неприхотливости и хорошего образования – парадокс. У нас, скорее, норма.

Действительно, во всех странах Европы и во все времена высокий уровень образования ассоциировался с высоким уровнем доходов.

Бедняки не имели возможности платить за образование, и это всеми принималось как ситуация естественная.

А в России было не так! Россиянам, возможно, меньше было свойственно стремление к механическому зарабатыванию денег, к тому, чтобы их копить, ростить, холить, лелеять, приумножать накопленное, наращивать собственность. В этом, как и во всем другом, есть

свои и хорошие, и плохие стороны, но ведь никто не стал разбираться. Русские ведут себя не так, как европейцы? Значит, они отстали. Им надо догнать Европу (Америку). Стать «нормальными европейцами».

Не очень понятно, правда, на каких именно европейцев нам надо сделаться похожими? На британцев, которые не отапливают спальни, а по дому передвигаются в пальто? На французов, с аппетитом хрумкающих лягушачьи лапки и улиток? На ирландцев, шведов или испанцев? Но как раз такие вопросы задавать считается очень неприличным.

Итак, богатство и образованность. У нас они мало связаны, находятся не в прямой пропорции. Почему?

Во-первых, образование в России всегда стоило дешево. Способный юноша из небогатой семьи, как правило, вполне мог его получить.

Во-вторых, получивший образование сразу поднимался по общественной лестнице. Касалось это самых неожиданных сторон жизни Российской империи: например, еврей-иудей из житомирского местечка, окончив Университет, получал право селиться в столице: высшее образование автоматически давало ему право на пересечение т. н. «черты оседлости».

В Европе часть богачей становилась интеллектуалами. У нас часть интеллектуалов становилась богачами. Давайте без идеализации – но тем не менее... Конечно, до 70 % русских были неграмотны – правда, это большевистские оценки, точных цифр мы не знаем. Не будем спорить, согласимся, подавляющая часть крестьянского населения была неграмотна.

Однако вместе с тем: 1913 год – в России 150 тысяч студентов, а во Франции со всеми ее Сорбоннами – 40 тысяч. В части женского образования Россия на первом месте в мире – около тысячи женских гимназий, а

также высшие женские курсы, то есть университеты, во всех крупных городах.

Далее – самое важное. В России, подчеркну, *самое* дешевое образование, если оно вообще платное. Обучение на юридическом факультете стоит примерно в двадцать раз дешевле, чем в университетах США. При этом подавляющее число неимущих студентов имеют возможность подать прошение и вообще освободиться от оплаты.

В-третьих, образование в обществе ценилось. Ценилось, отмечу, гораздо выше, чем на Западе. Дело, конечно, не в самом по себе формальном образовании, а в системе ценностей. Традиционно умник, интеллектуал, думец в России оценивались «обчеством» высоко. Гораздо выше необразованного богача.

В старушке Европе, особенно в протестантской ее части, как-то исстари повелось, что положение в обществе определяется богатством. В некоторых случаях частью облика джентльмена становится образование. Не ум и талант, а именно некий тип формального образования, соответствующий людям этого круга. Британского джентльмена, который окончил престижную закрытую школу в Итоне, а потом университет в Кембридже, видно сразу: он выглядит именно так, «как подобает». И слова родного английского языка произносит с особым «итонско-кембриджским» акцентом. С выговором, который ему поставили за годы обучения. Джентльмена не только сразу видно, но и сразу слышно.

Но джентльмен – это тот, кому хватает средств, чтобы быть джентльменом[1].

---

[1] Чарльзу Уильямсу, личному другу таких гигантов английской литературы, как Клайв Стейплз Льюис или Рональд Толкиен, средств не хватило. Он так и не получил высшего образования и

Герберт Уэллс описывает, как жестко разделялись в университетах дети джентльменов и те, кто учились за государственный счет («бюджетников», как бы сейчас сказали). «Неджентльменам» не предлагали сесть в деканате, профессора разговаривали с ними «через губу». Не своего круга люди!

Незашоренный английский джентльмен Джеймс Александер, коего я в этой книге столь обильно цитирую, подробно описывает несколько высших учебных заведений суровых времен «Николая Палкина». Он в восторге от Горного института в Санкт-Петербурге: *«В Горном учатся 330 студентов, заботятся о них просто превосходно. Спальни и столовые очень удобны и содержатся в образцовой чистоте»*.

«Мне очень понравились некоторые принципы воспитания, принятые в русских семьях Петербурга. Вместо того, чтобы загромождать юные умы мертвыми языками и тратить 5–6 лет на изучение латыни и древнегреческого, которые в девяносто девяти случаях из ста в дальнейшем не понадобятся... огромное значение уделяется сначала изучению родного языка, а потом – иностранных. В Петербурге обычно изучают английский и французский, в Москве – немецкий и французский. Многие русские владеют пятью языками (конечно, он имел в виду дворян. – *В. М.)»*.

В России европеец и сегодня сталкивается с совершенно отличными от их понятий оценками лю-

---

всю жизнь работал в издательстве редактором. Не самая худшая судьба, но даже слава создателя английского «романа ужасов» и «романа черной мистики» (*Уильямс Ч.* Война в небесах. М., 2006) не изменила положения вещей. Умный-то умный, а денег нет. Не джентльмен. Не член того круга, где охотятся на лисиц, учатся в Кембридже и путешествуют в Индию, чтобы поохотиться на тигров. (*Прим. науч. ред.*)

дей. Большинство русских представляются ему людьми неприхотливыми и равнодушными к потреблению. Очередной раз подчеркиваю: во-первых, я пишу не летопись современности, а более – об исторических предпосылках сегодняшнего дня. Во-вторых, даже говоря «СЕГОДНЯ» и «РУССКИЕ», отнюдь не имею в виду «квазинарод», составляющий 0,1 % от оставшихся 140 млн, сконцентрированный в Барвихе Luxury Village, кафе «Галерея» и Третьяковском проезде. Об этих персонажах читайте Духless, Робски и журнал HELLO. Россия в целом несколько больше.

Приехавший в Россию европеец видел странное для него сочетание невысокого уровня потребления и высокого уровня интеллектуальной и духовной жизни. Таковы были даже аристократы и богатые купцы.

...Если читатель не бывал в превращенных в музеи дворянских имениях, горячо рекомендую ему это немедленно сделать. Съездите хотя бы на экскурсию в Пушкинские Горы – и мои слова получат полное подтверждение, превратятся в зрительные образы.

В Михайловском и Тригорском поражает простота и бедность быта. Но тут же, в тех же небогатых комнатках: гравюры, картины, книги, музыкальные инструменты. Некрашеные полы. Стены побелены, без обоев. Все «удобства» – во дворе. Ванны с подогревом нет, вместо нее – баня, метрах в 300 от барского дома. Скромность обстановки объясняется удаленностью от Петербурга? Но ведь и

Михайловское. Литография. 1837 г.
Скромное обаяние русского дворянства

каждую книгу, и фортепиано, и гравюры сюда тоже везли издалека. Трудность доставки рояля ничуть не меньшая (собственно, гораздо большая), чем модной роскошной мебели или тисненых обоев из свиной кожи. Обои и мебель, кстати, можно было бы изготовить и в самом имении: позвать мастера, и пусть научит крепостных, благо их много, возьмет себе нужное число помощников.

Но в том-то и дело, что быт в Михайловском и Тригорском был очень прост, помещики поколениями «упускали» множество возможностей сделать свою жизнь роскошнее. Зато тратили немалые деньги на книги, гравюры и фортепиано.

Даже совсем бедные дворяне, владельцы буквально нескольких крепостных, или вообще не имевшие поместий, тоже жили не столько материальными (преуспеть и нажиться!), сколько духовными ценностями. Точнее, как бы сейчас сказали, не считалось приличным особо радеть о материальном, оперировали они не финансово-буржуазными категориями, а скорее некими отвлеченными рассуждениями о «благе Отечества, дворянской чести и славе России». Именно об этом – вся русская литература XIX века.

Эти дворяне были как бы «карьеристами на определенных условиях». Не были в чести те, кто продвигался по служебной лестнице «любой ценой», нарушая установленную систему ценностей.

Алексей Орлов, Григорий Потемкин и Александр Суворов пользовались сословным авторитетом и популярностью именно потому, что соответствовали дворянскому идеалу. Орловы стали графьями, создавая русский флот и отстаивая интересы Отечества. Громадные богатства Потемкина – лишь толика тех богатств, которые обрела Россия его трудами. Суво-

ров вообще особых капиталов не нажил и умер в долгах. Зато на его посмертном парадном мундире (ни разу не надетом при жизни «в полной версии») красовались ВСЕ ордена Российской империи, которые тогда мог получить мужчина[1]. Великий человек, по понятиям русских, был не обязательно богат. Наоборот, он часто потому и велик, что стяжает богатства не материальные, а духовные.

Так же в представлении современников велики были генерал Скобелев, врач Пирогов или профессор Менделеев. А ведь все они были людьми не богатыми.

Во множестве имений и городских квартир в Петербурге и в армейских гарнизонах на дальних окраинах Российской империи на протяжении XVIII и XIX веков шла активная умственная работа. Все, что мы сейчас называем русской культурой XVIII – первой половины XIX века, создано примерно 1 (одним) миллионом дворян. Мало того, что дворянство и примыкавший к нему слой чиновников выдвинули из своей среды Пушкина и Лермонтова, Толстых и Тургеневых, Гончарова и Глинку, Римского-Корсакова и Айвазовского... Не буду всех перечислять – и долго, и незачем.

Но это не всё, точнее не все. Чтобы песня стала частью культуры, ее должны петь. Чтобы стихи и книги жили веками, должны быть те, кто читает книги и заучивает стихи наизусть. Уже к концу XVIII века для дворянина быть необразованным, не знать литературы, не жить культурными ценностями было стыдно. И если разночинец хотел уважения от представителей старых родов, претендовал войти в их круг, он

[1] Был еще один, «женский», орден, кажется, Св. Екатерины. Александр Васильевич на него явно не претендовал.

сам должен был соответствовать не только или не столько материальной, сколько культурно-образовательной планке.

Да и простонародье было примерно таким же. Русский мужик охотно «рассуждал». Когда городские интеллигенты в середине XIX века «пошли в народ», они с удивлением обнаружили в деревнях множество самодеятельных философов, а в простолюдинах – большой интерес к отвлеченным проблемам.

А масштаб меценатства у русских купцов? Сколотив состояние, откупщик или фабрикант охотно финансировал научные экспедиции, технические изобретения, платил огромные деньги за картины и статуи. В Историю вошли братья Третьяковы, чью фамилию до сих пор носит знаменитая картинная галерея в Москве. А сколько таких Третьяковых было по всем провинциальным городам![1]

«Русская духовность» и «нестяжательство» производили странное, даже диковатое впечатление на европейцев. Русские представлялись непонятными и странными чудаками.

Вот характерный пример.

Сомерсет Моэм: *«У них (русских) не появилось ни одного философа хотя бы второго разряда... Откровение, которое русские преподнесли миру, на мой взгляд, не отличается большой сложностью: тайну вселенной они видят в любви»*.

---

[1] Мои не очень далекие предки, петербургские купцы Спесивцевы, в одном из поколений поголовно получили образование и стали интеллигентами. Быть специалистами, чиновниками и учеными в их кругу считалось намного более престижным, чем сделаться еще более богатыми предпринимателями. (*Прим. науч. ред.*)

Извольте, а что в этом плохого? Что плохого в любви? Если это не любовь Чайльд-Гарольда к самому себе и не любовь Оскара Уайльда непонятно к кому, в лучшем случае к своему портрету. Не любовь героя романа самого Моэма «Луна и грош» к абстрактным полубуддийским божествам... Не знаю, мне кажется, этим можно гордиться.

Не менее странным было для европейцев и равнодушие большинства русских к тем формам личной независимости, которыми гордилась Европа. Для европейца казалось очевидным, что человек должен стремиться к утверждению своих неотъемлемых личных прав. Так же естественно, как он должен стремиться к материальному благосостоянию.

А здесь какие-то странные люди, которые совершенно равнодушны к праву голоса при выборе бургомистра или к праву на предпринимательскую деятельность... А дети купцов даже отказываются быть бизнесменами, чтобы стать интеллигентами... безумцы!

Русские духовно жили вне тех ценностей, которые европейцы считали само собой разумеющимися, эталонными.

Люди, равнодушные к протестанстким ценностям, казались им или отсталыми, или равнодушными к собственной судьбе. Раз не хотят демократии и не борются за права человека, значит они любят государственное насилие, приспосабливаются к любой жестокости. Мордуй их как хошь угодно, русские и не почешутся.

Миф о долготерпении и покорности русского народа

Сатира и реальность

Дураком быть выгодно. Но очень не хочется.

Булат Окуджава

Д. И. Фонвизин. Самое удивительное и смешное, что его «Недоросля» до сих пор, спустя 230 лет, смешно читать. Эта комедия даже выпущена в современном формате аудиокниги

Как?! – скажут мне. А как же быть с сатирой? Фонвизин? «Недоросль»? Разве в этой комедии речь идет о духовных и умственно одаренных людях? «Нас, детей, было восемнадцать человек, да кроме меня с братцем все, по власти Господней, примерли. Иных из бани мертвых вытащили. Трое, похлебав молочка из медного котлика, скончались. Двое о святой неделе с колокольни свалились; а остальные сами не стояли, батюшка!»

Н-да... То-то у нас время от времени речи заводят о генетическом вырождении России... Как, оказывается, давно начали вестись эти беседы!

Причем если кто-то из Скотининых и выживет, все равно дураком живет, дураком и помрет. Потому как их батюшка грозит проклятием всякому из всех восемнадцати детей, кто *«чему-нибудь учиться захочет»*[1].

В общем, царство кошмара и фильм ужасов.

А пьесы Островского о «темном царстве» купцов? Их же без отвращения читать невозможно.

---

[1] *Фонвизин Д. И.* Недоросль. Красноярск, 1969.

Но ведь ответ совсем прост. Отнестись к этим произведениям нужно так же, как ко всякой сатире... как к сатире! Видеть в них не фотографию, а карикатуру того, что в жизни не нравится автору.

Разве Митрофанушка – положительный персонаж Фонвизина? Разве его считало нормальным тогдашнее русское общество? Отнюдь...[1] Митрофанушкой разве что дочерей пугать в духе педагогики XVIII века. Никакой розги не надо: «Доченька, будешь плохо учиться, выдам замуж за Митрофанушку». И готово, и девица, вздев юбки, несется зубрить французские глаголы, только бы не за Митрофанушку.

Да и вся семья Скотининых – символ того, какими дворяне становиться ни в коем случае не должны.

Исключения из правила

Разумеется, из всякого правила есть исключения. Отвратительную память о себе оставили купцы-выскочки. Нувориши, сколотившие неожиданные состояния. Малокультурные, дикие, они прославились пьяными дебошами в трактирах и кабаках (в рестораны для «чистой публики» их не пускали), невероятными выдумками на всякие гадости: любой ценой обратить на себя внимание, продемонстрировать свое богатство.

Этот типаж широко представлен в художественной литературе. Таков Хлынов у А. Н. Островского: вечно

---

[1] Это современные авторы П. Вайль и А. Генис в своей книге «Родная речь» могут утверждать, что «естественный и свободный от комплексов» Митрофан Скотинин противопоставлен бумажным и ходульным положительным героям комедии. Ну да эти авторы давно не в России. Подоторвались. *(Прим. науч. ред.)*

пьяный, с компанией прихлебателей ловит путников на дороге, упаивает до морока. Таков у него же Тит Титыч Брусков, по поводу которого впервые произнесено и вошло в русский язык слово «самодур»[1].

Таковы купцы-«золотишники» у Шишкова[2].

Здесь в очередной раз приходится огорчиться: не вывела классическая русская литература, увы, ни одного образа умного и образованного купца-мецената, щедрого и разумного. Есть Хлынов, но нет Третьякова. Есть спившийся Прохор Громов, но нет персонажей, восходящих к просвещенным сибирским купцам, строителям прекрасных зданий Иркутска, основателям гимназий и картинных галерей в этом «медвежьем углу».

Но даже и в той литературе, которая есть, мы не увидим поэтизации грубости и пьянства. Демонстративное мотовство купцов-нуворишей антипатично Островскому. Его герои – скромные правдоискатели, люди духовные и умные. Видимо, таков и был народный идеал.

Казалось, опровержением написанного может показаться жизнь царей, а более – цариц XVIII столетия. Никакой сложной духовной жизни невозможно обнаружить у Анны Иоанновны, обожавшей грубые забавы шутов и шутих, никогда ничего не читавшей, двор которой побивал все рекорды расточительства.

Веселая и добрая Елизавета Петровна, конечно, посимпатичнее Анны Иоанновны, но и она считала, что в Англию можно проехать сухим путем, а после ее смерти нашли ни много ни мало 15 тысяч ни разу не

---

[1] *Островский А. Н.* В чужом пиру похмелье. Собр. соч. в 12 т. Т. 1. М., 1973.

[2] *Шишков В. Я.* Угрюм-река. М., 1968.

Анна Иоанновна. Гравюра из книги «Сказание о венчании русских царей и императоров». 1896 г.
Кстати, именно по ее инициативе в Москве и Петербурге завели уличное освещение, так что доброе слово можно найти в истории даже для нее

одеванных платьев и несколько сундуков с чулками, подвязками, рубашками, пуговицами и башмаками. Прямо скажем: не светоч умственной жизни. Как бы сказали сейчас героини Кэндес Бушнел, откровенная «шопоголичка», с явной склонностью к сверхпотреблению.

Да и сама Екатерина II, далеко не глупая, прекрасно образованная правительница, обожала роскошь и, говорят, даже поощряла дворян к расходам, намного превышавшим доходы[1].

Но отметим — все это характерно именно для «прозападного» XVIII века, века «дворцовых переворотов». Один из многих парадоксов нашей истории: в XVII веке царь Алексей Михайлович был сдержан в еде, вне парадных выходов и «сидения» в тронном зале одевался подчеркнуто просто. Был столь же прост в обращении. Любил истории про заморские путешествия, охотно общался с

[1] Некоторые ученые считают, что таким образом Екатерина Великая делала дворян менее самостоятельными и более зависимыми от правительства, ведь решить свои материальные проблемы они оказывались не способны, решить их могла только казна. (*Прим. науч. ред.*)

вернувшимися из дальних стран. С Семеном Дежневым царь проговорил несколько часов, расспрашивал его о Ледовитом океане и моржах. Любил читать, собирал диковинные механические игрушки и часы. Очень русский царь, очень соответствующий всему, о чем говорилось: низкий уровень потребления при высоком уровне умственных интересов и интенсивной духовной жизни.

Это был царь настоящий, уверенный в себе и взошедший на трон по закону.

В XIX веке у нас тоже правили цари, законно наследовавшие трон. Потомственные владыки, а не «случайные» («случаем» на престоле). И тоже как один просты, естественны в поведении, образованны, культурны и ставят духовное куда выше материального.

Александр I посвятил сад в Царском Селе «Дорогим моим сослуживцам».

Николай I не считал зазорным пойти за гробом отставного солдата, которого некому было проводить в последний путь. Оценки императором русской литературы обнаруживают очень высокий уровень его личной культуры, царь Николай I вообще слыл одним из самых образованных людей своей Империи.

Александр II обожал собирать грибы и проводить время в кругу семьи. Он же написал на проекте Третьяковской галереи «Принять с благодарностью», поддерживал Пирогова и надеялся, что освобожденные им крепостные люди быстро поднимутся до культурного уровня дворянства.

Александр III называл свою деятельность «службой», был сдержан в еде, не любил украшений и вообще ничего нарочитого и яркого. Что не мешало ему свободно говорить на нескольких языках, много читать и организовать Русский и Исторический музеи.

Давным-давно одна очень немолодая дама рассказала А. М. Буровскому историю, которую я попытаюсь пересказать вам своими словами. В далекой юности каталась она на велосипеде по Летнему саду и сбила пожилого господина с тростью: тот прогуливался по аллеям. Девушка кинулась поднимать господина, а он ее. В ходе взаимной помощи гимназистка покраснела как маков цвет ■ присела в глубоком книксене – она узнала Императора. Ведь ЕГО портрет ■ гимназии висел в каждой классной комнате.

– Ох, извините! Мне нет прощения, Ваше императорское величество!!!

– Что Вы, барышня! Я давно так не смеялся.

Император отряхнул одежды барышни, несмотря на ее смущение, ■ ушел, широко улыбаясь.

Я буду считать Россию до конца выздоровевшей страной, когда наш Президент будет гулять по паркам без охраны, а в налетевшей на него старшекласснице будет видеть не «террористку» и не попытку покушения, а милую девочку.

Мне возразят: Президентов США тоже вон как охраняют. Возможно. Но я и не считаю США здоровой страной, с которой необходимо брать пример.

В общем, цари-нувориши – такое же исключение из правила, такая же историческая случайность, как купцы-нувориши, расточавшие свои случайные богатства в пьяном кураже по кабакам и публичным домам.

Давайте подумаем еще вот о чем: как отразились эти цари в русском народном сознании. Анна Иоанновна с ее фаворитом Бироном и «бироновщиной» уже века служит своего рода историческим пугалом.

К Елизавете отношение не злое, но скорее насмешливое, легкое – под стать ей самой.

Веселая царица
Была Елисавет:
Поет и веселится,
Порядка только нет[1].

Екатерину Великую дворянство боготворило – «Золотой век Екатерины». Но при этом в ней ценили не любовь к парадным платьям и роскошным каретам.

У А. С. Пушкина Екатерина ведет себя как раз в полном соответствии с народным идеалом простоты, в том числе простоты в одежде и украшениях. Пожилая дама, которую встречает капитанская дочка Маша Миронова в садах Царского Села, выглядит как небогатая дворянка[2]. Чтобы читатель мог полюбить Екатерину, Пушкин просто не мог описать ее иначе.

Малокультурная и грубая Анна Иоанновна – Хлынов в юбке, и притом Хлынов/Тит Титыч на *случайно* занятом ею троне. В народное сознание она вошла именно как царь «ненастоящий».

Екатерина II имела права на престол еще меньше, чем Анна, но стала в представлении людей ***настоящей*** царицей. То есть вела себя просто, естественно и притом поддерживала идеи просвещения, сама писала фельетоны и пьесы, помогала Сумарокову и Державину.

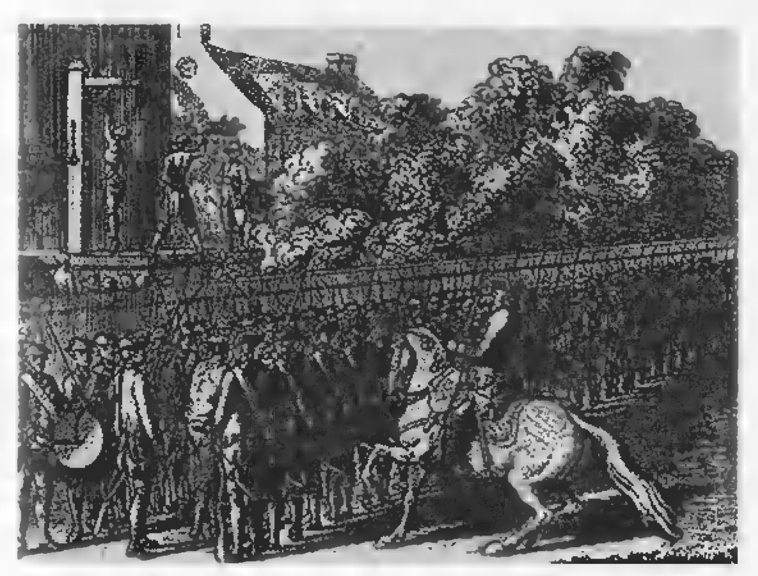
И высшие царедворцы XVIII века оценивались так же. Расфуфыренный, как павлин, Шувалов вообще не оставил о себе никакой памяти в народе.

Прочно запомнился Алексей Орлов, который любил кулачные бои, в праздники ходил по улицам Москвы и запросто разговаривал с «простым народом».

---

[1] Из стихотворения А. К. Толстого «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева», 1868 г.

[2] *Пушкин А. С.* Капитанская дочка. Собр. соч. в 10 т. Т. 6. М., 1949.

Наказание шпицрутенами.
Отвратительное действо, перенятое, кстати, из прусской армии. Даже слова русского для предмета пыток – и то не смогли подобрать

Единственным украшением, которое носил до конца своих дней Алексей Орлов, был железный перстень, подаренный Сен-Жерменом. Он же вносил правки в переводы с французского, если переводчики врали.

Григорий Потемкин мог при желании есть исключительно фуа-гра на золоте. Но он, составляя сложнейшие планы развития артиллерийского парка России и чертя мудреные формулы, прихлебывал обожаемые им кислые щи из стеклянной бутыли с широким горлышком, чтобы не накапать на чертежи.

Александр Пушкин знал историю как профессиональный историк. Писал стихи на французском[1],

[1] Как и многие дворяне того времени, в раннем детстве он и не знал русского языка совсем. (*Прим. ред.*)

профессионально фехтовал и стрелял из пистолетов, сидел на коне так, что во время путешествия на юг получал предложения вступить на военную службу. И притом тратил деньги на книги, а не на наряды. Не будь Пушкин прост и доступен, и ему не стать бы народной легендой.

Все эти люди: и цари, и царедворцы, и «рядовые» дворяне (как камер-юнкер Пушкин) в глазах иностранцев сочетали несочетаемое: неприхотливость в быту и высокий уровень культуры. А свое высокое положение в обществе ценили в гораздо меньшей степени, чем европейцы.

Как писал Николай Некрасов, перефразировав недоуменные слова графа Ростопчина, сказанные после восстания декабристов:

В Европе сапожник, чтоб барином стать,
Бунтует, – понятное дело!
У нас революцию сделала знать:
В сапожники, что ль, захотела?..[1]

Впрочем, пока мы говорили только о бытовой неприхотливости русских вне зависимости от сословного статуса. Миф же – не только об этом.

Миф – о том, что русские якобы были всегда неприхотливы и в общественной жизни. Их устраивала жесткость, даже жестокость властей. Им нравилось быть рабами начальства.

Проверим, насколько это соответствует действительности.

---

[1] *Некрасов Н. А.* Русские женщины. М., 2002.

Рабы начальства: русские или немцы?

Невозможно оценивать поведение предков, исходя из современных представлений. Слишком многое в жизни людей XVIII, даже XIX веков кажется нам диким, жестоким, нелепым. Но все познается в сравнении: надо сравнить, как вели себя и как осознавали себя люди в одну и ту же эпоху в разных странах.

Стоит проделать такую работу, и мы убедимся: совершенно разные оценки даются одним и тем же по смыслу событиям. Елизавета Петровна и Фридрих II Прусский – современники, люди середины XVIII столетия. Приведу два случая из придворной жизни этого времени, связанные с названными коронованными особами.

Случай первый. Петербург. Царица Елизавета Петровна из-за бессонницы вышла из своих покоев раньше обычного. И обнаружила: ее фрейлина, 15-летняя княжна Гагарина, сигает из комнаты вместе с каким-то гвардейским поручиком.

– Рано начинаешь, милая... Не обессудь... – вздохнула императрица.

Царица, как была в шлафроке (т. е. попросту в ночной рубашке), так за ухо и отвела юную фрейлину к дивану, разложила и собственноручно выпорола розгами. Если верить придворной легенде, княжна вопила так, что сбежавшиеся придворные стали просить царицу о прощении «подлянки». В их числе был и тот самый поручик.

Елизавета экзекуцию не прекратила, Гагарина получила сполна. Но позже царица пару поженила, а на их свадьбе пила водку, кричала «горько», плясала и закусывала своими любимыми морковными пирогами.

Случай второй. Резиденция прусских королей, Берлин. Юный принц Фридрих (будущий король Фридрих II Прусский) собирается жениться на некой Клариссе Риттер, бедной дворяночке. Его отца, тоже Фридриха, такой брак совершенно не устраивает. Чтобы остудить пыл принца, папа-король отсылает его подальше, предварительно излупив тростью. О дальнейших событиях есть две близкие версии. Согласно одной, король Фридрих I собственноручно лупил несчастную девицу Клариссу Риттер палкой, *«пока окровавленные одежды не упали с нее в виде лохмотьев»*. Согласно другой версии, прусский монарх пригласил палача, а сам сидел в кресле и упивался воплями Клариссы... Ну да, опять же пока окровавленные одежды не упали. А потом отправил Клариссу в тюрьму, где содержались воровки и проститутки. Девицу отпустили из тюрьмы только после того, как Фридрих Фридрихович, будущий король, наконец, женился на креатуре его папы.

В этих историях оба монарха друг друга стоят, но поведение Елизаветы все же как-то... беззлобнее, что ли. А главное, у современников было совершенно одинаковое отношение к событиям такого рода – по обе стороны российско-прусской границы. Никак нельзя сказать, что немцы были возмущены поведением своего короля, а русские – своей императрицы. Король «справедливо» наказал негодницу, без всякого права посягнувшую на трон. Императрица, взяв в свой штат девицу Гагарину, тем самым взяла на себя и обязательства по ее воспитанию. А маменька и должна время от времени матерински посечь провинившееся чадо. Причем, явив строгость, императрица сразу же явила и «родительскую милость», устроив судьбу княжны, чем и вызвала умиленные всхлипывания современников.

Нравы, по нашим понятиям, нелепые[1], но в XVIII веке еще и не такое случалось. Как говорил Карлсон, который живет на крыше: «Пустяки, дело житейское».

Возмущаться начали потомки, когда в их головах заклубились новые идеи насчет прав человека, личного достоинства и так далее. Но мы отметим другое.

Во-первых, какие основания считать, что Россия чем-то отличается от Германии в худшую сторону? Чувства собственного достоинства и веры в свою неприкосновенность у немецких дворян было ничуть не больше, чем у русских.

Во-вторых, в России это ощущение своей личной неприкосновенности появилось раньше, чем в Германии. В России был такой Манифест о вольности дворянской от 18 февраля 1762 года. Согласно сему Манифесту, дворянин в принципе телесному наказанию не подлежал. А в Германии такого Манифеста ни один король не издавал.

В России с конца XVIII века хотя бы небольшой процент всего населения, дворян, перестали пороть. По словам А. И. Герцена, 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь вышло «третье непоротое поколение дворян».

В Германии офицера-дворянина могли выпороть по закону до самого конца кайзеровского режима, то есть до ноября 1918 года.

В закрытых учебных заведениях Британии потомственных лордов и пэров пороли до середины XX века.

Некоторые ученые считают, что одна из причин заговора против Павла I как раз в том, что при нем от

[1] Я бы не назвала эти нравы нелепыми. Девическую честь во все времена (а подчас и до сих пор) во всех слоях общества строго блюли, особенно мужская часть семейства. (*Прим. ред.*)

Манифеста о вольности дворянской стали отступаться и нескольких офицеров выпороли. Дворяне не собирались терпеть подобного безобразия, и Павел I пал жертвой очередного дворцового переворота.

А вот европейцы, по крайней мере и немцы, и британцы, терпели подобные нравы, давно исчезнувшие в России.

Как там, господа, насчет чувства личного достоинства, долготерпения и рабской сущности ***ваших*** собственных предков?

Характерная история, приключившаяся с одним из дворян Плещеевых. Парень рассказывал случайным собутыльникам неприличные анекдоты про царицу Екатерину. Неосторожно, прямо говоря. По любым временам☺ Был «приглашен» в Петропавловскую крепость знаменитым кнутобойцем Шешковским. Поведи себя парень сдержанно, смиренно, вполне могло обойтись и словесным «отеческим внушением». Но парень нагрубил Шешковскому, и вообще – вел себя нагло... За что и был жестоко выпорот.

Возвратясь к себе, в конногвардейскую казарму, Плещеев лег лицом к стене, не пожелав ни с кем общаться и заявил, что собирается умирать. Друзья влили в Плещеева водку, послали за его девушкой. Та происходила из незаконнорожденных дворян, была записана в мещанское сословие и училась в Епархиальном училище – неком женском аналоге бурсы. Для нее порка, видимо, чем-то исключительным не была. Узнав, что любимый собирается покончить с собой, девица кинулась в казармы, где состоялась бурная сцена.

– В окно выброшусь! Стеклом зарежусь! – орал изрядно набравшийся Плещеев, очень жалея себя и откровенно упиваясь общим вниманием.

– Бросайся, коли дурак! – кричала Машенька.

Остальные кадеты веселились и подливали Плещееву. В окно парень, естественно, не кинулся, стеклом не зарезался. Постепенно утешился и на Машеньке потом женился.

От этой пары произошли полчища более поздних Плещеевых, один из которых (внук) участвовал в событиях на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Другой (правнук) сделался знаменитым поэтом.

Главное в этой истории: уже в конце XVIII века русский дворянин (причем совсем молодой парень, 17 лет) переживал физическое наказание как страшный позор. Его современники в Европе, в том числе и коренной потомственный нобилитет со всяческими приставками к фамилиям «де» и «фон», думали совершенно иначе.

А потом все эти поротые «фоны» говорят, что у русских проблемы с чувством собственного достоинства. Составная часть того же мифа: русские настолько покорны правительству, что послушно кладут свои головы по малейшему мановению пальца начальства. Но и это не совсем так...

Самопожертвование или покорность?

Бог терпел и нам велел.

Русская пословица

Василий Осипович Ключевский говаривал, что «Россия родилась на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты»[1]. То, что родилось на Кулико-

[1] *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. М., 2004.

вом поле, на Западе частенько называют проявлением все той же русской покорности властям, долготерпения и равнодушия к своей судьбе.

Что же произошло на излюбленном куликами поле 8 сентября 1380 года? Ранним утром этого исторического и страшного дня великий князь Дмитрий Иванович снял с себя знаки княжеского отличия и велел надеть свои доспехи боярину Михаилу Бренку. Бренок сражался во главе Большого полка под великокняжеским знаменем. Он погиб, и какое-то время татары верили, что убили самого великого князя.

А великий князь Дмитрий Иванович надел одежду рядового воина и сражался в глубине своих войск, никак не отмеченный и не выделенный. После сражения его нашли без сознания, раненого, истекающего кровью. Князь разделил судьбу своего народа. Это раз.

Князь заложил основу традиции, согласно которой судьба государя и командующего не должна отличаться от судьбы любого другого человека. Это два.

После такого поступка князя стало невозможно отступать, даже если упало великокняжеское знамя, если смят центр русского войска, если неизвестно, есть ли вообще хоть малейший шанс. Ведь упавшее знамя пало не над великим князем. Монарх сам бьется в рядах войска вместе со всеми. Может, вот он стоит совсем рядом?

Даже оставшись один против всего татарского войска, россиянин был обречен продолжать битву. Так власть требовала от россиян максимально возможного самопожертвования...

Но ведь власть, требуя этого, одновременно жертвовала и своими высшими представителями! Дмитрий

Иванович потому и получил моральное право требовать героизма, что сам его проявлял. И он, и камикадзе – боярин Бренок.

В битве на Куликовом поле участвовали не только профессиональные воины. Там были и простолюдины, пошедшие воевать ***добровольно*** «по разбору», то есть как представители своих общин. Власть готова была к самопожертвованию и потребовала максимально возможной самоотдачи от своих подданных.

Так что что-то тут с покорностью «не бьется», не стыкуется.

Тем более «не стыкуется» логика обвинений, если мы вспомним: на протяжении истории России было немало случаев, когда военнослужащие отказывались выполнять поставленную задачу – из нравственных соображений. Во время подавления русскими войсками революции 1848 года в Венгрии, группа офицеров демонстративно вышла в отставку.

При подавлении польского мятежа 1863 года повторилось то же самое: некоторые офицеры и даже генералы, заблаговременно уведомив начальство, иначе бы это уже трактовалось как нарушение присяги, отказывались идти на войну против поляков.

Что странно и удивительно: никаких репрессий не было. Некоторые при этом даже не вышли в отставку (или их отставку не приняли?) и продолжали вполне успешно служить.

Получается, власть признавала за ними некоторое право на нравственный выбор: соглашаться или не соглашаться с официальной политикой Российской Империи. Замечу: для таких действий от властей требуется колоссальная уверенность в своей правоте и в наличии у нее множества (!) верных и надежных слуг. Да и вера в то, что, отказавшись раз, тот же самый военный

вполне надежен на любом другом фронте и выполнит любой приказ в другом месте[1].

Во время русско-турецкой войны 1877–78 годов никто из офицеров-мусульман не отказывался воевать с турками. Но многие россияне открыто, ■ том числе в печати, выражали сомнение в ее осмысленности. Лев Толстой в «Анне Карениной» устами князя Щербацкого утверждает, что война эта России совершенно не нужна, мол, нет ничего от нее, кроме вреда. И опять же никаких репрессий против этих сомневающихся и протестующих.

Эта как бы «мягкость властей» не означала, что когда надо – империя и ее высшее руководство не могли потребовать от населения отдать все, а от солдат – стоять насмерть. Петр I накануне Полтавы приказывал: стрелять ■ своих бегущих и даже если бежать будет лично он, Петр, стрелять так же и в него, как во всех[2].

Генерал Милорадович в 1812 году демонстративно велел накрыть ему обед на передовой, прямо под ог-

---

[1] Более того: во время ведения военных действий против мусульман Кавказа и Средней Азии генералы всерьез спрашивали у своих офицеров-мусульман, готовы ли они идти в бой против единоверцев? Такой вопрос задал и генерал Скобелев перед походами в Туркестан. Двое мусульман не хотели выходить ■ отставку, но и воевать с Кокандским ханством и басмачами не соглашались. Скобелев перевел их в другой военный округ. А некий штабс-капитан Фаридов сказал, что он «из других татар» и воевать будет. В походах он дослужился до полковника.

Ни в одной колониальной империи мира никогда совесть ■ религиозные убеждения колониальных солдат не учитывались ■ такой степени. Впрочем, Фаридов ■ не был ни для начальства, ни для сослуживцев «колониальным солдатом». Он был обычнейшим военнослужащим Российской империи, ■ империя признавала за ним право на личные убеждения. (*Прим. науч. ред.*)

[2] *Енифанов П. П.* Полтавская битва. М., 1959.

нем неприятеля. И приказал не отходить, *«пока хоть один солдат останется»*[1]. Не отошли...

В том же 1812 году (я об этом уже писал как-то ранее), у деревни Дашковка под Смоленском огонь французов был столь нестерпим, что солдаты боялись оторвать голову от земли. Тогда генерал Раевский вышел к первой линии окопов со своими сыновьями, служившими (!) в свои соответственно 11 и 14 лет при штабе. Крепко взяв младшего сына за руку, а старшему дав знамя полка, генерал лично повел за собой солдат в атаку. И «мужики», вчерашние крепостные, со слезами на глазах бросились вслед за «барином и барчуками» в штыковую – под французскую картечь.

Сталин не водил войск в атаку, но ведь и он отказался обменять своего старшего сына, попавшего в плен артиллериста РККА, на фельдмаршала Паулюса: «Мы фельдмаршалов на солдат не меняем!» Дух тот же самый. Пусть даже единственный источник для проверки легендарной фразы – киноэпопея «Освобождение»... Все равно мог Сталин так сказать! Здесь есть прав-

Яков Джугашвили с дочерью.
Есть разные версии гибели сына Сталина, но очевидно одно: сын Верховного Главнокомандующего и Отца народов ушел на фронт и умер как настоящий солдат

[1] *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера. М., 1985.

да контекста, правда исторического момента. Власть отдает все, включая свои жизни и жизни самых близких. Потому требует в ответ по максимуму.

Получается: есть разные войны. В одних офицер может отказаться принимать участие, и это никак не поставит под сомнение его личную доблесть и право оставаться русским военным.

Во время других войн власть сама готова отдать ВСЕ и рисковать ВСЕМ. А потому и требует того же от всего населения. Все верно! Это войны, в которых ставится вопрос о дальнейшем существовании России. Две из них так и вошли в историю – как «Отечественные».

Поражение на Куликовом поле означало продолжение на неопределенный срок татарского ига. Поражение – это новые набеги, дым над сожженными городами, смрад трупов, которых некому хоронить.

Нашествие Наполеона грозило утратой не какой-то отдаленной территории, а утратой самой российской государственности. Потому власть и вела себя таким образом. Народ ее потому и поддерживал.

Заметим: в истории каждой из стран Европы хотя бы однажды происходило то же самое!

В ходе Столетней войны поражение Франции стало уже как бы свершившимся фактом. Вопрос стоял только о времени, которое потребуется англичанам и их союзникам-бургундцам[1], чтобы окончательно завоевать всю территорию Франции.

И тогда поднялась народная война во главе с Жанной д'Арк. В войске Жанны не признавались титулы и знаки различия знати. Все различия между защитни-

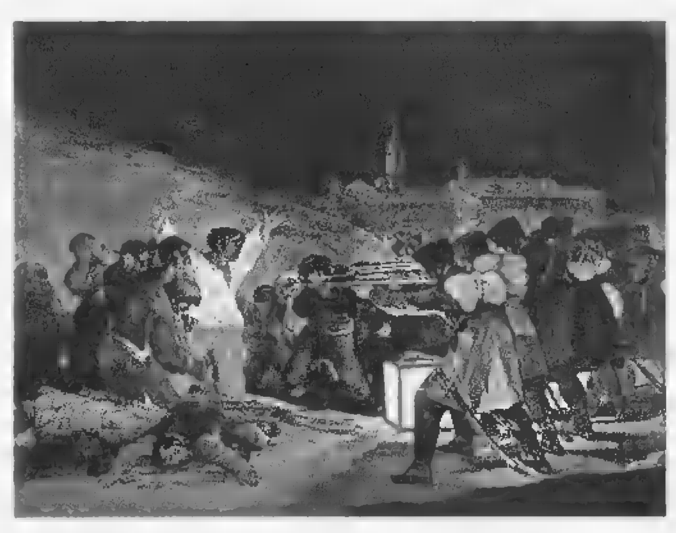
---

[1] Еще раз об империях: в XV и даже в XVI вв. бургундцы вовсе не считали себя французами и воевали на стороне их врагов. В плен Жанну д'Арк тоже взяли именно бургундцы. (*Прим. науч. ред.*)

ками *прекрасной Франции* объявлялись несущественными и неважными.

В конце XVI столетия для Британии встал тот же самый вопрос: быть или не быть? Могучая Испания подготовила колоссальный флот для нашествия на Англию – «Непобедимую армаду». Высадка 50-тысячного испанского десанта означала для Англии окончание ее государственности. Власть католиков означала костры инквизиции и дикое насилие над протестантами-англичанами.

Отражая иноземное нашествие, британцы переживали взлет национально-романтических чувств, королевский двор отдавал драгоценности короны для постройки новых судов, а знаменитые корсары, такие как сэр Фрэнсис Дрейк, встали под знамена командовать

Франсиско Гойя «Расстрел мадридских повстанцев в ночь на 3 мая 1808 года». 1814 г.
Герилья в изображении Гойи — это гремучая смесь боли и геройства

фрегатами королевского военного флота. Во время атаки капитан Дрейк велел продырявить все спасательные шлюпки и встал на мостике в простой рубахе, без знаков отличия.

Нашествие Наполеона вызвало в Испании народную войну – герилью. Король Фердинанд VII к тому времени был вывезен во Францию, и отрекся от престола в пользу брата Наполеона, Жозефа Бонапарта. Но многие высшие аристократы, в том числе принцы крови, продолжали сражаться в рядах герильясов, не называя своих титулов и без всякой традиционной для испанской аристократии спеси.

Даже в рассудительной Германии вторжение Наполеона привело к волнениям, по духу (но не по масштабам, конечно) очень похожим на герилью и на русское сопротивление французам в 1812-м.

В истории России было больше случаев, когда в грохоте иноземного нашествия вставал вопрос «быть или не быть?» В этом, видимо, и состоит особенность нашей истории. Но очень трудно доказать, что русский народ при этом вел себя иначе, чем другие народы, а наша власть отдавала какие-то «особые» распоряжения.

В очередной раз то, что пытаются представить особенностью России, при ближайшем рассмотрении оказывается свойственным всему человечеству.

Но, может быть, русские долготерпеливы в том смысле, что не сопротивляются властям? Как их ни мордуют, ни унижают они только молятся и плачут? Однако одновременно существует и миф о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном»... Как прикажете их совмещать?

Самое интересное, совмещают! Биллингтон в своей книге «Икона и топор» всерьез пишет о том, что

русские сначала терпят до последнего, а когда уже терпеть невозможно, замордованные до потери инстинкта самосохранения, поднимаются на иррациональный бунт, разнося вдребезги все, до чего в силах добраться.

Эта часть мифа настолько важна, что с ней придется разбираться особо.

Глава 2

Страна цивилизованных бунтов

Мятеж не может кончиться удачей.
В противном случае его зовут иначе.

Джон Харрингтон,
английский поэт XVII века

Что такое бунт и как с ним бороться?

Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка – полушка, да и своя шейка – копейка.

А. С. Пушкин
«Капитанская дочка», черновая редакция

Восстания. Бунты. Мятежи. Путчи. Революции. Они бывают разные.

Бунты рабов, когда закованные в кандалы люди ничем не связаны с угнетателями. И сами для них – что-то вроде говорящих орудий.

Бунты знати, пытающейся изменить систему управления государством.

Восстания солдат, когда армия считает войну «неправильной» и идет против своих же командиров.

А бывают восстания солдат вместе с командирами.

Восстают крепостные, потому что новые подати и отработки сделали их жизнь невыносимой.

Восстают вольные мужики, несогласные с несправедливыми — «не по-Божески» — действиями властей.

Достаточно смешать смысл и направленность восстаний, происходивших даже в одной стране, но поднятых в разное время, разными сословиями и по разным причинам, и мы вообще перестанем что-либо понимать.

В истории России почему-то выделяют такие «бунты-взрывы», якобы, безумные, ничем не сдерживаемые стремления к безудержному разрушению. Зацикливаясь на их стихийности и неподконтрольности, иностранцы, да зачастую и наши наблюдатели, во-первых, совершенно упускают из виду другие бунты, в принципе и начинавшиеся и протекавшие иначе. А во-вторых, долдоня без устали о выдуманной русской специфике, не принимают во внимание такие же по форме и содержанию бунты в Европе.

О «бунтах-взрывах»

Действительно, что специфически русского во французской Жакерии, итальянском восстании Дольчино в XIV веке или походах «Армии башмака» в Германии в XVI веке? Типичные черты стихийного взрыва доведенных до отчаяния людей. В средневековой Европе такие взрывы были даже страшнее, отчаяннее, чем в России. На что есть серьезные причины.

Во Франции феодализм возник как результат завоевания галло-римлян германским племенем франков. К XIV веку завоеватели и завоеванные давно перемешались, но сохранилось отношение феодала к простолюдину как к военной добыче и простолюдина к феодалу как к захватчику ▪ завоевателю.

Трудно не почувствовать иронии Артура Конан-Дойля в описании методов, которыми французский аристократ де Рошфор добывал у собственных крестьян деньги на свой выкуп: *«Эти злые псы предпочли бы, чтобы их трижды подтянули на дыбе или целый час раздавливали им большие пальцы, чем расстаться хоть с одним денье ради их отца и законного господина».*

А жена владельца замка так оценивает мужиков: *«Вы даже себе представить не можете, насколько мужичье безобразно! Плешивые, беззубые, скрюченные, сутулые... Я не постигаю, как, будучи благ, Господь Бог мог создать таких людей. Я просто не выношу их вида...»*

Стоит ли удивляться, что это безобразное мужичье вскоре отрубает голову почтенной жене сенешаля, протыкает его самого колом и бросает их тела *«истерзанные, покрытые грязью, как будто их волочила по земле стая волков»*[1].

Конечно, «Белый отряд» – художественное произведение, но писано оно на материале фактическом и с большим знанием дела: писал сэр Артур о своих собственных предках...

Английский феодализм так же родился из завоеваний: сначала англы и саксы захватили Британию, покорив или изгнав бриттов и римлян. Потом нормандцы покорили англо-саксонские королевства. Норманд-

[1] *Конан-Дойль А.* Белый отряд. Собр. соч. ▪ 8 т. Т. 5. М., 1966.

ская знать говорила и писала по-французски. Постепенно язык менялся, уже через несколько поколений континентальные французы плохо понимали новую британскую знать. Но тем не менее феодалы и простолюдины в Англии демонстративно говорили на разных языках. Указы короля писались и оглашались на площадях только по-французски. «Кто не спрятался, я не виноват!» – кто не понял, пусть пеняет сам на себя.

Даже слова, обозначающие предмет труда и объекты потребления, в современном английском восходят к разным языкам.

По-английски бык называется bull и идет из саксонского. А слово говядина в английском – beef. И берет начало из французского.

Сразу видно, что одни люди выращивали быков, а совсем другие люди, другого языка, ели говядину.

Полагаю, бунт тех, кто выращивает быков, но говядины не ест, проходил по тем самым стандартам, которые приписываются России: люди терпели до последнего, но рано или поздно чаша переполнялась. И не приведи Господь увидеть европейскую Жакерию, бессмысленную и беспощадную.

Экономические бунты в России

> В странах с холодным климатом требуемая организму ежедневная норма соли значительно ниже, чем в странах с жарким климатом.
>
> *Из Википедии*

Первое известное нам по летописям народное восстание в Киеве вспыхнуло еще в 1113 году. При-

ближенные князя Святополка Изяславича спекулировали хлебом и солью, многие киевляне попали в зависимость от ростовщиков. Киевляне ударили в набат, разграбили двор тысяцкого Путяты, приближенного Святополка.

Князь Владимир Мономах прекратил восстание, даже не пытаясь применять насилие. Он просто въехал в мятежный город и сразу повел переговоры. То есть стоило появиться князю, который начал разговаривать с народом, и тут же выяснилось, чего горожанам хочется: уточнения законов, которые не позволяли бы разорять и обращать в рабство должника. Поразительно бескровный мятеж. Удивительно цивилизованные переговоры между правителем и восставшими. Ничего похожего на Жакерию – царство беспрерывного кошмара[1].

И нет никаких признаков особого долготерпения киевлян. Несколько лет терпели – и восстали. Речь не шла о физической невозможности жить дальше. Скорее действия властей, повышение налоговых ставок, экономическое давление воспринимались как несправедливость. Восстановить гармонию! Вот если терпеть до последнего, то и правда может настать момент, ког-

---

[1] По разным версиям, Мономах то ли был позван частью восставших горожан, то ли пришел в Киев сам и сел на престол, воспользовавшись смутой. Даже если это так, помогли ему стать киевским князем горожане.

А есть версии, по которым к Мономаху послали сразу же, как только ударил вечевой колокол. Одни горожане грабят подворье Путяты, другие бегут за Мономахом. В любом случае получается – киевляне или их часть с самого начала искали конструктивных путей решения конфликта. Восстание нужно и полезно, но его цель – не разграбить дворы плохих людей, а сменить власть и создать новые законы... Что ж здесь «бессмысленного и беспощадного»? (*Прим. науч. ред.*)

да нечего будет есть. И тогда мятеж сделается неизбежным, как лавина в горах, и невыносимо страшным, как французская Жакерия.

Таковы же экономические восстания в Московии. «Соляной бунт» 1648 года и называется так потому, что одной из причин выступления стала новая госпошлина на соль. Других консервантов тогда не было, поэтому вслед за солью сразу возросли цены на мясо и рыбу, которые превратились в залежалый товар — люди не могли их покупать в прежних количествах. «Дефицит платежеспособного спроса», говоря современным языком.

К тому же новые родственники царя Алексея Михайловича из рода Милославских, наживались, как могли. Один возглавил Пушкарский приказ и нагло присваивал зарплату служилых людей. По сути то же самое было в наших 1992–94 годах, когда чиновники «крутили» зарплаты в банках, получая немалый процент, а людям выплачивали жалованье с опозданием в несколько месяцев.

Э. Лисснер «Соляной бунт в Москве. 1648 г.».
Оставить москвичей без соли при Алексее Михайловиче было то же самое, как если бы их оставить без бензина при Дмитрии Анатольевиче

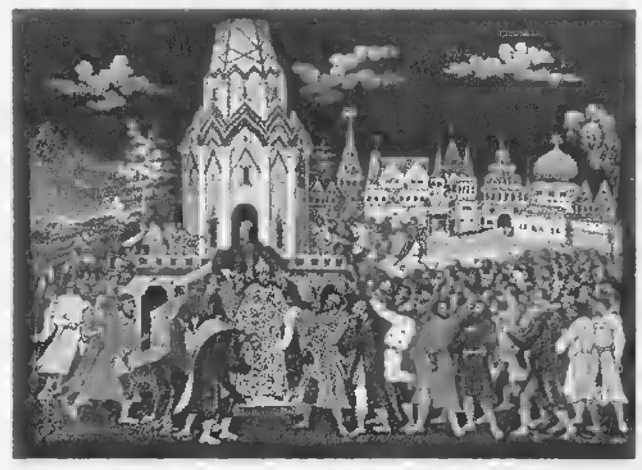
Другой стал главой Земского приказа и тут же наладил несложный бизнес: арестовывал и сажал в тюрьму заведомо невинных, но располагавших средствами людей, после освобождая их за немалую мзду.

Считается, царь и правда не знал о подвигах родственников своей жены. Ни одна челобитная не легла на его стол: все бумаги вовремя перехватывались временщиками. Так что представление о «добром царе и злых боярах» не так уж и далеко от истины.

Бунт начался с того, что толпа вышла навстречу царю Алексею Михайловичу, когда он возвращался из Троице-Сергиева монастыря в Москву. Народ перегородил дорогу, оттеснил свиту, кто-то схватил под уздцы лошадь монарха. Подданые требовали, чтобы царь их выслушал.

Царь и выслушал. Затем сказал, что ничего о преступлениях не знал и завтра же начнет во всем разбираться. На том бунт вполне мог и закончиться, но тут сторонники Плещеева (того самого главного «силовика» из Земского приказа) стали размахивать плетьми, наезжать конями на людей, пытаясь разогнать толпу. Народ кинулся на бояр. Конечно, никто не пытался ударить или сбросить с коня самого царя. Зато некоторым боярам пришлось туго, они в панике бежали, а их дворы в Москве разбивали и грабили.

В этой суматохе правительство даже побоялось поднимать стрельцов, решив полагаться только на отряд «служилых иноземцев», в основном немцев. Этот отряд вышел с барабанным боем и со знаменами и расположился возле дворца. Приказа стрелять в людей не было. Встали и стояли, во дворец не пускали, но никто туда и не рвался. Иноземцам же народ кланялся, в толпе говорили, что знают немцев как людей справедливых, которые неправд и обманов не одобряют.

Медный бунт. Палех.
Калька соляного по форме. По содержанию это было что-то типа дефолта и обесценивания рубля летом 1998 г.

Мог бы народ попытаться смять немцев и ворваться во дворец? Вполне... И не исключено, быстрее добился бы своего, овладел дворцом.

Мог бы царь приказать немцам ударить по толпе? Легко! И очень вероятно, подавил бы восстание.

Но ни того, ни другого сделано не было. Какой-то вегетарианский бунт, в котором счет жертв ведется на единицы, даже членов семей «врагов народа» щадят, а весь гнев направлен на конкретных лиц и на *неправильные* законы.

В эти дни было, конечно, много чего, особенно в провинциальных городах. Во многих местах «убивали до смерти» «злых людей», и наверняка сводились самые разнообразные личные счеты, гибли невинные и т. д. В Устюге церковный дьячок Игнатий Яхлаков носил с собой «бумагу согнутую» и «говорил во весь мир», что приказ вышел государев: «велено в

Устюге 17 дворов разграбить». Точность, конечно, радует – именно 17дворов, не больше и не меньше. Как и всегда в подобных случаях, будто из-под земли появились любители «бить и спасать». Они «перевыполнили план» по разграблению, разнесли не 17 дворов, а все 50. Бунт есть бунт, время темных страстей, насилия и преступлений.

Несколько дней народ всячески умилостивляли: кормили и поили за государственный счет, прибавили стрельцам жалованье, прирезали помещикам земли, а на места нескольких казненных бояр и их приспешников поставили других людей, «добрых».

Царь не раз выходил на площадь, кланялся народу, обещал разобраться. Он буквально вымолил у народа жизнь любимого им боярина Морозова, прямо говоря, что Морозов – его родственник, он Бориса Ивановича очень любит, пусть народ позволит сохранить боярину жизнь, а он, царь, отстранит Морозова от власти.

Бунт ускорил созыв Земского Собора 1648 года для выработки новых законов: стало очевидно, что без них – никак.

В общем, описанные события свидетельствуют о чем угодно, только не об избыточном долготерпении и ангельской кротости русских. Но не свидетельствует и о жестокости или злобности. Как раз очень рациональный, очень рассудочный бунт. Может, как раз потому, что никто не копил озлобления? Нарыв прорвался сразу, как назрел?

Потому так конструктивен народ, что не терпел десятилетия, набираясь ненависти. Потому так разумны в своих действиях верхи, что не все они разложились за века «тайяжа».

Напомним, тайяж – феодальное право в Европе. Корень слова «тайяж» означает «тесать», «огранять», «выжимать», «выколачивать». На Руси такого права не было.

В результате бунт проходил совсем не так, как в Европе – это факт. Ни патологической агрессии всех против всех, ни дикой жестокости... ни безумия доведенных до полного отчаяния низов... Ничего этого здесь нет.

Стороны с самого начала ищут пути примирения. Кучку сукиных сынов частью растерзывает народ, частью казнит сама же власть. Бунт чуть ли не в рамках закона. Бунт, результатом которого становится издание новых законов.

Таков же и «Медный бунт» 1662 года. Во время т. н. Украинской войны правительство стало «портить монету»: вводить медные деньги вместо серебряных. Не брать меди в оплату товаров и услуг было нельзя: государственное преступление.

А брать было себе дороже, потому что медь де факто ценилась в десятки раз меньше серебра.

Фактически в стране разразилась финансовая катастрофа, похлеще обесценивания рубля в начале 1990-х или дефолта 1998 года.

Все подорожало многократно. Купцы поневоле старались продавать товар за серебряные деньги, а если за медные – втридорога. «Медные ножницы» особенно давили на служилых людей: те получали жалованье медными деньгами по цене серебряных, а покупали еду и одежду уже так, будто им и правда платили серебром, по ценам рынка.

В июле 1662 года по Москве стали расклеиваться прокламации. В них перечислялись «враги народа»: те, кто виновен в росте цен, в страданиях народа. Заодно

объявили «изменниками» всех, кто «стакнулся с Польшей».

Утром 25 июля раззадоренный народ начал разбивать и грабить дворы «изменников», одновременно огромная толпа двинулась в село Коломенское, где находился царь.

Опять повторился 1648 год: царь выходит в толпу. В громадную, разъяренную. Он ведь тоже сын своего века, своего общества: он знает, что царь для московитов священная особа. Ударить царя, причинить ему вред будет не только государственным преступлением, но и религиозным кощунством. Но только ли поэтому царь так бесстрашен? Может, сказывается определенное гражданское единство Руси? Государство возникло не вследствие завоеваний, не как результат покорения и захвата. Царь твердо знает, что эти взволнованные, сердитые люди перед дворцом — его люди, а он — их человек, их владыка и вместе с тем слуга.

И народ это понимает. По словам историка Соловьева, *«люди хватали царя за платье, за пуговицы: „Чему де верить?!“ – и царь обещался им Богом и дал в своем слове руку, и один человек из тех людей с царем бил по рукам и пошли к Москве все»*.

Как и в 1648 году, всё могло бы кончиться разговором народа с царем. Но из Москвы валила другая толпа, уже разбившая дворы «изменников». Две толпы смешались. Часть уже бывших у царя все же вернулась в Москву, часть вместе с новоприбывшими снова пошла в Коломенское. Новая, разгоряченная погромами толпа стала уже не просить государя, а угрожать: от него требовали немедленно отдать на растерзание ненавистных бояр. А не отдаст, «возьмут своим обычаем».

Такого власть потерпеть не могла. Тут как раз подошли стрельцы, коим было приказано «бити и рубити до смерти» бунтовщиков. Стрельцы, правда, не били и не рубили, но уставили бердыши и стали теснить народ к Москве-реке. Возникла давка, многих скинули в воду.

Больше 100 человек в этот день было раздавлено, затоптано и утонуло. 7000 арестовано. Уже соотношение задержанных и погибших ясно показывает: целью войск было именно «имать», а не «рубити до смерти». Позже 150 «самых злых» бунтовщиков повесили, до тысячи по обычаю века было бито кнутом и сослано. Но большая часть отпущена по домам.

Кадр из фильма «Стачка». Режиссер С. Эйзенштейн. 1925 г.
В своем первом фильме великий режиссер «впервые в мировом кино показал революционную массу как движущую силу истории». Так писали советские кинокритики

Теперь посмотрите, с поправкой, правда, на мораль XVII века: как и в 1648 году мы видим редкое отсутствие мстительности со стороны правительства. Что

мешало перерезать все 7000 задержанных? Ничто. Что мешало потом провести масштабные репрессии в самой Москве? Тоже ничто.

То есть власть ***не стремилась к устрашению как самоцели***. Кстати, медные деньги с 1663 года были отменены.

Долготерпение... Да нет у русских никакого долготерпения! И у правительства тоже. Бунт – жестокий, экстремальный, но это способ власти и народа выяснить отношения. Назрела проблема? Разобрались.

Экономические и политические стачки XIX века

Начиная с 1860-х годов в России известны рабочие стачки. Однако и в этом случае – никакого долготерпения! Только форма экономического бунта совершенно другая, чем в Европе.

Восставая из-за материальных проблем, люди не просто отстаивали свои экономические интересы, они искали некой высшей справедливости. Мне думается, в том числе потому стачки в России очень быстро из экономических стали политическими. В Европе и в XX веке большая часть забастовок носила чисто экономический характер. Если можно получить за работу 10 марок, франков, гульденов вместо пяти, почему не попробовать получить? Логика простая: 10 больше, а значит и лучше пяти.

В истории западных стран сохраняется память об очень серьезных экономических забастовках. Например, о Всеобщей забастовке в Британии 1926 года. Эта стачка – действительно заметная веха в истории.

А Россия пережила экономические стачки, словно какую-то детскую болезнь, и сразу перешла к полити-

ческим. Морозовская стачка 1885 года на Никольской мануфактуре Саввы Морозова началась вроде с требований повысить зарплату и сократить штрафы, которые составляли до 50 % зарплаты. Но за считанные дни были выдвинуты требования государственного контроля за уровнем заработной платы, законодательных изменений в условиях найма. Требования были предъявлены не только владельцам мануфактуры, но и правительству!

Так же точно события на Ленских приисках в апреле 1912 года начались с бунта против гнилого мяса, выдаваемого в местной лавке, а кончились политическими требованиями, чуть ли не войной с правительственными войсками и памятным расстрелом рабочих.

В общем, экономические бунты в России как-то сразу плавно переходили в бунты идейные. В такие, когда бунтуют не потому, что 10 рублей больше и лучше, чем 5, а потому, что низкие заработки становились убедительным доказательством: начальство у нас *неправильное*. Порядки на заводе и система штрафов поражали не экономическими тяготами, а самим фактом несправедливости. Точнее говоря, поведение властей противоречило представлениям низов о том, как вообще надо по правде править и каким должно быть начальство.

Таким образом, в России было важнее не просто получить побольше денег, а установить (или восстановить) *правильные* порядки, соответствующие представлениям людей о справедливости.

Идейные бунты

Бунты по идейным причинам и в России, и в Европе – это в первую очередь бунты религиозные. Однако

при внимательном рассмотрении легко обнаружить, что и в религиозных конфликтах русские проявили меньшее ожесточение, чем их современники – европейцы. И куда меньше терпеливости.

Тридцатилетняя война в Германии завершилась т. н. Вестфальским миром 1648 года. Одним из его принципов было: «Чья власть, того и вера». Теперь население каждого княжества должно было исповедовать ту веру, которой придерживались официальные власти. Германию попросту разделили на католическую и лютеранскую области. Живешь в католической Баварии? Теперь ты – добрый католик. Живешь в протестантском Пфальце? Значит, ты отныне лютеранин.

Это дикое насилие над свободой совести немцы терпели больше двух веков – до объединения Германии в XIX веке.

А ведь XVII век – как раз время раскола на Руси. Время ожесточенных схваток, и не всегда бескровных, за исповедание «правильной» веры. И в XVII, и в XVIII, и даже в первой половине XIX века раскольников на Руси могли притеснять, угнетать, ссылать в отдаленные районы страны, не пускать к чиновничьей работе. Но чтобы велеть жителям некой территории срочно принять православную веру? Или же сделаться старообрядцами?

Никому в России не пришла бы в голову мысль бесконечно терпеть «неправильную веру» на своей земле. Воевать за нее, за веру, тоже нужно прилично, не нарушая правил общежития, не переходя меры допустимого насилия. Но как же не воевать за святое?!

...Пример совсем из другой области. Возьмем случаи убийств помещиков XVIII–XIX веков, которые брали себе в наложницы девок или мужних жен.

Девок еще ладно... А вот связь с замужней женщиной для крестьян была чем-то крайне неприличным. Чудовищным попранием обычаев, всего неписаного закона, по которому жило крестьянство.

Мне называли разные цифры такого рода восстаний: от «нескольких десятков» до «нескольких сотен». Никто определенно не считал, и мы очень плохо знаем эту часть нашей истории. А жаль, есть причины узнать ее получше.

Наиболее известны в этом ряду – убийства отца Федора Достоевского и деда народовольца Морозова. Подробности убийства Достоевского-старшего мне не известны, но предполагается – он посягнул на честь замужней женщины.

Лубочная картинка «Цирюльник хочет раскольнику бороду стричь». Начало XVIII в.
Бороды стригли, это известно. Но массовых зверств на религиозной почве у нас никогда не было

В 1840 году в имении Борок взорвали дворян-супругов Щепочкиных.

Трое их дворовых купили мешок пороха, положили его в печь на первом этаже, как раз под спальней супругов. Проковыряли дырочку, сделали дорожку, поставили свечу. Торопливо убежали... Вскоре громыхнул страшной силы взрыв.

Жестокость этого, говоря современным языком, теракта потрясла всех. Министр внутренних дел доложил о нем императору Николаю I. На прощальную панихиду прибыли ярославский губернатор и все уездное начальство. На похоронах были все соседи-поме-

щики, проститься с Щепочкиными пришли и толпы крестьян со всех окрестных деревень: их считали «хорошими барами». После гибели владельцев усадьбы осталось трое детей-сирот, в том числе будущий отец Н. А. Морозова.

Мужиков поймали сразу. Три дня до совершения преступления те пили без перерыву, и люди слышали, как они сговаривались, вернее как один из них подговаривал остальных убить барина.

Убийцы бились в пьяном кураже до самого ареста, рассказывая всем, что замыслили и почему. Оказалось все банально – обычное убийство на почве ревности. Одному из убийц очень нравилась некая дворовая девка. Он к ней не раз безуспешно сватался. А эта девка отдавала предпочтение барину, что тут поделать. Знала, что барин женат, ни на что не претендовала, статус барской любовницы ее устраивал совершенно. Да и с «человеком своего круга», видимо, она, покрутившись возле богатой и культурной жизни, уже иметь дела совершенно не хотела.

По понятиям крестьян, девица вела себя безнравственно. Нехорошо, с их точки зрения, вел себя и барин, который на глазах жены в открытую крутил-вертел, строил куры со своей горничной.

Тогда незадавшийся жених «со товарищи» и решился на убийство.

Суд приговорил их к 50 ударам кнутом на обгорелых развалинах помещичьего дома. После чего на лбу и на щеках убийц выжгли литеры статей Уложения о наказаниях, по которым они были виновны, и сослали в Тобольскую губернию на каторжные работы навечно.

Никак не оправдывая ни Щепочкина, ни горничную, так сказать, «предмет» разгоревшихся страстей,

ни тем более убийц, отметим: здесь дело не только в ревности, произошло столкновение разных систем ценностей.

И уж конечно, и в этом случае, и во всех подобных даже говорить смешно о долготерпении народа. Народ имел свои представления о половой морали и считал себя вправе их отстаивать.

Сравним эти не столь уж редкие убийства с «правом первой ночи» в Европе. Право первой ночи действовало в Северной Франции, Англии, Германии, Шотландии, Баварии, Бургундии все Средневековье, в некоторых местах до XV–XVI веков. Еще в XVII веке некоторые налоги крестьянин платил за то, что это право *не будет* осуществляться. А состоит оно в том, что феодал, на земле которого живет крестьянин, имеет право провести первую ночь с новобрачной. Или указать (!) на лицо, которому он отдает новобрачную на первую ночь.

Теоретики спорят, из каких представлений первобытных людей, из каких пластов язычества завоевателей-германцев родился этот обычай. А жители Европы жили, поколениями позволяя феодалам «улучшать свою расу». Не известно ни одного восстания, ни одного убийства феодала по этому поводу. Кроме разве что изображенного в фильме «Храброе сердце» Мела Гибсона, где некий бедный, но гордый шотландец Уильям Уоллес пытается воспрепятствовать своему феодалу в его абсолютно законном (!) требовании провести «первую ночь» с очаровательной невестой Уоллеса-Гибсона. С этого якобы и начинается историческое общенациональное восстание шотландцев против англичан. Но это все Голливуд. Не будем воспринимать его серьезно. В общем, кротости и долготерпению европейцев можно только удивляться.

Только зачем же они валят со своей больной головы на нашу здоровую?!

Бунты политические

Этого добра на Руси тоже было немало.

История Древнего Новгорода – сплошная череда такого рода бунтов. Началось с бунта Ярослава против своего отца Владимира, с его отказа платить Киеву установленные 2000 гривен в год.

Позже, как следствие нескольких восстаний, фактически – революций в Новгороде был установлен вечевой строй. Какое уж тут долготерпение...

И другие земли Древней Руси знали политические восстания. Таково восстание 1068–69 годов в Киеве и всей киевской земле. Князь Изяслав Ярославич потерпел поражение от половцев, – половцы разоряли всю Южную Русь. Киевляне потребовали дать им оружие. Князь отказался. И тогда горожане собрались под набат, на звуки вечевого колокола, сами захватили оружейные мастерские и велели кузнецам ковать для них мечи и копья.

Изяслав бежал в Польшу. Он вернул себе престол только через 7 месяцев с помощью войск польского короля. В конце концов киевское вече примирилось с князем Изяславом, тот киевлян разоружить больше не пытался и договаривался с горожанами, как равный с равными[1].

Среди локальных политических волнений на окраинах империи можно назвать целую серию казачьих

---

[1] *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII веков. М., 1955.

выступлений против центральной власти: не сметь трогать золотые казачьи вольности!

Или возьмите Красноярский бунт 1695–98 годов, когда повстанцы посадили воеводу в лодку и отправили вниз по Енисею: они посчитали, что воевода «заворовался» и «больно развратен». Город после этого целых три года управлялся демократически – казачьим кругом и выборными на этом круге лицами.

Долготерпение? Красноярцы терпели своего блудливого воеводу-хапугу меньше года.

А вот массовых политических движений, охватывавших всю страну, в России не было до 1905 года. И декабристы, и народники оставались верхушечными, интеллигентскими движениями. Отсюда их высокий дух, отвлеченный идеализм и вместе с тем легковесность, отсутствие опоры в широких массах.

Но как только идея политической свободы стала действительно массовой, тут же – увы, увы, увы! – и грянула почти стихийная, но зато массовая и в лучших европейских традициях кровавая революция 1905–07 годов.

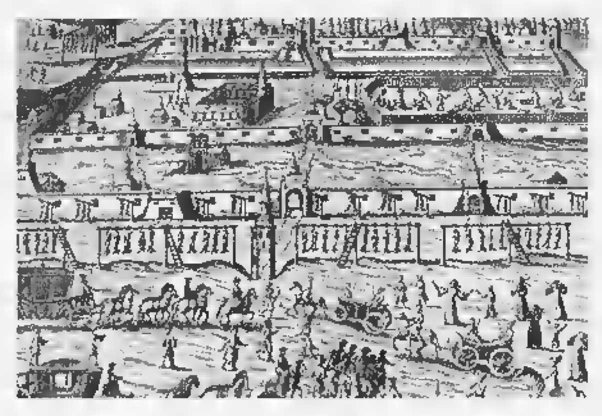
«Народ безмолвствует...»

> Богу было угодно наказать Россию через мое окаянство.
>
> Емельян Пугачев.
>
> *Из показаний на первом допросе*

Всерьез рассмотрев вопрос, нельзя не прийти к выводу: на Руси крайне редки типичные для Европы бунты «бессмысленные и беспощадные». Да, у нас бунто-

вали, и еще как, но повстанцы не стремились ломать все подряд и целиком. А власть не стремилась искоренить повстанцев до последнего человека; скорее пыталась договориться.

Одна из причин этого — как раз полное отсутствие долготерпения и излишней покорности русских. Мы скорее выражали возмущение ДО того, как оно могло вылиться в бунт. И потому очень типичный пример русского бунта — «бунт на коленях». Вот это и правда национальная традиция!

Казни стрельцов в 1698 г. Гравюра из «Дневника путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)» И. Г. Корба.

Гравюра на первый взгляд не производит устрашающего впечатления. Как будто какой-то орнамент. И только приглядевшись, понимаешь, что детали «орнамента» — бесконечные виселицы и плахи

Много раз народ бросался на колени перед царями и царедворцами с классическим: «Не вели казнить, вели миловать». В большинстве случаев царь все же скорее миловал, чем казнил. Исключений два: Иван IV Грозный казнил московских дворян, когда они на коленях просили его отменить опричнину. Второй случай — массовая казнь стрельцов в годы правления Петра I, в

1698 году. В сущности, никакого «стрелецкого бунта» не было и в помине. Стрельцов Петр сильно не любил с тех пор, как они во время очередного возмущения убили на его глазах любимого дядьку Матвеева. И став неограниченным монархом, велел разослать стрельцов подальше от Москвы. Семьи с собой брать запретили, жалованье задерживали, временами и вовсе не выдавали.

Стрельцы двинулись на Москву – рассказать царю о своих бедах. А царь тем временем был в Голландии. Стрельцов на подходе к Москве остановили, рассеяли буквально первыми же залпами пушек. Признаков бунта не нашли, а неподчинение приказу – совсем другой проступок. Тем не менее 56 стрельцов все же «для острастки» повесили, остальных разослали обратно по гарнизонам.

Следствие вел князь Ромодановский, «И. о. Царя» в период отсутствия Петра. «Зело жесток, лицом страшен, пьян беспробудно», – это современники о нем. Кого-кого, а Ромодановского заподозрить в милосердии и либерализме было трудно.

Но Петру не хотелось, чтобы дело обернулось такой банальностью. Ему нужен был страшный заговор в армии, мятеж, бунт, попытка свержения конституционного строя, сношения с ненавистной Софьей, английской и японской разведками, троцкистско-зиновьевской оппозицией, попытки прорытия канала Лондон–Бомбей через Кремль... ой, что-то я увлекся... Это уже из следственной практики другой эпохи...

В общем, едва Петр вернулся из Голландии, стрельцов с места службы потащили обратно в Москву.

Многое ■ дальнейшем объясняется личными особенностями характера Петра ■ его иррациональной ненавистью к стрельцам[1].

Петр был исключительно пристрастен. Стрельцов пытали страшно, причем царь делал это собственноручно. Дело было настолько отвратительное, что Петр изо всех сил пытался скрывать от иноземцев и масштаб, и методы следствия.

С целью популярного ознакомления с методами работы Преображенского Приказа, учреждения, исполнявшего функции Следственного комитета, Генпрокуратуры, суда и пыточной одновременно, рекомендую недавно вышедший роман «Девятный спас» некоего Брусникина. На фоне сказочно-фантастического сюжета практика оперативно-следственных мероприятий времен Петра I описана достаточно правдоподобно.

Сотрудники датского посольства как-то проявили любопытство: проникли в Преображенское, чтобы подсмотреть, что же там делается, насколько правдивы почти невероятные слухи о пытках фактически невинных людей.

---

[1] Из книги в книгу, из сочинения в сочинение перекочевывает байка, будто стрельцы, пока Петр был за границей, «взбунтовались». Сложнее оказывается с конкретными обстоятельствами: с лозунгами бунта, с перечнем взятых стрельцами городов, мест сражений с правительственными войсками... Потому что всего этого нет. «Стрелецкий бунт» от начала до конца выдуман Петром, а потом уже историки, начиная от современников – Татищева и Прокоповича до Соловьева и Ключевского, пересказывали сказку про бунт. Только у С. Г. Пушкарева (*Пушкарев С. Г.* Обзор русской истории. М., 1991) есть уточнение – мол, не бунт все-таки, а неповиновение приказу... Это все же, по словам юристов, «совсем другая статья». (*Прим. науч. ред.*)

Датчане осмотрели несколько пустых изб, где нашли лужи крови на полу и в сенях и заляпанные кровью орудия пыток, когда *«крики, раздирательнее прежних, и необыкновенно болезненные стоны возбудили в них желание взглянуть на ужасы, совершающиеся в четвертой избе. Но лишь вошли туда, в страхе поспешили вон»*, потому что застали Петра с приближенными, который стоял возле голого человека, вздернутого на дыбу.

«Царь обернулся к вошедшим, всем видом показывая свое недовольство, что его застали за таким занятием». Иноземцы выскочили прочь, но князь Нарышкин побежал за ними, спрашивая, кто они такие, откуда взялись и зачем пришли? Датчане молчали, и Лев Кириллович им объявил, что они должны немедленно идти в дом князя Ромодановского.

Чиновники посольства, осознавая свою неприкосновенность, *«пренебрегли этим довольно наглым приказанием. Однако в погоню за ними пустился офицер, намереваясь обскакать и остановить их лошадь»*. Датчан было много, и они все-таки убежали[1].

Когда в пытошные избы на другой день пришел Патриарх просить пощады для стрельцов, Петр буквально вышвырнул его вон.

Как нетрудно понять, в личном участии царя и его ближайших подручных в пытках никакой практической государственной нужды не было. Не удивительно, что Петру хотелось это скрыть от европейцев, как скрывают постыдную страсть половые извращенцы. Петру попросту *хотелось* пытать ненавистных стрельцов.

---

[1] *Медушевский А. Н.* Российская государственность XVII–XIX вв. в сравнительно-историческом освещении // Вестник высшей школы, 1990, № 1–4.

Так же иррационально жестоко вел себя Петр и во время знаменитой стрелецкой казни. Не было никакой государственной необходимости в том, чтобы любоваться всем процессом – как везут, как отрывают от жен и детей, как волокут на плаху.

В те страшные дни убили 799 человек. Сохранилась легенда, что один из первых в истории Орловых, некто Степан Орел, откатил ногой уже отрубленную голову, чтобы пройти. Этот жест до такой степени понравился царю, что он тут же, на залитой кровью площади, велел Степану Орлу явиться в Преображенский приказ и стать одним из его гвардейцев.

Петр присутствовал на площади от начала до конца и приказал боярам лично участвовать в казнях. Не привычные к палаческим должностям бояре и не умели толком убить человека, и испытывали более чем понятные нравственные затруднения (которых было тем больше, чем больше было сомнений в виновности стрельцов). В результате после того, как некоторые бояре убивали стрельцов, их потом уводили с площади под руки и укладывали в постель. Князь Долгорукий неловко ударил «своего» стрельца посередине спины и перерубил его почти пополам. Стрелец претерпел бы ужасные муки, но рядом оказался Меншиков, который быстро и ловко отрубил несчастному голову.

Нескольких полковых священников казнили только за то, что они молились за несчастных. Казнили их на специальной виселице в форме креста, а палачом был придворный шут, ряженный попом.

Жена мелкого чиновника, проходя мимо трупов стрельцов, повешенных на стенах Кремля, бросила: «Кто знает, виноваты ли вы?» – и перекрестилась. На несчастную донесли, ее и ее мужа пытали; вина их в

чем бы то ни было не доказана, но обоих выслали из Москвы.

Петр хотел, чтобы стрельцы дали показания против Софьи, чтобы побег из голодной Астрахани выглядел попыткой государственного переворота. Конечно же, вскоре Ромодановский принес необходимые «доказательства»: мол, переписывались стрельцы с царевной Софьей! Тогда взялись за людей, близких к царице, в том числе и за двух ее сенных девушек. Тут Петр выступил прямо-таки как гуманист – велел не сечь кнутом одну из них, находившуюся на последней стадии беременности. Правда, повесили потом обеих, в том числе и беременную. За что? Совершенно непонятно... Связь Софьи со стрельцами не доказана, в «бунте» девицы никак не могли участвовать.

Что характерно, ни одно письмо от стрельцов к Софье и наоборот в руки следствия не попало. Классическая история: мол, Петр велел повесить трех самых злых стрельцов под окном у Софьи, чтобы она все время видела своих «сторонников». А к рукам стрельцов он велел привязать ее, Софьи, письма... Все это правда и именно так все изображено на картине Репина. Только вот одна деталь не соответствует истине: не было собственноручных писем. К рукам стрельцов прикрутили не письма Софьи, а листы бумаги с их показаниями насчет того, что были такие письма...

Так печально кончился стрелецкий «бунт на коленях». Но чаще всего власти к таким бунтам относились скорее с пониманием. Лучше ведь бунт на коленях, чем с оружием в руках.

Обратимся к нашей великой литературе. Возьмите классическое из Пушкина, из его «Бориса Годунова»: ***«Народ безмолвствует»***. Часто эти слова использу-

А. Головин «Портрет Ф. И. Шаляпина в роли Бориса Годунова». 1912 г.
Народ не одобрял ни этого, по сути, неплохого царя, ни тех, кто расправился с его семьей

ются для обоснования старого мифа о русском долготерпении и покорности. Но по какому поводу «безмолвие»?

Да очень просто: бояре во главе с князем Мосальским входят в дом, где находятся вдова и взрослые дети Бориса Годунова. Народ слышит из дома женский визг, пытается вмешаться, но двери заперты.

«(*Отворяются двери. Мосальский является на крыльце*)

Мосальский

Народ! Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. (Народ в ужасе молчит.) Что ж вы молчите? Кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!

Народ безмолвствует»[1].

Пушкинское «народ безмолвствует» используется и историками, и литературоведами как доказательство покорности и кротости народа, его безразличия ко всему.

---

[1] *Пушкин А. С.* Борис Годунов. Собр. соч. 10 т. Т. 5. М., 1949.

Но молчат-то когда? Когда только что объявлен новый царь! Здесь крик народа просто обязателен, он входит в принятый сценарий политических игр.

Так французские дворяне, узнав о смерти короля, произносили принятую традицией формулу: «Король умер, да здравствует король!» Эта формула возглашалась на собраниях дворянства при больших скоплениях людей. Слова «Да здравствует король!» полагалось подхватывать хором, обращая к будущему королю лица, простирая правые руки. Многие в таких случаях опускались на левое колено, в том числе и дамы – необходимая демонстрация лояльности. И попробовал бы дворянин не участвовать в подобном церемониале! Отказ кричать вместе со всеми сразу сделал бы его если не государственным преступником, то в лучшем для него случае личным врагом нового монарха.

А если бы целое дворянское собрание не стало бы кричать «Да здравствует король»? Значит, члены этого собрания – против нового короля? Может, они разжигатели династической войны? А может быть, вообще «преступники короны», изменники, которых необходимо разоружить, заточить и хорошенько допросить, чтобы разузнать, как именно и для чего они злоумышляли против Французского королевства.

Позвольте... Но ведь точно такое же действие и совершает народ в произведении А. С. Пушкина. Народ прекрасно понимает, что он делает, и логика его поведения была хорошо понятна во времена Пушкина, – это к нашему времени она подзабылась. Народ ДЕМОНСТРАТИВНО отказывается кричать свое «Да здравствует!» царю, которого сажают на престол бояре и князья... но которого народ не считает ИСТИН-

ным. Настанет день, и народ взбунтует, предельно ясно показывая, что он думает об узурпаторе. Пока он «всего лишь» молчит.

Восстание становится логическим продолжением нравственного осуждения — то есть «безмолвствования народа». Громовой выстрел из пушки пеплом Гришки Отрепьева, того самого, которого Мосальский велел величать государем Дмитрием Ивановичем, и есть прямое продолжение этого леденящего, мертвого молчания.

И в этом, и в других случаях русский народ умел и не боялся высказать свое мнение, совершенно не обязательно совпадавшее с мнением начальства. Так что со стороны начальства было очень неразумно не прислушиваться к «мнению народному».

Традицию «бунта на коленях» можно проследить в самых неожиданных исторических эпизодах. Скажем, в восстании декабристов. В конце концов, что сделали декабристы? Вывели войска и долго стояли на Сенатской площади в каре. Никаких попыток занять Зимний, арестовать Николая I. В точности как в Москве 1648 года восставшие стояли на площади и ждали, что же сделает власть?

Порой говорят о безволии декабристов, недостатке организованности. Приведя солдат на площадь, они не решились продолжить. Воли к власти не хватило. Но, помилуйте, ведь декабристы — боевые офицеры, прошедшие 1812 год, поход в Европу 1813–15 годов. Безволие? Трусость? В это трудно поверить.

Действительно, а почему так долго стояли в каре восставшие, не делая решительных шагов?

Почему? Мы так привыкли читать описания событий 14 декабря 1825 года, что уже не вдумываемся в их глубинный смысл. А ведь перед нами — типичный бунт на

коленях. Угроза оружием? Да... Как из толпы в 1662 году: отдай, царь, ненавистных нам бояр... А то сами возьмем, «своим обычаем»!

Николай I оказался парнем не слабонервным, игру психологического напряжения выиграл он. А восстание декабристов состоялось совершенно не так, как должен «по правилам» проходить *нормальный военный мятеж*. В традициях мятежа – кровавые столкновения правительственных и мятежных войск, захват «вокзалов, почты, телеграфа», аресты правящей верхушки и их семей, расстрелы заложников, взаимный террор и пр. и пр.

Что же видели мы на Сенатской площади (до недавнего времени – площади Декабристов) в Петербурге? Типичный русский «бунт на коленях».

Очень, надо сказать, национальное действо.

И в XX веке мы опять столкнемся с неким подобием того самого бунта на коленях. В 1918 году чиновники Российской империи не признали узурпации власти большевиками и в массовом порядке отказались работать на новое правительство. Они, правда, не поехали на Дон, к Каледину и Корнилову, не стали прямо воевать с Советами, но и не стали сотрудничать с ними.

Большевики в конце концов построили свой, параллельный государственный аппарат. Но бунт на коленях – был.

И позже, в СССР, диссиденты не раз заявляли, что в принципе согласны с советской властью, только хотят ее «улучшить»... А. И. Солженицын, призывая «жить не по лжи», советовал не идти на открытое выступление против советской власти, а рекомендовал тихий саботаж – саботаж выборов, партийных собраний, официальных мероприятий... Не возражать вслух, а просто выйти из зала, когда выступает функционер

обкома или горкома. Если выйдет значительная часть присутствующих, бунт на коленях состоится. Мирное противление злу ненасилием.

Выходит, что народные традиции более живучи, чем кажется.

Немного о преступности

Эту подглавку я начну с искреннего сожаления: ну какая однообразная и скучная русская детективная литература! Как она уступает западной, особенно англосаксонской! Нет в ней тех ярких, запоминающихся образов, тех замечательных по воздействию на читателя ситуаций.

Взять хотя бы классическую, всем известную «Собаку Баскервилей». Замечательное произведение. До последних страниц непонятно, кто страшный преступник. Выясняется – некий младший потомок Баскервилей. Вот это да! Наследник старинной дворянской семьи, почтеннейший джентльмен... И что бы ему не пойти к старому родственнику, сэру Генри Баскервилю? Ведь если не на поместье, то хоть на какие-то отступные он мог бы претендовать. А поди ж ты, человек такой был оригинальный, порочный душегубец.

Среди прочих персонажей в «Собаке Баскервилей» есть и беглый каторжник Селден: он прячется на болотах, и страшная собака догоняет его. Несчастный Селден – мимолетный, проходной персонаж. Он и нужен-то исключительно для того, чтобы запутать читателя, заставить его искать разгадку тайны там, где ее нет. Кому-то ведь надо носить старый пиджак сэра Генри и тем вводить в заблуждение преступника. Генри Баскервиль подарил свой «необычный красновато-ко-

ричневый костюм» слуге Бэрримору, а миссис Бэрримор отдала пиджак своему младшему братишке, каторжнику Селдену. Вот собака и погналась за ним, – Генри Баскервиль не погиб только случайно.

Такая вот запутанная история.

Нет у нас в литературе XIX века таких выразительных повествований. Нет ничего даже отдаленно похожего.

Вот у Конан-Дойля не только сыщик, знаменитый Шерлок Холмс, у него и преступники каковы: профессор Мориарти! Его правая рука, «самый опасный человек в Лондоне», полковник Себастьян Моран – «сын сэра Огастеса Морана, кавалера ордена Бани, бывшего английского посланника в Персии. Окончил Итонский колледж и Оксфордский университет... Участвовал в кампаниях Джовакской, Афганской, Чарасиабской... Шерпурской и Кабульской. Автор книг „Охота на крупного зверя в Западных Гималаях“ и „Три месяца в джунглях“ »[1].

Монеты о-вов Кука с героями советского телесериала «Шерлок Холмс и доктор Ватсон».
Здесь, конечно, нам можно было бы пофантазировать о загадочной популярности нашего Шерлока Холмса на далеких тихоокеанских островах. Увы, загадки нет – монеты отчеканены на заказ для продажи в России и на Украине

[1] *Конан-Дойль А.* Пустой дом. Собр. соч. в 8 т. Т. 2. М., 1966.

Вот это фигуры! Увы, нет в российской литературе аналогичных преступников «из благородных людей».

Разве что пушкинский Дубровский... Но и он – всего лишь романтический влюбленный. Тоже мне демоническая личность... Вот если бы он зверски убил мужа Машеньки, сжег усадьбу Троекурова со всеми домочадцами, включая злополучного медведя. И не просто застрелил бы Потапыча из пистоли, а пил бы его горячую кровь, рвал его жилы зубами, а потом заставил бы священника тут же, возле горы трупов, в зареве пожара обвенчать его с Машей – вот тогда бы родился литературный персонаж в духе основателя рода Баскервилей, Хуго Баскервильского. Вот это было бы да!

Если бы Дубровский посвятил всю оставшуюся жизнь мести... Если бы он разорил своих врагов, включая чиновников, отнимавших его имение... Если бы он нашел на своих недругов компромат, приведший их на каторгу, устроил бы им ряд провокаций, перебил бы их и уехал, довольный, с пленной черкешенкой... Тогда бы в русской литературе появился персонаж не слабее графа Монте Кристо.

А так... Дубровский вызывает не страх, а сочувствие и жалость. Не одно поколение дам и девиц утирало слезы, дочитывая повесть, а в школах появилось классическое: «*Дубровский имел сношения с Машей через дупло*».

В общем, Владимир Андреевич никак не тянет на классический европейский образ «бандита-аристократа».

За триста лет русская литература не создала ни одного образа организатора преступности, дьявольской личности из верхов общества. Где у нас образ профессора Петербургского университета, организовавшего

преступное сообщество по всей России? Где, в каком детективе выведен князь Голицын или Долгорукий – участник походов Скобелева, охотник на уссурийских тигров и на леопардов в Средней Азии, автор книг «Три года в степях и садах Ферганы»? Полковник гвардии, живущий картежным шулерством и убийствами, «самый опасный человек Москвы»?

Нет, ярких преступных фигур у нас нет. Попытки создать похожие предпринимались много раз в разное время. В XIX веке в бульварных книжках про великого детектива Путилина появляются то страшные польские ксендзы, замуровывающие живьем русских девиц и посыпающие ядом мостовые Москвы, то какой-то купец в Замоскворечье, набивающий целую бочку соленым мясом своих жертв. И так далее и в том же духе.

Перечислять примеры можно долго, вплоть до Чхартишвили – Б. Акунина, который тоже пытается описать страшный заговор тайной организации «Азазель» во главе с чудовищной леди Эстер[1].

Но получается у наших как-то неубедительно, кисло, да и какая же леди Эстер – Мориарти или Моран? Старая дева-истеричка...

Не буду выяснять, имели ли персонажи Конан-Дойля прототипы. Возможно, имели. По крайней мере, серийные убийства лондонских проституток («дело Джека-Потрошителя», конец XIX в.) молва в Англии упорно приписывала человеку из «высшего общества». Было мнение, что эти убийства внезапно прекратились именно потому, что полиция нашла убийцу, но не захотела или не смогла передать дело в суд: слишком влиятельное лицо стояло за преступлением. Так дело и замяли на стадии следствия.

---

[1] *Акунин Б.* Азазель. М., 2000.

Но нам важнее даже не то, были ли прототипы. Важнее, что в сознании россиянина нет преступных фигур из верхов общества. «Наш» сверхпреступник или из самых что ни на есть социальных низов, как неврастеник Раскольников, мучающийся от осознания своего убожества, или пришедший «извне»: что польские ксендзы в бульварных книжках XIX века, что леди Эстер Акунина. Наши преступники совершенно лишены шиковатой привлекательности зла, очарования порока, прелести сочетания хороших манер и роковых преступных наклонностей.

Вся наша детективная литература описывает одних бедолаг Селденов, но никак не злых гениев Мориарти и не Моранов. А ведь и Селден, и обитатели Хитрова рынка, описанные тем же Гиляровским или Акуниным в «Любовнике смерти»[1], — довольно отвратительные типы. Какие-то изъяны в генетике или в воспитании привели их на самое дно. Они и есть типичные подонки: их умственный, культурный и нравственный уровень не выше уровня среднего обывателя, а заметно ниже. Никаких «преступных гениев»!

В России не было и, вероятно, нет типичных для Европы преступников из благополучных слоев общества (по крайней мере как массового явления). Достоевский считал, что образованный каторжник — редчайшее исключение из правила. А Федор Михайлович сам прошел через каторгу, и знал о чем писал. Преступники даже территориально жили в других частях города. Был в Москве Хитров рынок, куда Гиляровский ходил, как бы проводя этнографическую экспедицию[2]. Были в Петербурге тру-

---

[1] *Акунин Б.* Любовник смерти. М., 2005.

[2] *Гиляровский В. А.* Москва и москвичи. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М., 1967.

щобы за Охтой. Была в Одессе легендарная, воспетая в специфических песнях Молдаванка, а в Ростове-на-Дону – Темерник. Районы с мрачной славой становились символом антиобщественного образа жизни. Обитателей этих мест определяли сразу – по поведению, одежде, выражению лица, специфической походке.

Мне могут возразить: такие кварталы были и в Европе. Вспомним легендарный «Двор отбросов» Марка Твена в Лондоне и «Двор чудес» в Париже Виктора Гюго![1] Вспомним восточный Лондон, который Джек Лондон выразительно назвал «бездной»[2].

Все верно. Кварталы бедноты и преступности были везде. Но в Европе, во-первых, криминальные метастазы расползались из этих кварталов по всему городу. Во-вторых, существовала немалая преступность в среде среднего класса. Не в художественной литературе, а в полицейских хрониках.

И в России как-то получалось, что преступность была, но в целом жить было безопасно и спокойно.

Дж. Александер пишет: «Доказательство хорошей работы русской полиции: для путника в России пеший путь на большие расстояния совершенно безопасен». Я думаю дело не только в работе полиции, но и в целом, наверное, в какой-то нравственной атмосфере того времени.

Существовали места, куда не стоило соваться, если не хочешь лишних приключений. Но если не ходить на Хитров рынок и не лезть в трущобы за Охтой, то даже в самых обычных районах-кварталах довольно спокой-

[1] *Марк Твен.* Принц и нищий. М., 2006; *Гюго В.* Собор Парижской Богоматери. М., 1988.

[2] *Лондон Д.* Люди бездны. Собр. соч. в 13 т. Т. 5. М., 1976.

но. Уровень уголовной преступности на Руси был традиционно очень низкий.

Полезно было бы сравнить количество и характер тяжких преступлений против личности в Москве времен «дядюшки Гиляя» и в современной Москве, в Петербурге времен Достоевского и в современном мегаполисе. Сделать это очень и очень трудно: подобная статистика у нас остается полузакрытой.

Но и по тому, что попадает в открытую печать, судить можно. В газетах и в Интернете встречаешь такое, что вызвало бы ужас у наших предков. Достаточно почитать криминальную хронику «Московского комсомольца» за неделю.

Убийство в приличном районе (вне Хитровки), ставшее публичным в Москве времен Гиляровского, – это тема для расследования и обсуждения газетчиками не на одну неделю.

В современной Москве такое невозможно. Ибо каждая (!) неделя приносит нашей столице до десятка (!) трупов – жертв насильственной смерти.

Современная Москва, конечно, больше Москвы конца XIX века. Но даже если разделить на 10 все тяжелые преступления, сведения о которых попали в печать, сравнение будет далеко не в пользу потомков. Увы, нравы меняются не в лучшую сторону[1].

---

[1] Мне доводилось беседовать с русскими эмигрантами «первой волны», и они очень веселились, когда я (в нач. 1990-х гг.!) говорил им об опасности жизни в Москве.

– Не видали Вы, сударь, настоящей преступности! Вот в Нью-Йорке... Сколько раз бывал в ресторане «Одесса», не было случая, чтобы хоть раз да не стреляли!

Воистину – все познается в сравнении. Уровень преступности в России просто катастрофически вырос за сто лет. Но как мы сто лет назад «отставали» от «цивилизованного мира», так до сих пор и «отстаем». (*Прим. науч. ред.*)

Есть у нас поганая традиция приписывать себе особые криминальные наклонности. Чем нас так радует картина России как огромной «малины» – особый сказ. Чем-то чарует, и все! Дорога она нашему сердцу.

На самом деле реальность Московии и Российской империи была очень далека от этой картины[1].

«Настоящие» и «ненастоящие»

Говорят, царь – ненастоящий!

Из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию»

Дело в том, наверное, что в России любые бунты намного чаще, чем в Европе, происходили в рамках Системы. Целью повстанцев не было разнести вдребезги Систему и заменить ее другой... Европейцы жили в намного более напряженном обществе, это общество взрывалось чаще и легче, чем российское, и взрывы эти получались более жестокими.

---

[1] Анализируя причины невероятного взрыва популярности детективов в конце XIX в., Корней Чуковский высказался очень точно: люди не доверяют друг другу. Любой, самый милый человек, в любой момент может оказаться преступником. Опыт жизни при капитализме доказывает: полного доверия нельзя оказывать даже ближайшим друзьям, даже супругам, детям и добродушным пожилым тетушкам.

Страх перед неведомым, а потому и анонимным преступником и вызывает интерес к литературе, в которой овеществляется этот страх, проигрываются ситуации, с которыми боятся столкнуться в жизни.

Если так, то получается – русская преступность и правда совершенно другая. (*Прим. науч. ред.*)

Разумеется, были на Руси страшные, кровавые восстания. Но природа их совершенно иная, чем в Европе. Как правило, даже восставая, россиянин против самой власти как таковой не шел, против нее не злоумышлял. Даже если был возмущен данным начальником или чиновником, если ему не нравились определенные решения властей, он не покушался на основы и скорее готов был помогать власти, чем стремиться ее срубить под корень.

Но все это только в одном случае: если он считал власть «правильной» и «истинной». В Европе огромное значение имело законный монарх или незаконный. В России законность монарха была менее важна, чем соответствие его народным представлениям, «истинность».

Стоило зародиться сомнению – мол, царь у нас не «настоящий»... и все. Жди набата, разъяренной толпы, вооруженного бунта, смертоубийств.

Это часть сознания не только простонародья, но, казалось бы, самого что ни на есть просвещенного и европеизированного на все сто русского дворянства. Дворяне XVIII века легко сбросили с престола законнейшего, но «не истинного» Петра III, и посадили на престол совершенно не имевшую на него права, но «истинную» по их представлениям Екатерину II.

Чего стоил один мир с Пруссией, заключенный по итогам кровопролитнейшей войны, когда русские войска **уже побывали в Берлине!** Петр III «вернул» своему обожаемому Фридриху (тотально разгромленному русскими войсками, – смотрите «Гардемаринов», читайте В. Пикуля) ВСЕ ЗАВОЕВАННОЕ и даже вступил с ним в союз (!) против вчерашнего русского союзника – Дании.

Да это был просто плевок в глаза всему русскому обществу! Разве так мог поступить *«правильный»* русский царь?

Если царь «настоящий», то он – священная особа. Такого царя можно попробовать остановить, даже чуть задержать, помешать пройти. Но ни в коем случае невозможно ударить, причинить ему малейший вред. Это будет не только тяжелым преступлением, но и религиозным грехом.

Власть «истинного» царя священна, его правление не может не быть праведным. Испакостить могут бояре, и тогда гнев народа, естественно, обрушивается на них. Но и тогда царь остается благ и велик, достоин и совершенен.

Долг подданного – всячески поддерживать такое правление. Ведь власть – его власть, народная. Участие в ней – благое дело.

А если царь – *ненастоящий?* Тогда такой же само собой разумеющийся долг подданного – мятеж. Такой царь обязательно должен быть свергнут, а все, кто служил «ненастоящему», должны быть или уничтожены, или принести покаяние за свое гражданское и религиозное преступление.

Система жесткая, бескомпромиссная, сводящая судьбу любого правления к народным оценкам «праведности» и «неправедности» начальника и правителя.

Можно долго рассуждать о том, чем хороша или плоха такая система взглядов, но вот чего в ней точно нет – это идеи кротости, смирения, покорности, долготерпения.

Народ безмолвствовал, когда бояре выкликали царем Лжедмитрия. А спустя короткое время народ восстал и убил царя. Лжедмитрий молод, физически силен, он прыгает в окно и – не повезло – ломает ногу.

Подойти к царю, видимо, все-таки страшно... Царь как-никак. Но 26 огнестрельных ран Лжедмитрию все же «причинили». Царь *ненастоящий* – смерть ему!

Не позавидуешь россиянину – современнику Смутного времени. Пойди пойми, какой царь «истинный», а какой нет. Тем более для одних «истинный» царь – Василий Шуйский, а для других он – «царь Васька», совершенно неистинный узурпатор, и на престол возведен незаконно.

Для других «истинный царь» – польский королевич Владислав.

Для третьих – шведский королевич.

Для четвертых – очередной Лжедмитрий...

Поди разберись в этой толпе царей!

Избирая Михаила Романова на престол в 1613 г., россияне сделали огромный шаг вперед в своих монархических представлениях. Теперь «истинным» царем оказался тот, кого они сами избирают.

И разинщина, и пугачевщина были таким же народным протестом против «не истинного» царя и его «неправильного» правления.

Отсюда самозванство Пугачева и вообще весь феномен русского самозванства. Объявляя себя чудесно спасшимся Петром III, страдальцем за народ, которого захотела извести «негодная Катька», донской казак Емелька Пугач становился в глазах части народа «истинным царем».

Никакие программные заявления о милостях и свободах от имени честного повстанца Емельяна не произвели бы на народ впечатления. А вот от имени «настоящего» царя их слушали, да еще как! Когда пьяный Емелька прилюдно плакал о судьбе «возлюбленного сыночка Пашеньки» или доверительно советовался с

приближенными казаками, как ему лучше поступить с «негодной Катькой»: сослать в монастырь, «показнить смертию» или просто выпороть плетью и простить, – это не вызывало насмешки. Так и должен был вести себя «истинный царь». Тот, который вместо крепостного права заведет «везде вольный казачий круг», снизит, а то и вовсе упразднит налоги, станет ходить к народу и «рядиться» с ним, ударяя по рукам, как это делал Алексей Михайлович.

Дворян казнили целыми семьями, как это красочно описано в «Капитанской дочке». Но не потому, что они были дворянами. А потому, что не хотели присягать «истинному царю», упорствовали в верности «негодной Катьке» и тем самым нарушали «правильное» течение событий и гармонию Мироздания.

Е. Пугачев в царской одежде. Палех.
Вор Емелька Пугачев не без оснований полагал, что, чем богаче он разоденется, тем больше будет походить на «настоящего» царя — в глазах голытьбы

Пугачев и его подельщики не были врагами дворянства как института. Все его приближенные тут же принимали имена и титулы реальных дворянских семей. Они только не очень хорошо отличали титул от фамилии, и кто грамотный, сам писал, а за неграмотных писец подписывал одним словом под документами: «Графчернышев» или «Князьвяземский».

Окружение Пугачева претендовало на то, чтобы стать «правильными» дворянами, а для того предстояло истребить «неправедных», вот ведь как.

Кстати, и в революциях 1905 и 1917 годов, а особенно в Гражданской войне 1918–22 годов виден этот народный архетип: уничтожить «неправильную» и тем самым «неистинную», не легитимную власть. Разрушить «до основанья» все, что с ней даже косвенно связано. А уж потом, на обломках, в пустыне, «мы наш, мы новый мир построим».

Марксизм, таким образом, лег на феномены российского народного сознания, что и сделало Гражданскую войну столь кровавой и долгой, так напоминающей пугачевщину невиданных масштабов.

Выводы

В итоге что же мы видим в России? Какое «долготерпение» и «смирение», какую «покорность властям» и вообще «рабскую покорность»? А никакие!

Мы видим народ, хорошо приспособившийся к среде своего обитания и сумевший хорошо приспособить эту среду к своим потребностям.

Русские очень терпеливы в тех случаях, когда не в силах изменить природу и сделать ее более «удобной». Морозы и распутица заставляют ждать, и русский не стремится к невозможному, не нервничает потому, что холод мешает полевым работам, а в ледоход никуда не проедешь. Он скорее поедет кататься на санях и от души полюбуется стихией воды и льда под пронзительно-синим мартовским небом.

Но русский умеет организовать себе вполне комфортное существование, независимо от холода и расстояний. С прогулки по зимнему лесу, с берега, на который наползают льдины, он вернется в жарко натопленную избу, а в дальнюю дорогу возьмет с собой пи-

роги и заранее заготовленный мешок с пельменями. Мне рассказывали сибиряки, как эти пельмени в начале долгой зимы в деревнях лепили тысячами. А что, и бабам в мороз дома есть занятие, и еда вкусная да полезная: холодильник не нужен – выстави за окно, так и будут там храниться – не портиться до апрельских оттепелей.

Такое приспосабливание к природе своей страны имеет общего с долготерпением не больше, чем «долготерпение» британского дворянина, живущего в почти не отапливаемом доме.

Представление о долготерпении и покорности русских во время войн и осад крепостей – вообще анекдот и только. Сравнивается несравнимое: поведение людей в ходе легкой колониальной войны и в ходе войны – национального бедствия. А то, что иноземцы, если нет выхода, ведут себя так же, как русские, игнорируется.

В 1870 году Париж героически сопротивлялся прусскому нашествию – точно так же, как русские крепости и города.

Испания воевала с Наполеоном не менее отважно, чем Россия. В Испании сопротивление было даже трагичнее, – у нас-то государство не было разгромлено, страна не находилась под иноземной оккупацией. Как бы ни поднималась «дубина народной войны», а воевал не только вооруженный наскоро народ, но и армия. В Испании повстанцы оказывались один на один с вражеской армией. Но шли до конца. Нет тут никакой нашей особенности.

Что же до долготерпения перед лицом жестокого начальства и сумасбродного правительства – и тут в исторической перспективе получается как-то наоборот.

Скорее в Средневековой Европе как раз было множество восстаний доведенных до отчаяния, замордованных до полной потери инстинкта самосохранения людей. Полное впечатление, что европейцы приписывают нам исторический опыт этих бесчисленных жакерий.

В России как-то меньше терпели-то и если бунтовали, то сразу.

Большая часть русских бунтов протекала в рамках Системы, а «бунт на коленях» и вообще был своего рода «превентивный бунт», бунт до бунта.

В истории России мы видим множество восстаний, вспыхнувших по разным причинам и в разное время... Но начинались они *достаточно быстро* после появления причин возмущения и потому были поразительно бескровны. К тому же эти выступления на удивление спокойно принимала власть, и стремилась она не истребить бунтовщиков, а договориться с ними. Царь Алексей Михайлович с народом договаривался, по рукам бил. И что важно: народ тоже хорошо осознавал границы дозволенного.

Жестокие и страшные бунты, «бессмысленные и беспощадные», возникали в России тогда, когда народ окончательно разуверялся в «правильной» власти или приходил к выводу, что царь на Руси «ненастоящий».

Можно по-разному относиться к этой глубоко не правовой, не проверяемой рациональными средствами идее *праведности* или *правильности* власти. Но сказалась она и в XX веке, во время революций 1905–07 годов, в феврале 1917 года, в ходе страшной Гражданской войны 1918–22 годов.

Приходится сделать вывод: долготерпение и смиренность русского народа – не более чем очередной миф.

Вот что чистая правда, так это то, что Россия – страна других, не как в Европе, бунтов.

Бывало, бунты оказывались и жестокими, и затяжными, но это когда речь шла о нравственном праве на власть, о ее «праведности». На такой бунт поднимались не ради копеечки и не во имя права на розочку на гербе или привилегию беспошлинного ввоза винного сусла в столицу. Высшая правда оказывалась разной у разных политических сил... Участники Смуты века XVII или Гражданской войны века XX резали друг друга без малейшего шанса договориться. Ибо для каждого отступиться от своей правды означало предать высшие ценности, более важные, чем его жизнь.

Такие «бунты за правду» не сделали нашу историю более милосердной. Но скажите на милость:

Где здесь хоть малейшее долготерпение?!

Где вы увидели рабскую покорность?!

Вместо заключения

Увы, даже наши великие историки, признанные классики историографии считали, что освоение бескрайних просторов России – следствие крепостного права. Ну как не вспомнить о том, что «вся история освоения Сибири есть история бегства мужика от крепостничества», ну и так далее...

Мол, бежали люди из-под ярма, двигались на Восток, осваивали, завоевывали. И вроде бы есть в этом рациональное зерно. Но только если пытаться разглядеть российские просторы, всматриваясь в окошко своего уютного кабинета в квартире где-нибудь на Фонтанке или Остоженке...

Мне тоже, каюсь, раньше так казалось. Пока неожиданно в 2008 году я впервые не оказался в Якутии. К стыду своему, перед поездкой я даже плохо представлял себе, где Якутск находится на карте. Почему-то думал, севернее и ближе к Уралу. А в действительности оказалось – ближе к Магадану.

Для начала – немного о размерах, которые в нашем случае, ох, как имеют значение! Территория нашей Якутии, то есть одного (!) из субъектов Российской Федерации, сравнима по площади со всей Западной Европой. От восточной до западной границы – три часовых пояса. Столько же, к слову, от Москвы до Гибралтара, те же три часа.

При этом плотность населения, наверное, самая низкая после Антарктиды. Из миллиона человек

250 тысяч проживает в столице – Якутске, основанном, по-видимому, теми самыми преследуемыми мужиками-казаками, бежавшими от крепостной зависимости. Такими, как Петр Бекетов, Семен Дежнёв, Федот Попов и Иван Москвитин. Фамилии, как видите, простые, не боярские.

А до основателя Якутска Бекетова на Лене успели побывать и другие отряды – промышленника Пантелея Пянды, казаков Василия Бугора, Мартына Васильева, Ивана Галкина.

Теперь – о «транспортной составляющей».

Дело в том, что в Якутск и сейчас не ведет, считайте, вообще никакая нормальная дорога. Был когда-то туда тракт от Иркутска, и в XIX веке по нему можно было на лошадях проехать, но для автомобилей эта дорога не годится. Сейчас тракт полностью заброшен, хотя постоянно предпринимаются безуспешные попытки построить нормальную автотрассу. То есть теоретически автодорога есть. Но... Те, кому интересно, могут посмотреть в интернете, что творилось на этой федеральной трассе в 2006 году, когда ее размыло дождями, – там выложена масса чудных фотографий. Ни один КамАЗ проехать не мог.

Даже железной дороги до Якутска нет по сей день.

Можно долететь только самолетом. Или на челне – по Лене.

Теперь о климате.

Разница зимних и летних температур в столице Якутии – подчеркну, не на полюсе холода в якутском Оймяконе, а в самом столичном Якутске – знаете, какая? 100 (!) градусов. В январе–феврале бывает минус 60, в июле – до плюс 38–40. Все дома стоят на сваях. Фундаментов просто нет: в землю можно углубиться только на штык лопаты, дальше – лед, вечная мерзлота.

Город, в котором сейчас живет четверть миллиона человек, основан казаками в XVII веке. Тогда же, кстати, они крестили всех местных жителей, и с тех пор якуты поголовно – Николаи Николаевы и Алексеи Поповы.

Так вот объясните мне, насколько же надо было бояться злого барина в XVII веке, чтобы из Вологды или Твери добраться своим ходом до Якутска? Как это сделал тот же Дежнёв. При том, что крепостное право было, мягко говоря, не совсем то, к которому мы привыкли по рассказам о Салтычихе. А стоило отбежать версты на три от барской усадьбы, и никто тебя в те времена уже никогда не смог бы найти. Все! Там дальше власти нет – начинается лес.

Но мы зачем-то продолжаем слушать байки, что освоение Сибири – это все мужики, которые бегали от крепостного права.

А вопрос вот в чем: каков же был уровень любознательности, жажды нового, деловой предприимчивости – всего того, что Гумилев в совокупности называл пассионарностью, – у этих русских казаков XVII века, которые на нартах, на телегах, на лодках вот так шли от Вологды до Якутска. Или с Южного Урала. Или с Дона. Основав город, они двигались еще дальше – и после Якутска появлялись Жиганск, Верхоянск, Зашиверск, Среднеколымск...

В местном музее я видел грамоту, написанную с элементами свойственной тому времени уменьшительно-ласкательной стилистики. *«Того ж году сентября в 25 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу, поставил я с служилыми людьми на Лене острог для государева величества в дальней окраине и для государева ясачного збору и для приезду якуцких людей. А преж тово на*

Лене реке и в якуцкой земле государева острогу не бывало нигде. А поставил государев новый острожек я, Петрушка, против якуцкова князца Мамыкова улусу». «Петрушка» – тот самый Петр Иванович Бекетов, который во главе отряда из 30 казаков присоединил к Московскому государству территорию почти всей Западной Европы... А он тогда еще даже не был атаманом!

В Америке история движения первых переселенцев на Запад, освоения бескрайних прерий – это героическая иллиада, воспетая в тысячах книг и фильмов.

Фронтир, ковбойцы/индейцы, Фенимор Купер, Клинт Иствуд – все дела.

Даже здесь не обошлось без мифотворчества. Хорошие, благородные индейцы – это делавары, могикане, ирокезы – почти европейцы, только поспортивнее, да еще с благородными чертами загорелого Гойко Митича. Это – те, кто в эпопее движения на Запад и англо-французского противостояния в колонизируемой Америки – были за англичан. Плохие же индейцы – жадные, жестокие и коварные, с размалеванными какими-то полукитайскими физиономиями – это гуроны и оджибвеи – те, кто был за французов. Плохие и сиу, с которыми воевала армия США. Под этими намертво припечатавшимися масками несчастные коренные жители США и вошли навсегда в историю.

Американцы продвигались с Восточного побережья США в сторону Тихого океана со средней скоростью 30 км/год. Это была не увеселительная прогулочка под зонтиком в зеленом фургончике. Это было движение по бездорожью, пустыням, постоянные стычки с местными, обустройство по пути фортов – крепостей, колоний. Это был путь романтиков-энтузиастов в неизведанное. Движение за лучшей долей – или навстречу

смерти, туда, где действительно никогда еще не ступала нога белого человека.

Но почему-то мало кто помнит, с какой скоростью шло освоение нашими предками Урала, Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока. А историки посчитали. Получилось, что русские первопроходцы продвигались к Тихому океану на Восток со средней скоростью 170 км (!) в год.

Получается, что покрепче будем. Тем более, погодка-то в Якутске – это вам не Калифорния. Шли наши казачки не через солнечные прерии, а через мерзлую тундру и глухую тайгу. Только вопрос на засыпку: сколько фильмов наш агитпроп снял о Дежнёве и Атласове? И знает ли сегодня школьник хоть одно имя русских первопроходцев, кроме Ермака?

Рассказывают ли вообще в нашей школе о походе тех трех десятков русских охотников-казаков в Якутию? Ведь это они увеличили нашу страну на три с лишним миллиона квадратных километров, причем без всякой крови и геноцида местных якутов-индейцев. Говорят ли на уроках мальчишкам в каждом классе об этом, как о величайшем подвиге? Примере истинно русского мужского характера и истинной службы Отечеству?

Даже крестили – не огнем, мечом и инквизицией, а все лаской да уговорами.

О точно таких же грамотах об «острожках», когда огромнейшие участки суши становились вотчинами государя московского, с вытаращенными глазами рассказывали мне и те, кто побывал в музеях Благовещенска, Иркутска... И вопрошали: что же их так вставило, наших казачков, что они дотуда дошли?

Там, за тысячи верст от Москвы, как-то сами собой развеиваются мифы о нашем долготерпении, рабском сознании, о лени, о пьянстве...

Никогда на пьяную покорную голову да ленивую задницу такого нашим первопроходцам было бы не сотворить.

А эти русские люди шли дальше. Без всякого понуждения. Без всякой военной поддержки. Со всеми стараясь дружить. Семен Дежнёв открыл пролив между Азией и Америкой, Иван Москвитин достиг берегов Тихого океана, уроженец Якутска Владимир Атласов открыл Камчатку...

Нет, ничего их не заставляло.

Просто она вот такая – наша Родина.

Россия без мифов.